

Часть 2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О том, что молодых специалистов нашей кафедры, меня и Наталью, отправляют в конце января на стажировку в Ленинградский институт культуры (как и обещал Юрий Викторович), стало известно две недели назад. И вот, обращая на себя внимание многих встречающих и прибывших в столицу, я шла по залу прилёта аэропорта Внуково в лёгком полшубке из искусственного меха с отделкой из натуральной замши, в замшевой юбке годе и ярко-красном длинном шарфе с кармашками и кистями на концах (всё это привезли родители из Болгарии). В последнее время облик мой стал вызывающе привлекательным. (Причину не понимала сама: то ли из-за того, что похудела и чуть обострились скулы, то ли из-за новой стрижки с более длинной чёлкой? А может, вызывал интерес дерзкий в своём безразличии взгляд?..)

Ну, здравствуй, Москва! В первый раз я увидела её в тринадцать лет. Несмотря на высоту и широту, она показалась мне уютной, наверное, потому, что нашу группу поселили в одноэтажном доме на одной из тихих таганских улочек, и во дворе был залит каток, со светящимися гирляндами и ёлкой. От всех столичных красот я пришла в восторг, особенно от метро и сталинских высоток, и в очередной раз испытала гор-

дость из-за того, что моя родина – Советский Союз. Глядя из автобуса на окна жилых домов, без зависти думала: «Какие же вы счастливички, москвички!»

В тот короткий приезд подружиться со столицей я не успела, но чувствовала, что она будет рада увидеть меня снова. Встреча состоялась через четыре года. Я повзрослела, а Москва, как мне показалось, стала моложе: чистая, звонкая, импульсивная. С радостью вовлечённая в ритм уличного потока, я вместе с другими абитуриентами бегала на вступительные прослушивания по маршруту ГИТИС – Щукинское училище – Щепкинское училище – училище при МХАТе, попутно наслаждаясь видами центра. В конце дня по дороге до станции метро «Молодёжная», когда вагончик с читающими пассажирами выкатывал из-под земли, смотрела на столичные раздолья и с нетерпением ждала нового дня.

В этот раз я надеялась, что Москва не захочет так быстро расстаться со мной. Складывалось вроде всё удачно: и встретили нас с мамой приветливо – пенсионеры тётя Дуся и дядя Гриня – люди совсем незнакомые, их адрес для проживания дала нам участница папиного хора, но принимающие нас как родных (особенно после нашего с мамой исполнения любимой застольной песни тёти Дуси «Оренбургской пуховой платок»); и сочинённые с чокнуто-талантливыми абитуриентами этюды нравились приёмной

79

комиссии; и даже прошла два тура в Щепкинском училище.

Но с Москвой дружить хотела не одна я, счастливицей оказалась крутобедрая двадцатилетняя Оксана, штурмующая театральные вузы четвёртый год. На третьем туре из нас двоих в Училище им. Щепкина взяли её (общий конкурс был приблизительно восемьдесят человек на место). Посетив напоследок выставку достижений народного хозяйства, мы с мамой уехали домой. Обиду на Москву я не затаила, хотя ревела, конечно, отчаянно, а решила поднакопить опыта, мастерства и вернуться через год-другой.

Шло время, а я всё ещё жила на расстоянии четырёх часов полёта от моей и всесоюзной любимицы и только короткими наездами напоминала о себе, не предполагая, что скоро Москва станет моей разлучницей.

В этот раз в столице я остановилась специально, чтобы увидеть Серёжу, проживающего здесь уже четыре месяца.

После его отъезда рассудок мой в попытке уцелеть стал активно давить на чувство ответственности: «Надо жить дальше! Не помирать же в конце концов! У тебя – работа! Новый предмет! Тебя студенты ждут! КВН опять же! И Митенька надеется, и Юрий Викторович! Давай уж, будь добра, соберись! Вспомни: «На свете счастья нет, а есть покой и воля»... Зажми сердце в кулак и чеши на первую пару!» Жить не разжимая кулак было неудобно, но я приспособилась, а окружающие вообще не заметили во мне никакой перемены. И всё же ретивое билось изо всех сил, когда раздавался редкий короткий звонок от Серёжи. Наслаждаясь его голосом, я часто не могла вспомнить, о чём вообще шла речь. Но из разговоров у меня создалось впечатление, что Серёжа, хотя и бодрился, но тосковал по привычному окружению (думаю, что самого его это состояние чрезвычайно раздражало, так как выдавало привязанность к провинции, чего он ни в коем случае позволять себе не хотел).

Писем от Серёжи не было, зато я отправила два акропоздравления: первое, с днём рождения, в октябре:

*С ерые глаза, белое чело...
Е сть в Вас воли сталь и ума печать.
Р езкость мыслей есть. Да, резки зело!
Е сть... Всего не счесть, всё не описать.
Ж ить Вам сотню лет без тревог и зла!
А нгела чело, бесовы глаза!*

Вывела красным карандашом первые буквы строчек и отослала по адресу: «Главпочтамт, до востребования». Ответа не дождалась.

К Новому году написала ещё:

*К ак взбесилось время! Не течёт – несётся!
О стаётся память?! Память остаётся!
Р азлучались часто. Часто разлучали.
Т елефоны вечность вражески молчали.
Н овый год иль старый – всё одно и то же!
И убить мне память разве кто поможет?!
К ак всегда, желаю жизни без печали,
О ставайтесь прежним даже в своей дали!
В просьбе же последней мне не откажите:
У ничтожьте память! (Или увезите.)*

И опять в ответ – молчание.

Зато известие о стажировке Серёжа воспринял с радостью, уточнил, когда я прилетаю, и назначил встречу в четыре часа у памятника Александру Сергеевичу.

В Москве я опять остановилась у тётки Дуся и дяди Гриня, которые каждый приезд встречали меня как внучку (своих детей у них никогда не было). Жили старики у станции метро «Молодёжная» в однокомнатной квартире с большой кухней и широким коридором, застеленными полосатыми половиками. С годами здесь ничего не менялось. По-прежнему с портрета, висевшего над раскладным диваном, молодые Евдокия, в платье с рюшами по вырезу, и Григорий, в гимнастерке, напряжённо глядели в балконное окно на многоэтажки московской окраины. В комнате, как всегда, ни пылинки! На серванте и тумбочке с трельяжем красовались скопившиеся за жизнь Евдокии и Григория сувениры: вазочки с искусственными цветами, шкатулки из чугунного литья, резного дерева и фаянса, статуэтки, орёл с распростёртыми крыльями. Как и в день моего первого приезда, всё стояло на тех же местах и на тех же белоснежных узорчатых вязаных салфетках. И не надо было никакой машины времени, чтобы вернуться почти на пять лет назад.

На кухне тётка Дуся и дядя Гриня, радуясь, словно дети, примеряли подарки от моих родителей:

– Нина всегда попадает в размер! – удивлялся дядя Гриня, по-стариковски равнодушный к моей маме (а рубашку-то покупали мы с папой).

– Лидочка, почему опять так ненадолго приехала? Ни поговорить толком, ни песни попеть! На одну ночь только и остаёшься! И сейчас, подо, опять убежишь?!

– Убегу, тётъ Дусь! Наведу марафет и помчусь!
 – Поздно придёшь? На стол когда накрывать?
 – Я сама пока не знаю. Позвоню и скажу.
 – Встречаешься с кем-то?
 – Встречаюсь, с другом.
 – А друг приезжий? Или москвич?
 – Сама не знаю. Четыре месяца здесь живёт.
 – Ну так приезжий! Мы с Гринеи тридцать лет как в Москве, а всё равно приезжие, чуть зане-
 может, про Пензу свою вспоминаем, как там
 жили до войны, вроде и легче становится, да,
 Гринь?

Я уже не вникала в общий разговор, а, сидя у зеркала, обновляла макияж и вспоминала, как добраться до места встречи.

Есть в людских потоках метро что-то для меня завораживающе-оптимистичное. Тысячи бегущих горожан и гостей столицы проносятся мимо друг друга, торопясь к вагонам, выходам и переходам. И за любым пассажиром стоит его мир с близкими людьми. Во время каждодневной беготни мира эти на мгновение соприкасаются, проникают друг в друга, и их образы, не успев остаться в памяти, откладываются в нашем подсознании догадкой о связи каждого человека с каждым. Под землёй это ощущение глобального единения у меня обостряется особенно. Поэтому в метро, несмотря на общепринятую для пассажиров демонстрацию вежливого безразличия, я одинокой себя не чувствовала, а, пока поезд катил до станции «Пушкинская», пыталась разгадать тайну некоторых окружающих меня миров. Делала это ещё и потому, что нужно было как-то отвлечься от пожирающего чувства страха, что Серёжа на свидание не придёт. Одно меня утешало – коченеть в ожидании любимого я буду рядом с Александром Сергеевичем. Но встреча с Пушкиным не состоялась: не доходя несколько метров до эскалатора, я почувствовала, как во мне горячей волной пробежало ощущение близкого присутствия Серёжи. Я осмотрелась по сторонам. Он стоял чуть вдали от потока и с улыбкой наблюдал за мной.

Господи, Серёжа стал ещё красивей! Он был самым красивым в этой своей огромной Москве! Мы поцеловали друг друга в щёку.

– Лида! Ты обращаешь на себя внимание!
 – Почему? – я оглядела себя. – Что-то не так?

– Нет, как раз всё так! Я, признаться, вначале заметил тебя, а потом только узнал!

– Серёжа! Серёжа... Дай я дотронусь до тебя.

Я провела пальцами по лбу, щеке и губам. Он перехватил мою руку и сжал её. И тут я почувствовала какой-то диссонанс, как будто увидела что-то тревожащее меня, но я пока не могла понять, что именно это было.

– Какие у тебя планы?

– Главный мой план я осуществила – увидела тебя. Теперь не знаю. Наверное, надо закрепить позицию, но, боюсь, времени не хватит, завтра еду в Ленинград.

– Где ты остановилась?

– У знакомых. Кстати, им потом надо будет позвонить. А какие планы у тебя?

Кто-то из нахлынувшей толпы нечаянно подтолкнул меня, одна из перчаток упала на пол, и мы одновременно с Серёжей бросились её поднимать. Наши руки встретились, и я увидела кольцо на его безымянном пальце. Тонкая золотая полоска.

– Ты женился?

– Да.

Вероятно, что-то такое необычное изобразилось на моём лице, отчего Серёжа отпрянул и зло стал спрашивать:

– Ну что?! Что?! Что это за реакция?! Да, мне нужно было как-то остаться в Москве, нужно работать, жить! Нужна прописка!!! И я её получил! Брак наш формальный.

– Вы живёте в одной квартире?

– Пока да.

– И носишь кольцо?!

– Как видишь! Я не собираюсь оправдываться перед тобой! Подумать только, какие глупости тебя волнуют! Какие мелочи! – В его словах была горечь и обида. – Ну хватит уже бледнеть! Может, ещё в обморок грохнешься?!

Я поняла, что Серёже плохо и нужно успокоить его и поддержать, но стояла растерянная, жалкая, сказать ничего не могла и чувствовала, что, и правда, в любой момент могу упасть.

– На сегодня, по всей видимости, дальнейшего смысла в общении нет?! Если он вообще есть! Сообщи мне, когда повзрослеешь!

Серёжа сделал несколько шагов и слился с толпой. Я стояла. Казалось, что, не замечая моего существования, пассажиры всем миром бегут сквозь меня.

Ощущение реальности стало возвращаться на лестничном пролёте двенадцатого этажа тёти-Дусиного и дяди-Гринеиного дома, куда я забралась для того, вероятно, чтобы прореветься

в одиночестве. Пришла в себя, почувствовав боль в руке (почти до крови зажимала рот кулаком, чтобы не рыдать в голос). Когда успокоилась, долго сидела на ступеньках, пытаюсь понять, что я делаю со своей жизнью, где взять сил на жизнь другую, какая она, эта другая жизнь, и зачем мне нужна?! Нестерпимо хотелось к маме и папе! Но вряд ли они могли бы меня утешить, даже если бы и были рядом. Папа вообще рассматривал мою стажировку как возможность осмотреться и найти способ закрепиться в одном из столичных городов.

– Лида, ты пойми, почти полгода в Ленинграде – это просто подарочный шанс!

– Для чего, папа?

– Для всего! Меня бы в молодости туда отравили, так я бы точно обратно не вернулся!

– Но меня ведь учиться направляют!

– А ты и учись, смотри по сторонам, знакомься с людьми, вникай в ситуацию. Там на месте разберёшься, что к чему.

А что там разбираться?! Я знала только три способа остаться: учёба в институте; работа по лимиту; замужество (реальное или фиктивное) – и ни один из них мне не подходил. Конечно, можно было подумать об аспирантуре, но, несмотря на то что я старалась честно выполнять свою работу, всё же пока воспринимала её как временную и всю жизнь ею заниматься не собиралась.

«Взрослеть! Тебе надо взрослеть! Что это означало в понятии Серёжи? Устроиться в Москве?! Стать богатой?! Перестать жить чувствами?!» Я понимала, что можно ответить да на каждый из этих вопросов, но тогда возникал следующий и главный: «А зачем?!». Пока ясно было одно – нужно научиться жить, не надеясь ни на встречи с Серёжей, ни на его звонки. Предстоящие полгода сделать это будет легко, так как телефонных номеров друг друга мы не знали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Возможно, если бы я впервые увидела Ленинград до расставания с Серёжей, я бы сразу влюбилась в этот город. Но в день приезда настроение моё было другим, да и сырая пурга, которой он меня встретил, не способствовала зарождению дружеских чувств. Хотя, конечно, от красоты строений я пришла в восторг! «Неужели на многие из этих домов смотрел Александр Сергеевич?! Жил здесь, ходил как простой смертный?! А Блок?! Мандельштам?!» Ленинградские улицы, на мой взгляд, в своей прямоли-

нейности были предсказуемы и лишены тайн, но, с другой стороны, чёткость планировки позволяла сразу же свободно ориентироваться в городском пространстве, поэтому я быстро добралась до места назначения.

Институт культуры им. Надежды Крупской располагался в Центре, рядом с Марсовым полем, в старинном здании на набережной Невы. Глядя на его помпезность, я удивлённо думала: «Ну, если корпус такой, так что же тогда ожидать от работающих в этих хоромах?!» Но люди, начиная от встретивших гардеробщиц и кончая проректором по науке, в большинстве своём поразили меня доброжелательностью, внимательностью и интеллигентностью.

В отделе кадров мы встретились с Наташей. За время нашей недолгой совместной работы на кафедре я с уважением замечала в ней сдержанность, разумность и спокойствие (завидные качества, к сожалению, не мои). Она никогда не доверяла первому впечатлению, критически относилась к хорошим новостям и рассчитывала в основном на себя. Стажировку рассматривала как плацдарм для поступления в аспирантуру. Понятие «личная жизнь» особых эмоций у неё не вызывало, хотя Наташа была женственна и нравилась мужчинам. Отношения у нас были хорошие, несмотря на разность характеров, а может, благодаря этой разности.

Получив адрес для расселения и проехав через весь город, мы оказались в конце проспекта Ветеранов, в глубине двора нашли дом, поднялись в чистом лифте на шестой этаж и позвонили.

Хозяйка встретила строго по-деловому и сразу же озвучила права и обязанности (звали её Вероника – коренная ленинградка, инженер в конструкторском бюро, стройная, с гривой каштановых волос, сорокалетняя женщина).

Зато, пока мы разбирали чемоданы, она приготовила курицу, мы поужинали с красным вином (за внешней строгостью Вероники обнаружилась заботливость и чувство юмора), и оставшийся вечер она подробно объясняла, где нам обязательно нужно побывать и что посмотреть. Засыпая на румынском диванчике, Наташа для себя предпочла софу, я мысленно выстраивала расписание дел завтрашнего дня.

Но знакомство с нашей руководительницей, Надеждой Ивановной, планы все перечеркнуло. С первых её слов, сказанных голосом, богатым низкими модуляциями, я предположила, что женщина она умная, знает, чего хочет, в людях

разбирается и дело своё любит. Позднее выяснилось, что она вообще редкий человек: принцип «каждый достоин уважения» был для неё руководством к действию и определял стиль работы. На кафедре Надежда Ивановна, окружив себя командой единомышленников, возглавляла секцию «Теория и практика самодеятельного творчества» (куда нас и прикрепили). Несмотря на возраст, загруженность, курение (папиросы «Беломор») и небрежное отношение к своей внешности, Надежда Ивановна, на мой взгляд, была ещё и красивой.

Она сразу дала темы поточных лекций, которые нам предстояло прочитать в конкретный срок в присутствии членов секции (я и Наташа переглянулись с вытаращенными от страха глазами). Раскрыв план работы кафедры, Надежда Ивановна составила для нас график участия в предстоящих мероприятиях, включая посещение всех кафедральных и секционных заседаний, научных конференций и некоторых защит диссертаций.

Ни один предмет, входящий в секцию Надежды Ивановны, я в институте не изучала (не было предусмотрено программой моей специализации) и во время своей недолгой преподавательской деятельности с ними тоже не сталкивалась (в отличие от Наташи, которая как раз вела курс «Самодеятельное творчество»).

Я честно сказала руководительнице о своей нулевой подготовке, на что она с улыбкой ответила: «Зато у вас взгляд свежий, непредвзятый! Если захотите, всё наверстаете! Как раз освоите новые методики».

И понеслось... День был расписан по минутам. Особенно первые две недели. Потом стали появляться некоторые просветы, да и многие вечера оставались свободными. Досуг мой делился на обязательно-полезный; приятно-полезный; неприятный, но полезный и вредный, но приятный.

К обязательно-полезному относилось время подготовки в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина («Салтыковке») к предстоящей через полтора месяца лекции. Внутри дворца (именно так я воспринимала здание библиотеки) было тихо, уютно, и, побывав там один раз, непременно хотелось вернуться. Огромные старинные стеллажи, столы, зелёные настольные лампы, удобные стулья. Я приходила на весь день и не замечала, когда он кончался. Часто занимала место в докторском зале. Столы там были свободные, и только несколько человек, в основном старички и редко солидные дамы, делали свои записи.

Постоянным посетителем был лысый мужчина лет пятидесяти, со смешно торчащими ушами. В столовой, когда он присел за мой столик, мы разговорились. Мужчина оказался профессором в каком-то техническом вузе. Очень веселился по поводу темы моей предстоящей лекции («Принципы самодеятельного творчества») и сетовал, что совсем отстал от жизни. Когда мы увиделись в зале в следующий раз, Николай Петрович (так его звали) предложил мне показать Эрмитаж. «Почему бы и нет? Схожу с удовольствием ещё раз», – подумала я. Ничего неприличного в его предложении я не увидела. Он был на пять лет старше моего папы, по которому я здесь особенно тосковала. Николай Петрович оказался любителем античности и в музее подробно рассказывал о многих экспонатах. У меня были самые общие представления об этом, и хотелось понять, каким образом черепки и обломки могут вызывать эстетическое наслаждение.

– Вы, Лида, умеете слушать! Это редкое качество.

– Честно говоря, раньше не замечала такого за собой. Просто мне было интересно. Спасибо большое, вы потратили на меня полдня, а мне взамен предложить нечего.

– Я от вас ничего и не жду. Ваша непосредственная реакция была мне в удовольствие. Предлагаю отобедать вместе. Обещаю свежайшие пирожные на десерт.

Как тут не согласиться?! Мы поели в кафе где-то рядом с Невским (заварные пирожные, правда, оказались вкусными). За столом я рассказывала о своём городе, институте, о родителях и Саше. Николай Петрович сообщил, что овдовел три года назад. Зато есть отрада – дочь и маленькая внучка. Он с гордостью показал семейную фотографию дочери.

В метро мы обменялись номерами телефонов и расстались.

– Лида, а что преподаёт ваш профессор? – интересовалась Вероника, заваривая для нас индийский чай.

– Почему мой? Он совсем не мой! А преподаёт какую-то техническую дисциплину, я не очень вникала.

– Живёт один?

– Говорит, что один. – И вдруг меня осенило! – Вероника, а давайте его с вами познакомим? Он славный, правда, уши смешно торчат, но умный и не зануда! Может, пригласить его на чай к нам?

Вероника улыбнулась.

– А почему вы решили, что меня надо с кем-то знакомить?

– Не с кем-то, а с хорошим человеком, профессором! Вы – прекрасная женщина, тоже по музеям ходить любите, вот вместе и будете прогуливаться! Почему нет?

– Потому что заинтересовали его вы.

– Я его не заинтересовала! Просто ему грустно одному! Да и как он может мною интересоваться, если старше моего папы? Уже дедушка! Он и для вас староват!

– Какая вы наивная! Но за заботу спасибо!

– Может, я и наивная, но знаю, что нельзя предугадать, где судьбу свою встретишь! Поэтому хотя бы иногда надо менять привычные маршруты!

– Ну уж если вам действительно хочется пригласить его в гости, зовите! Испечём пирог!

Неприятно, но полезно было продирааться к ускользающему смыслу научных статей из рекомендованного Надеждой Ивановной списка.

Когда становилось особенно трудно, я поступала, как школяр, – вступала в мысленный диалог с авторами и жалела их, глядя, как они корёжатся от моих простых вопросов, типа «за что вы так людей не любите?» и «было ли у вас детство?». Ненадолго, но становилось легче.

После этих мучений я с чувством выполненного долга мчалась на какой-нибудь спектакль или в филармонию отвести душу. Наташа (её специальностью было хоровое дирижирование) с энтузиазмом взялась за наведение порядка в хаосе моих музыкальных предпочтений. Я, конечно, имела представление о классике, в институте у нас вели предмет «История музыки», но концерты симфонического оркестра никогда до Ленинграда не посещала, а здесь пристрастилась и старалась использовать каждую возможность. Зато театральную программу составляла для Наташи я. На наше счастье, мы попали в «золотой» товстоноговский период в Большой драматический театр (каждый спектакль был шедевром).

Ещё перед моим отъездом из Кемерово Митенька дал мне номер телефона Анатолия, своего приятеля, и попросил передать ему кое-какие бумаги.

– Вы понравитесь друг другу! Он стихи пишет и прозу, учится в аспирантуре, зарабатывает переводами. Настоящий профессионал.

– А сколько ему лет?

– Точно не знаю, возможно, старше тебя лет на восемь-девять, – Митя улыбнулся. – Старик, одним словом!

Мы созвонились с Анатолием и договорились встретиться в один из воскресных дней в его квартире на Васильевском острове.

Анатолий мне понравился с первого взгляда. Он был обладатель редкого сочетания острого ума и доброжелательности. Среднего роста, худой, русоволосый, сероглазый, в очках, на вид типичный интеллигент. В общении прост и обаятелен. А уж как начитан! Я сидела развесив уши и вникала в каждое слово. Мы вспоминали Кемерово, в котором он когда-то учился на РГФ, читали стихи, я думала: «Как легко с ним! Спокойно, уютно. Как будто сто лет знакомы. Интересно, влюблён ли он в кого-нибудь? Ах, Анатолий, почему ты не Серёжа?» Позднее я поняла, что в поиске своей единственной женщины Анатолий каждый раз влюблялся в очередную хорошенькую претендентку, выстраивал отношения, но быстро разочаровывался. Когда мы познакомились, у него уже на примете кто-то был, а вернее, была. Наверное, поэтому отношения наши складывались в сторону приятельских (как раз то, что нужно!). Я его познакомила с Наташей, и иногда мы собирались втроём в квартире у Анатолия. Количество выпитого вина значительно превышало терапевтическую дозу. Для физического здоровья это, пожалуй, было вредно, но для душевного ох как полезно и приятно.

Анатолий по возможности приобщал меня к интеллектуальным развлечениям Ленинграда.

– Лида, у нас через три дня предполагается чтение переводов в Доме писателей, хочешь, пойдём вместе? Только предупреждаю, тебе это может показаться скучным.

– Мне покажется скучным слушать переводы в Доме писателей?!

Да одна только возможность просто находиться там вызывала во мне восторг!

На чтения наряжали меня втроём. Наташа дала трикотажную венгерскую кофточку к моей замшевой юбке, Вероника приколола брошь из яшмы, я сделала умеренный макияж, накинула на плечи экстравагантный красный шарф и красавицей помчалась развивать свой литературный вкус.

Дом писателей поразил слегка увядающей роскошью (находился он на улице Воинова, в трёхэтажном особняке, когда-то принадлежав-

шем А. Д. Шереметьеву). Впечатлили витиеватые витражи, кресла и диванчики с изогнутыми ножками, бар, органично вписанный в эту старину. (В баре мы откушали коньячку.)

Пока литературное общество собиралось, Анатолий знакомил меня с его представителями. Я чувствовала к себе повышенный интерес, смущалась, пыталась это скрыть, чем доставляла удовольствие наблюдающему за мной Анатолию. Чтобы запечатлеть интерьер, мы сфотографировались на его фоне во всех особо выразительных уголках.

Главным номером программы было чтение глав перевода романа современного испаноязычного автора, имя которого мне ни о чём не говорило. Переводчик, статная пожилая женщина с хрипловато-пронзительным голосом, в течение часа делилась со слушателями, сидящими полукругом в креслах, плодами своего писательского труда. Сюжетную линию из прочитанных отрывков я не уловила. Усыпляюще-гладкие, мелодичные предложения влетали в одно ухо и вылетали в другое, не оставляя впечатления о содержании. Знаний моих было недостаточно для того, чтобы оценить уровень предлагаемого перевода. Я незаметно наблюдала за слушателями и представляла, как бы тут всё расцвело, окажись Серёжа в одном из кресел.

Чтение закончилось поздно. Прощаясь, Анатолий сказал:

– Через неделю идём на закрытый просмотр.

В кинотеатре на Васильевском острове показывали фильм Марко Феррери «Диллинджер мёртв». Ничего подобного я раньше не видела. Действие всего фильма происходило на территории дома главного героя. За время картины персонажи почти не разговаривали, занимались до определённого момента будничными делами, и убийство представилось как одно из таких дел. Создавалось впечатление, что авторы развлекаются и вот-вот всему найдётся объяснение. Но фильм кончился, и стало ясно, что никто не шутил и происходившее оказалось страшной реальностью. Анатолий тоже находился под впечатлением:

– Диалоги к минимуму сведены. Воспринимается как притча о современном образе жизни.

«Одной фразой всё сказал. Классно! – с уважением подумала я. – Учись! Взрослей». И от этого «взрослей» внезапный прилив тоски на мгновение стёр всё впечатление от просмотра.

Среди повседневной круговерти я не заметила, как прошла зима. Окна домов, соскучившись

по солнцу, жадно ловили его лучи и посылали зайчиков по проспектам и улицам поднимать прохожим настроение. Сияющий Ленинград хошел на глазах. Так же, как и в Кемерове, в воздухе витали запахи таявшего снега и ещё чего-то свежего, неуловимого, что часто ощущается в начале марта. Весной одинокому человеку особенно тошно. Хорошо, что брат, страдающий от непривычно долгой разлуки со мной, через день присылал письма. Он снова и снова обрисовывал разные картины курсантских будней, находя новые краски и приёмы. Я выслала ему индийские джинсы (отстояла за ними час в очереди в Пассаже), и Саша написал целую историю о том, как они, Саша и джинсы, неразлучны в часы увольнений и привлекают откровенные взгляды гуляющих по улицам барышень. Читая его письма, я скучала по дому, но желание вернуться в Кемерово пока не появлялось.

Перед Восьмым Марта я пригласила Николая Петровича к нам на пирог, предупредив, что в компании трёх женщин он будет единственным мужчиной. Николай Петрович как-то хитровато улыбнулся и согласился.

Конечно, к пирогу прилагался праздничный ужин. Каждая из нас приготовила своё блюдо: Наташа – чернослив, начинённый грецким орехом, я – салат с кальмарами, а Вероника – плов и ещё несколько закусок. Настроение было приподнятое, я волновалась, понравятся ли друг другу Вероника и профессор.

– В прошлом году на этот праздник я осталась одна. В кафе не пошли – подруга заболела. У телевизора просидела, – раскладывая салфетки, вспоминала Вероника.

– А мы с братом и сестрой к родителям приезжали, – отозвалась Наташа. – Лида, а ты где была?

– Дома. Серёжу встречала, с папой и мамой знакомила.

– И что? – поинтересовалась Вероника. – Где он сейчас?

– В Москве он сейчас, – ответила за меня Наташа, которой я вкратце рассказывала свою историю, – на ней, на столице, и женился. А Лида взрослеть отправил.

– Вот как? Хочет состарить нашу Лидочку! Вот злодей какой!

– Он не злодей! Он принц! Правда, заколдованный немного, – попыталась я пошутить, но, вспомнив о своём прошлогоднем счастье, осеклась и приумолкла.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– А давайте, девочки, выпьем водочки в качестве аперитива за наше женское счастье?

Мы, конечно, поддержали Веронику и, закусив лимончиком, пошли менять домашнюю одежду на праздничную.

Николай Петрович пришёл вовремя, принёс шампанское, торт, подарил нам по букетику мимозы, а мне книгу об Эрмитаже. Он оказался компанейским, хвалил закуски, к месту рассказывал анекдоты, вниманием никого не обделял. С Вероникой они нашли общих знакомых среди его коллег и на некоторое время, к моей радости, увлеклись совместным разговором. Потом мы с Наташей спели дуэтом романс «Не пробуждай воспоминаний» и стали накрывать стол к чаю.

В торжественный момент выноса пирога раздался телефонный звонок, Вероника ответила и передала трубку мне:

– Какой-то мужчина, голос чрезвычайно приятный.

– Алё!

На фоне громких восклицаний по поводу красоты и аромата пирога я услышала Серёжу:

– Привет! Хочу поздравить с праздником!

У меня от неожиданности трубка выскользнула из рук, я подхватила её и опять повторила:

– Алё, алё! Это ты?! Что ты сказал?!

– Говорю, поздравляю с женским вашим днём! Судя по голосам, у вас там застолье в самом разгаре? Я не вовремя?

– Какое застолье?! – Я на какой-то момент выпала из реальности. – Как ты узнал мой номер? Откуда?

– Мама твоя сказала. Как ты? В порядке?

Заметив, что все притихли и смотрят на меня, я унесла телефон в другую комнату.

– Что ты спросил?

– Что-то со связью? Ты не слышала вопроса?

– Нет, это я просто не знаю, что ответить, и тяну время.

– Не надо ничего тянуть, приезжай ко мне на праздники.

– На праздники?!

– Я снял комнату, запиши...

Я лихорадочно записала его адрес и номер телефона.

– Когда приедешь?

– Я не знаю расписания, сегодня, наверное, уже поздно.

– Не поздно. Поезда ходят всю ночь, утром уже будешь у меня.

Через два часа я лежала на верхней боковой полке проходящего из Мурманска поезда, мысленно напевая популярную песню из репертуара Софии Ротару (хотя не была её поклонницей) про «Красную Стрелу». Постоянно вертелись строчки припева: «Где взять мне силы позабыть тебя и болью той не жить? Где взять мне силы разлюбить тебя? Забыть тебя, забыть?»

Но забывать я никого не собиралась, судя по тому, как молниеносно побросала вещи в сумку и, не обращая внимание на советы Вероники и Наташи не бежать по первому зову, помчалась на вокзал как угорелая. Николай Петрович, не смотря на мои возражения, поехал провожать. Не знаю, что он подумал, наблюдая за моей горячкой, но вопросов не задавал, вздыхал, улыбался и пожелал удачи.

Ранним утром я вышла на станции метро «Текстильщики». Вокруг одни убогие пятиэтажки. Но мне ли, кемеровчанке, жаловаться? Почти что родина! Квартира была на первом этаже. Пока я решала, какую из трёх звонковых кнопок нажать, дверь открылась и я увидела Серёжу в шикарном длинном голубом махровом халате.

Он молча взял сумку, провёл меня через полутёмный с запахом нафталина коридор в довольно большую комнату, помог снять полушубок, сказал:

– Располагайся. – И вышел.

Обстановка напоминала его кемеровское жильё: диван (разложенный, застеленный простыней и распахнутым одеялом. Серёжа не успел убрать или специально оставил, ожидая меня?), письменный стол, несколько книг на полках, шкаф для одежды, четыре венских стула, в углу небольшое кресло, палас почти на весь пол. Мебель была разных стилей, старая, но добротная, за ней угадывалась своя какая-то история. На подоконнике стоял катушечный магнитофон. От настольной лампы падал жёлтый свет. Уютно. Так бы здесь и осталась.

Серёжа принёс сладкий чай в бокалах и тарелку с бутербродами из мягкого батона с докторской колбасой.

– Осмотрелась?

– Да. Мне нравится. Ты здесь один живёшь?

– В этой комнате?

– Да.

– Лида! Успокойся, никто сюда не придёт. Давай завтракать!

– Я хочу помыть руки.

– Ну конечно! Идём.

Он показал мне ванную комнату и туалет. Пахло сыростью и половыми тряпками, сантехника была допотопная, но чистая.

– С кухней познакомишься позже.

В тихой комнате за письменным столом мы пили чай, и я рассказывала, как умудрилась купить последний билет на проходящий поезд. Серёжа молча сидел наискосок от меня, и его голая коленка выглядывала из-под халата.

– Простой бутерброд, а как вкусно! Кстати, московская докторская колбаса лучше ленинградской. Спасибо. Какая у нас программа? – поинтересовалась я.

– Нет никакой программы. Будем ловить момент. На сколько ты приехала?

– Думаю, дня на три, хотя, конечно, потом придётся в библиотеке подольше посидеть.

– Так всё серьёзно? Учёная! Ладно, позже всё расскажешь! Искупаться хочешь?

– После поезда? Очень хочу!

Он дал мне шампунь и полотенце, а через несколько минут просунул в дверь ванной свой халат. Я мылась под душем, не веря, что всё это происходит в реальности и через несколько минут опять увижу Серёжу, буду говорить с ним, засыпать и просыпаться рядом. Обернувшись в длиннющий халат, я зашла в комнату и перед зеркалом шкафа стала вытирать волосы. Серёжа, одетый в джинсы, просматривал объявления в газете. Мы впервые остались одни в помещении, которое было нашим, где никто не мешал и никуда не надо было торопиться. В зеркале Серёжа улыбался, глядя на меня. Я не задавала себе вопросы: зачем он меня позвал, почему это произошло именно сейчас, какие он испытывает чувства, если вообще их испытывает. Мне было просто хорошо, как дома. Лучше, чем дома.

– С твоим приездом я будто домой вернулся! – я вздрогнула от совпадения наших мыслей.

– А мне кажется, будто мы где-то над миром. Неважно, какой это город или даже страна. Я могла бы жить здесь всегда.

– Как мало тебе надо! Коммуналка в Текстильщиках!

– Представляешь, какой это дворец по сравнению с шалашом?! А ведь я и на шалаш согласна!

Серёжа молча закурил.

– Ладно, если тебе так больше нравится, то хочу виллу, машину, и всё это у моря! У тёплого.

Кстати, вот тоже из тёплых краев, смотри, кто у меня здесь! – Из сумки я достала маленькую ящерицу, очень похожую на живую, сделанную из мягкой резины. – Это давно моему однокласснику родители из Китая привезли, а он мне подарил. Я её во все новые места с собой вожу. Пусть теперь у тебя обитает, злых духов отгоняет. Хотя, как сказала бы моя бабушка, дом образами бережётся.

Серёжа с любопытством рассматривал подарок.

– Храни меня, дракон китайский! – он прикрепил ящерицу над дверью, зажав хвост в щель между косяком и стеной.

– Я плохо спала ночью. Сейчас вздремнула бы немного.

– Ложись, соня. А мне нужно кое-кому написать.

С дивана я глядела на спину сидящего Серёжи и думала о том, что с момента встречи мы ещё ни разу не коснулись друг друга. Но это не тревожило меня, не выводило из состояния лёгкой эйфории от того, что он просто рядом.

Когда проснулась, был уже день. Я не сразу поняла, где нахожусь, огляделась и чуть ли не запела. Серёжа в коридоре разговаривал по телефону. Я накинула халат и, вдохнув исходящий от него лёгкий запах любимого, зажмурилась от радости. Когда Серёжа зашёл, я в поисках косметички (замшевого мешочка на шнурке) доставала из сумки заброшенные впопыхах вещи.

– Ты их можешь повесить в шкаф, – сказал Серёжа. – Выспалась? Собирайся. Обедаем в Доме композиторов, а вечером идём в гости.

– К кому?

– Это важно? Ты всё равно никого не знаешь.

– Я должна привести себя в порядок.

– Значит, сейчас я присутствую при беспорядке? Хочу увидеть процесс чудесного превращения. – И он сел в кресло.

Я собрала постельное бельё, разложила вокруг свои мазилки и раскраски и начала показательный сеанс. Серёжа смотрел на меня с интересом учёного, давно мечтавшего понаблюдать за поведением особи в естественных условиях и наконец получившего такую возможность. Я устроила целое представление: закатывала глаза, строила рожицы, и мы смеялись. В результате в зеркале появилась чрезвычайно привлекательная, сияющая от счастья девушка.

По дороге к Дому композиторов – он находился в самом центре, чуть ли не у Кремля – я

рассказывала о своём посещении другого Дома в Ленинграде.

– Так у тебя там светская жизнь? Всех старичков-писателей охмурила?

– Я такой цели не ставила, а стариков там, кстати, было мало. А где ты бываешь? Чем вообще занимаешься?

– Ищу возможности поступления в аспирантуру. Ну и кручусь как могу!

– Получается?

– С аспирантурой? Надеюсь, что да. Мы пришли.

По тому, как узнав улыбался гардеробщик, стало понятно, что Серёжа здесь не первый раз. Сам Дом композиторов не запомнился мне ничем. (Правда, мы дальше раздевалки и ресторана не ходили.) В интерьере не было намёка на связь этого помещения с музыкой и творчеством, всё просто, даже чуть казённо. Показав пропуск, мы прошли в полутёмный ресторан, заказали сухое вино, «Столичный» салат и котлету по-киевски. Серёжа возбуждённо рассказывал, как недавно с Алексеем бухал (это его выражение) здесь в компании музыкантов из группы Антонова. Я в рестораны ходила редко (раз шесть в Кемерове и два раза в Сочи), а уж в московском вообще была впервые, нервничала, но пыталась это скрыть. Зато Серёжа был органичен. Вальяжно откинувшись на стуле, он курил и довольно улыбался. Никаких провинциальных комплексов и грусти. Мне показалось, что ему хотелось произвести на меня впечатление всем этим антуражем, хотелось, чтобы я оценила преимущества его новой жизни. И я восхищалась и радовалась за него, но, если бы мы сидели в столовой или кафетерии, была бы счастлива не меньше.

Возвращаясь из ресторана, мы зашли на главпочтамт.

– Ты не меняешь своих маршрутов!

– Мне нужно посмотреть почту.

– Главпочтамт, до востребования? Письма со всего света? Для тебя там, наверное, мешок целый отвели, простой ячейки мало?

В ответ Серёжа засмеялся. В зале он достал паспорт и вдруг стал быстро осматривать свои карманы.

– Я, кажется, в ресторане оставил свой бумажник. Там почти все деньги.

– Господи! Пойдём скорее обратно!

– Мы, конечно, вернёмся, но, думаю, ничего не найдём.

– А я уверена, что найдём! Это же не иголка!

– У меня там ещё и квитанции, и номера телефонов!

– Тебе всё вернут!

– Лида! Твой наивный оптимизм меня никак не успокаивает!

– Хватит разговаривать! Бежим быстрее!

Я со всех ног рванула обратно, так, что Серёжа едва успевал за мной. В раздевалке улыбающийся гардеробщик встретил нас словами:

– Вернулись? Потеряли что-то?!

Моя надежда на удачу сразу переросла в уверенность.

– Я бумажник где-то оставил.

– Немудрено, с такой-то красоткой и голову можно потерять! Не только кошелёк! Вот этот?

– Да!

– Ура! – закричала я подпрыгивая. – А ты не верил!

Серёжа растерянно и радостно улыбался.

– Спасибо! Даже не понял, где его обронил.

– Да здесь же и оставил. Вы только ушли, смотрю, лежит. Наверное, номерки доставал и выложил, а потом забыл. С ними, – он кивнул головой в мою сторону, – всё забудешь!

Серёжа отблагодарил гардеробщика («Вот и мне перепало от вашей находки!» – сказал тот), и мы второй раз вышли из Дома композиторов.

– Вот видишь! А ты не верил! На сегодня, наверное, музыки достаточно? – сказала я.

– Лида, стой!

Я остановилась.

– Опять что-то оставили?!

– Надеюсь, нет!

Серёжа оттеснил меня, прижал к стене здания и стал целовать нежно и нетерпеливо одновременно.

Я даже не подозревала, как моё тело ждало этой минуты! Вначале оно замерло, не веря в происходящее, потом стало лхнуть к Серёже с желанием уже никогда от него не отрываться. Поцелуй прервался, я открыла глаза и встретилась с Серёжей взглядом.

– Домой? – спросил он.

Я кивнула. Но сначала мы купили лапши, яиц, сосисок, сыра, колбасы, творога на завтрак и несколько бутылок «Мурфатлара». Стояли в очереди, выбирали продукты под комментарии друг друга, смеялись и иногда держались за руки. «Господи, как хорошо мне! Всё хорошо, когда он рядом! Ну что ему эта Москва?!»

– Попробуй всё это в Кемерово купить! – опять угадал мои мысли Серёжа.

– Точно. Сколько тебе бедному приходилось в очередях торчать, чтоб семью прокормить!

Мы засмеялись.

– Хотя, конечно, – продолжила я, – в московских магазинах человеком себя чувствуешь. Но, с другой стороны, скучно: знакомств заводить не надо и азарт от погони за удачной покупкой теряется.

– Азарта и здесь хоть отбавляй! Шоколадку тебе купить?

– Нет. Я бы конфеты «Эстрадные» съела, но здесь их нигде не встречала, наверное, только на кемеровской фабрике делают.

– Бедная провинциалочка! По родине зато сковала! Не любишь Москву?

– Почему?! Она тоже моя родина. Только далёкая. Далёкая и беспощадная! Всё отнимающая! Но красивая! Кипучая, могучая, никем непобедимая, Москва моя – ты самая любимая! – пропела я в завершении.

Продукты мы разместили в маленький холодильник «Ока» (он стоял на кухне рядом с большим старым соседским ЗИКом) и в стол, где аккуратно были расставлены пакеты с мукой, крупами, сахаром.

– Кто здесь поддерживает чистоту? – спросила я, оглядев соседские кухонные зоны.

– Все жильцы по очереди.

– А сколько их?

– Пять вместе со мной.

– Ты тоже убираешь?!

– Ничто человеческое мне не чуждо!

– Обалдеть! Герои рядом с нами!

– И это – правда!

– А кто соседи?

– Не помню всех по именам. Не вижу в этом смысла. Не думаю, что я здесь задержусь.

– Другую комнату найдёшь?

– Комнату, квартиру, страну... Как карта ляжет.

У меня защемило под ложечкой. В кухню вошёл жилистый мужчина среднего возраста в майке и трико со словами:

– Привет, соседи!

– Здравствуйте – ответила я.

– Привет, – сказал Серёжа, взял меня за руку и увёл в комнату.

– Мне недавно новый концерт Стиви Вандера записали. Послушай, – он включил магнитофон и вышел.

Заокеанский слепой музыкант стал рассказывать мне о любви, радости и страдании. Во мне музыка, когда она к сердцу, неважно, груст-

ная или весёлая, вызывает сокрушительные приливы веры, надежды и любви. Серёжа вошёл как раз в такой момент и сразу почувствовал моё настроение.

– Мне тоже нравится. Но дослушаем потом. Я вызвал такси, сейчас поедет к Любе. А там определимся, куда дальше.

– Люба – это кто?

– Увидишь.

– Что я должна делать?

– Просто быть со мной.

– Просто?! Да уж, просто!

– А разве нет?! У тебя, во всяком случае, получается.

Через час мы очутились в однокомнатной сталинской квартире, заставленной диванами (по одному в прихожей и на кухне, и два в гостиной) и завешанной тяжёлыми тёмно-синими бархатными шторами и зеркалами разных размеров. Люба, маленькая, худенькая, но с формами женщина, лет тридцати, в узкой короткой юбке и комбинации, открыла нам дверь, бросила: «Проходите» – и села у трельяжа дорисовывать подводку на веке. Её довольно длинные желтоватые волосы торчали мелкими спиральками во все стороны и частично закрывали ей обзор.

– Серж, налей всем выпить. Тебя как зовут?

– Лида.

– Как ты думаешь, какую блузку мне надеть, Лида?

Она закончила краситься, заколола волосы на одну сторону, подошла и открыла шкаф. Пахнуло дорогими духами. На плечиках, тесня друг друга, висели платья, кофты, юбки, с переключены на дверце струились шарфы и пряжками поблёскивали ремни. Я ни в одном магазине не видела таких вещей. Люба вытащила четыре блузки на выбор. Все зауженные в талии, но ткань, цвет и фасон разные.

– Какую? – повторила она вопрос.

– Без разницы! Все шикарные! Любая подойдёт! А вот эта, с мелкими пуговичками, только что не разговаривает, мне кажется, она нам подмигивает.

– Ого! Серж, поздравляю тебя! – крикнула Люба в сторону кухни. Потом пробормотала: – Её и наденем. Иди ко мне, милая! – она погладила блузку, надела и начала застегивать.

Серёжа из кухни принёс стаканы с шампанским.

– Лида, ты по-японски умеешь разговаривать?

– Нет.

– Ну, тогда я спокойна. Хотя было бы интересно послушать. Почему в стаканах? – обратилась она к Серёже.

– Ничего другого не нашёл.

– Надо чаще приходите! – Люба взяла старинный пульверизатор из бордового хрусталя и обильно обрызгалась приятными сладкими духами. – Не выношу этот запах, – сказала она, – а народу нравится.

Послышался звук открывающегося замка, и в квартиру вошёл невысокий мужчина монголоидного типа в короткой дублёнке.

– Ицуи, ты как будто следишь за мной! Только я закончила одеваться, ты тут как тут! У нас гости. Куда пойдём? – голос Любы изменился, в нём слышалось что-то ребячье.

Люба слегка ссутулила плечи, враз сделалась угловатой, щупленькой и какой-то агрессивно-взъерошенной, как подросток. Теперь ей можно было дать лет шестнадцать.

Серёжа что-то сказал на английском, Ицуи улыбнулся и посмотрел в мою сторону.

– Я – Ицуи. Я плохо говорю по-русски. Но учусь, – сказал он с сильным акцентом, от которого речь делалась чуть смешной.

– Она – Лида, – ответила за меня Люба и потерлась носом о нос Ицуи.

– Куда ты нас покатишь, папочка?

Он никак не отреагировал, разве только в глазах появились чёртики. Потом ответил:

– Я ожидаю в машине.

Когда Ицуи вышел, мы стали быстро одеваться, и Люба мне сказала прежним голосом:

– Он – японец. Здесь по контракту. На эту тему вопросов больше не задавать.

Во дворе мы сели в машину, кажется, «жигули», Серёжа и я – сзади. Впервые я видела его в ситуации, когда он не только не командовал парадом, но и вообще не принимал никаких решений. Мы катили по вечернему, горящему огнями Калининскому проспекту. Серёжа был улыбочиво-напряжён и всё внимание устремлял в сторону Любы и японца. «Что они ему? Зачем? Кто эта Люба? – думала я. – Куда ты так рвёшься, Серёженька?» Я осторожно погладила его руку, он слегка сжал мне пальцы, продолжая смотреть в ветровое стекло.

До позднего вечера наша компания сидела в многолюдном новомодном баре, в центре которого был зажжён камин. Из-за шума и громкой музыки приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Я в основном молча улыбалась и пи-

ла глинтвейн, глядя по сторонам, на пламя и его отблески.

Серёжа обрушил на Ицуи лавину своего обаяния, но японец замечал исключительно Любу. Ещё бы! Её губы постоянно что-то говорили ему в ухо, руки периодически касались то его колен, то плеч, то поглаживали торс. При этом Люба морщила нос, смеялась, капризничала, изображая, по всей видимости, раскованного подростка. Её игра временами переходила в вульгарность, и это сильно заводило Ицуи. Люба это чувствовала и держала его в приятном напряжении, улавливая настроение и как бы подчиняясь ему.

Мне вспомнились наши с мамой споры о женских уме и искренности. Наверное, Любин спектакль был примером проявления этого ума. «Интересно, маме бы понравилось? – подумала я, – может, так и надо? И Ицуи доволен, и Люба. Но почему неловко смотреть на всё это?»

После бара мы ещё долго катались по Москве. От выпитого у всех появилась какая-то лёгкость и бесспорное приятие друг друга. Ицуи повеселел и лихо крутил руль. Он угостил нас вяленой сладковатой рыбой из маленьких пакетиков, привезённых с родины. Ничего подобного я раньше не ела. Необычность вкуса вызывала фантазии о далёкой и недоступной жизни в капиталистической Стране восходящего солнца. Вдруг японец запел «Катюшу». Он иногда коверкал слова, но не фальшивил. Люба громко подхватила куплет, не попадая в ноты. Я решила не мешать их дуэту и молчала.

– Лида, ты умеешь песни? – неожиданно обратился Ицуи.

– У нас, когда выпьют, все умеют.

– Как Люба?

– И как Люба, тоже.

– Я люблю песню про гаи. Знаешь?

– Про гаи не знаю.

Он пропел:

– Гаи, гаи, моя звезда, – и засмеялся вместе с нами. – А потом как? Спой!

Я посмотрела на Серёжу. Он улыбкой дал добро.

– Давайте вместе, – предложила я и тихо запела.

Люба охотно присоединилась, но Ицуи через несколько секунд прикрыл ей рот рукой.

Глубокой ночью нас с Серёжей высадили недалеко от дома. Хотя недавно выпал снег, на улице пахло весной. Мы шли в обнимку, иногда я

оглядывалась, чтобы посмотреть, как посередине поблескивающего белого тротуара объединяются в тропинку мои и Серёжины следы.

– Чем занимается Люба? – спросила я.

– Тебя волнует запись в её трудовой книжке?

– Нет. Я раньше с такими женщинами не встречалась.

– Ну вот, теперь встретила. Успела. Люба уедет скоро.

– В Токио?

– Нет конечно. Сначала в Вену, а потом, наверное, в Штаты.

– А Ицуи?!

– Лида, ну что за наивность! При чём здесь Ицуи?! У него своя жизнь.

Меня, конечно, не волновала судьба японца. И Любина профессия (одна из древних, как я теперь поняла) не особенно интересовала, мне хотелось узнать только об эпизодах, связанных с Серёжей. Я продолжила:

– Ты давно её знаешь?

– Летом познакомились.

– Она умная.

– Ты ей тоже понравилась.

– Это она тебе сказала?

– И сказала, и сам понял.

– А как она сказала?

Мы уже стояли у квартиры, Серёжа открывал ключом дверь и промолчал. В комнате я спросила опять:

– Как она сказала? Что?

– Что ты живая, умная и...

– И?

– И любишь меня... Лида, иди ко мне.

Он стал целовать меня нежно, чувственно, неторопливо. У меня по-прежнему захватывало дух от каждого прикосновения. Я ласкала его лицо, руки, плечи, положив голову на грудь, слушала, как часто бьётся сердце. Всё в Серёже казалось совершенным. Хотелось прильнуть к его телу, впечататься и раствориться в нём. Меня слегка потряхивало, но не от эротического возбуждения. Осознание зыбкости наших отношений, возможности их внезапного разрыва не давало мне расслабиться, но в то же время обостряло ощущения так, что подступали слёзы.

Поздним утром в Серёжином халате я накрывала на стол, мы делали бутерброды, пили чай с жасмином, уминали рассыпчатый творог со сметаной и сахаром, потом вместе мыли посуду. Это были минуты чистого счастья.

– У меня днём встреча, которую отменить не могу. А вечером пойдём в кино. Вот тебе ключ.

– Я прогуляюсь по Арбату.

– Встречаемся дома часов в пять.

«Дома». Я ходила по московским улицам и вспоминала, как просто и естественно произнёс Серёжа это слово. Как будто речь шла и о моём доме тоже. О нашем доме. Вдруг поймала себя на мысли, что сейчас, когда мы вместе с Серёжей в Москве, она стала как бы меньше и уютней, а когда он был в Кемерове, то город в его присутствии, казалось, вырастал и увеличивался.

По дороге кое-где из дверей магазинов виднелись хвосты очередей, вероятно, к празднику «выбросили» какой-то дефицит. Я не присоединялась – не было ни желания покупать, ни денег.

– Лида! Не может быть! Вот уж, правда, мир тесен! В Кемерове не видимся, а здесь – пожалуйста! – навстречу мне по Калининскому проспекту шла Лена, красивая, как всегда.

Я обрадовалась:

– С ума сойти, какая встреча! Ты, наверное, к Алексею приехала?

– Ну да. Надо же! Я на Арбате всегда когонибудь из кемеровчан встречаю. Постой, ты же вроде в Ленинграде должна быть, мне папа твой ещё в январе по телефону сказал.

– А я действительно в Ленинграде. В Москву приехала на несколько дней. К подруге, – соврала я.

Мне не хотелось обсуждать мои нынешние отношения с Серёжей.

– По мороженому? – предложила Лена. – Правда, времени у меня совсем мало.

Мы зашли в ближайшее кафе. Лена с интересом выслушала мои ленинградские впечатления. На вопросы об Алексее и их планах отвечала уклончиво и неохотно. Потом неожиданно сказала:

– Ты ведь, конечно, знаешь, что Кортников фиктивный брак сделал? Теперь москвич!

– Ну и Бог с ним. Давай не будем об этом!

– Да, конечно, прости! Представляю, как ты с ним намучилась! Знаешь, он хоть и друг Лёшин, но такой... Я всегда удивлялась, что их объединяет! Лёшка прям другим человеком делается, когда они вместе.

– Лена! Господи! Что ты говоришь?! Всё совсем наоборот!

– Что наоборот?

– Всё! Не хочу дальше продолжать! Давай оставим эту тему!

– Давай! Тем более мне уже идти пора. Скажу только, что Кортников теперь к иностранкам прибивается.

– К иностранкам?!
 – Ну да! Шанталь – французенка. И ещё шведка.
 – Как это?! Тебе Алексей сказал?
 – Не сказал, я из разговоров поняла. Переписывается с ними. По-видимому, хочет уехать за границу. Всё. Пока. Побежала. В Кемерово со звонимся!

«Голубь мой, Серёженька! Куда же ты всё время рвёшься? Что ты хочешь найти?» Новую информацию мне трудно было соотнести с тем, что происходило вчера и сегодня между ним и мной. «Возможно, Лена ошиблась, что-то не так поняла? Ведь думает же она, что Серёжа тлетворно влияет на такого доброго и порядочного (ха-ха) паренька Лёшеньку», – размышляя таким образом, я возвращалась в Текстильщики. «Франция, Швеция! Существуют ли они вообще?» Я знала, что никогда не смогу увидеть их своими глазами, а значит, для меня они были лишены реальности, как любой вымысел, пусть и заснятый на фото- и киноплёнке. «Так стоит ли расстраиваться из-за того, чего нет в действительности?»

– Ты сможешь приготовить ужин? – спросил Серёжа, как только я разделась.

– Попробую. Вообще-то у нас в основном готовит мама, а по праздникам – папа.

– Я помню. Цыплята табака.

– Не только! Но сегодня обойдёмся лапшой с сосисками и салатом из капусты.

Как я умудрилась такую простую еду готовить час?! К этому времени мы так проголодались, что вкусным показалось всё. Мы выпивали вино, произносили шуточные тосты с пожеланиями, чтобы исполнялось задуманное.

– Представляю, какая красивая у нас могла бы быть дочь! – улыбаясь, сказал Серёжа.

От этих слов у меня перехватило дыхание и появилась надежда, что это начало разговора о совместной жизни.

– Если бы походила на тебя! А я хотела бы мальчика.

– Сын, как я, а дочь, как ты. Ты предохраняешься?

– Нет.

– Почему?

– Зачем мне от тебя предохраняться? Я принимаю тебя со всеми твоими возможностями. Рада им. И потом встречи наши такие редкие, непредсказуемые.

Серёжа закрыл тему так же неожиданно, как и начал.

– Если сейчас быстро соберёмся, то успеем на восьмичасовой сеанс.

Ночью я долго лежала с открытыми глазами. Серёжа, как это делают дети во сне, сложил на меня руку и ноги. Я осторожно гладила его волосы и боялась заснуть. «Пусть не наступит завтрашний день. Пусть я буду держать Серёжу в объятиях до тех пор, пока не устану, пока это не надоест мне, пока не захочу наконец оторваться от него по собственному желанию».

Просыпаться с Серёжей! Умываться с Серёжей! Завтракать с Серёжей! Слушать его, насмешничать, поддразнивать! Смотреть, как он одевается, провожать до двери, целовать на прощание!!!

– Я часа на три. Ты пойдёшь куда-нибудь?

– Нет. Сделаю генеральную уборку в комнате и вообще.

– Вообще не надо, а если в комнате, то... Там разве грязно? Хотя, конечно, тебе как девушке видней... Сильно не усердствуй.

Я люблю делать уборку. Люблю, когда грязь сдаётся, уступает место свежести. Мне кажется даже, что зимой в чистой квартире теплее, а летом прохладней.

Когда я протирала пол в кухне, вышел уже знакомый сосед в трико.

32

– Так сегодня не Серёгина очередь! И мне готовить надо. К Женскому дню вашему!

– Я уже заканчиваю.

– Ну, давай, – он наблюдал за мной из коридора.

– А ты Серёге не сестра случайно?

– Случайно не сестра. Просто в гости приехала. Мы из одного города. Сегодня уже уеду.

– Я подумал, родственница. Так ты зачем тогда пол моешь перед отъездом? Вроде как вымываешь себя отсюда. Примета такая есть.

– Мою, чтобы чисто было. А в приметы не верю.

В комнате, отмывая вековую грязь в углах подоконника, я поймала себя на том, что тихонько напеваю: «Миленький ты мой, возьми меня с собой! Там в краю далёком буду тебе сестрой!» И ещё раз подумала о том, что я действительно хотела бы остаться с Серёжей в любом качестве: сестры, друга, товарища, няньки, о жене я уже и не говорю.

Протёртая мебель в благодарность приобреталась, в комнате становилось уютнее. На письменном столе был порядок, но пыльно, особенно на полочках под столешницей. Нечаянно

тряпкой я задела стопку аккуратно сложенных листков, и они разлетелись по полу. Поднимая, разглядела на одном из них ручкой нарисованные губы, окружённые множеством маленьких стрелочек. Большими печатными буквами было написано: «Целую тебя под каждой стрелкой». Трудно было определить, писал ли это Серёжа или писали ему. Среди бумаг оказалось много конвертов с иностранными адресами. Было несколько писем из Парижа от Шанталь. И два конверта, отправленных мной.

Я восстанавливала стопку, и с каждым листком в комнате появлялись воображаемые мною отправительницы писем – одна краше другой. Они светились от сознания своего превосходства, насмехались над моей наивностью, да что там! Глупостью! Подмигивали друг другу и, объединившись, наступали на меня, высоко задирая ноги под музыку канкана.

К приходу Серёжи отмытая комната, казалось, прибавила в цвете и немного расширилась. Я встретила его уже одетая, накрашенная, с собранными вещами.

– Очень чисто! Такое ощущение, что здесь сделали ремонт! Почему ты с сумкой? Ты же к ночи собиралась ехать?

– Я боюсь, что на праздники билетов может не оказаться. Поеду пораньше.

33

– А поесть? Ты голодная?

– Нет. Ела вчерашнюю лапшу и тебе оставила.

– Лида, что-то случилось? Что случилось?!

Он стоял передо мной ещё в дублёнке.

– Ничего. Серёжа, я, когда стирала пыль, нечаянно рассыпала пачку твоих писем. Я положила их на место. Прости.

– Ты читала мои письма? Как ты могла?! Лида! Читать чужие письма! От тебя я этого точно не ожидал!!!

– Я их не читала! Только конверты с адресами и записку с рисунком! Я не специально. Не смогла удержаться.

Серёжа немного покраснел.

– И ты, конечно, сделала вывод?! Какой, интересно?!

– Когда речь идёт о тебе, я не способна на выводы. Но здесь даже для меня всё очевидно.

– Что очевидно? Что тебе может быть очевидно?!

– Серёжа, посмотри на меня! Мы что? Соримся?! Но в этом нет смысла! Я же и так уезжаю. И неизвестно, когда теперь мы ещё раз встретимся. Ведь правда?!

Он молчал.

– Я, как обычно, буду рада видеть тебя всегда, – из последних сил я довольно натурально улыбнулась. – Теперь, когда знаю, что писем ты не выбрасываешь, я буду писать тебе чаще, плакать от долгой разлуки, и по количеству пролитых на бумагу слёз письма мои в твоей стопке займут первое место.

Серёжа не пошёл меня провожать. Сказал только:

– Если на сегодня не будет билетов, возвращайся. – И поцеловал в щёку.

Я шагнула в Москву, опять расширившуюся до невероятных размеров, и уже в метро захотела вернуться и остаться хотя бы до ночи, хотела, чтобы не оказалось билетов, но мне опять повезло – достался последний на проходящий поезд до Мурманска.

Через три недели нас с Наташей вызвали в Кемерово (серьёзно заболел преподаватель, и нужно было его подменять). В Москве мы были часов пять. Я позвонила Серёже, но трубку никто не взял.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В восемнадцать лет я впервые увидела море. На диком Хостинском пляже, с видом на санаторий в горах, зашла в волны, лизнула воду, убедилась, что она действительно солёная, и поплыла вдаль легко и бесстрашно, как будто там меня только и ждали.

Я люблю море в любую погоду. Его вид, запах, волны и бездны вселяют в меня силу, способную противостоять долгие месяцы сибирской зиме со всеми её последствиями. Даже сон, в котором я вижу море, приподнимает мне настроение на несколько дней. Поездка на юг занимала первое место среди всех моих радостей, пока я не встретила Серёжу. А теперь, когда уже полгода от него не было никаких вестей, неожиданное папино предложение отдохнуть в Сочи вместе с Сашей (папе как раз заплатили давно обещанные деньги на одной из подработок, плюс часть моих отпускных) приглушило тоску и побудило к активным сборам.

Брат не верил своему счастью.

– Лидка! Две недели полной свободы! Ты только там не командуй!

– Не знаю, не знаю, Саша! Как же без командиров? Отвыкнешь на отдыхе, потом в казарме трудно будет. Нельзя к хорошему привыкать. Так что ничего обещать не могу.

Вещи мы собирали уже в предчувствии праздника.

– Лида, не хочется быть банальным, – приподнимая чемодан, сказал Саша, – но, надеюсь, ты не взяла с собой мои гантели, дабы я занимался по утрам?

– Что, тяжёлый?

– Да нелёгкий.

– Сашенька, это конечно не гантели. Это – книги.

– Сестра! Ты что, там читать собираешься? Я такую тяжесть не потащу!

– Я думала, что после утренних маршбросков с полным снаряжением это для тебя не груз! Ну, так уж и быть! – И я вытащила из чемодана словарь Ожегова и Большую советскую энциклопедию.

Мы захохотали.

– Нет! Читать я собираюсь меньше всего! Будем плавать, плавать и купаться! Иногда загорать, ходить в кино, на танцы! Пить «Фетяску»! Сашка, я покажу тебе шашлычную «Гранат»! Найдём тебе девочку-припевочку!

– Это я сделаю без тебя!

– Посмотрим!

– А я найду мальчика для тебя.

– Давай! Ты ведь знаешь, на кого ориентироваться! Только, боюсь, ничего не выйдет! Природа не повторяет своих ошибок!

И мы засмеялись опять.

Через неделю нашего пребывания в Хосте (район в Сочи) пошёл дождь. Мы обрадовались. Наконец остались одни в своей каморке в цокольном этаже хозяйского дома (другое жильё в разгар сезона снять не удалось) и отсыпались после бесконечных заплывов, тенниса, танцев и пирушек в баре гостиницы «Хоста». Саша ни с кем из окружающих девушек знакомиться не захотел, был неотлучно при мне и держал оборону от кавалеров, которые за мной ходили косяками. Моя весёлая доброжелательность, сочетающаяся с иронией и скрытым отчаянием, вероятно, как-то призывно действовала на представителей мужского пола.

Особенно настойчивым был Олег – ординатор из Саратова. В отличие от других он задавал много вопросов о моём отношении к жизни вообще, интересовался любимыми авторами и при удобном случае просил спеть про степь. (Это после того, как я на стихийно собравшемся на ночном пляже пикнике так её прогорланила, что, наверное, турецкие пограничники всплакнули.)

Олег готовился стать детским хирургом, уже иногда делал сам несложные операции и гордился тем, что был учеником какого-то знаменитого профессора. Мама и папа Олега тоже врачевали. Мама заведовала лор-отделением, а папа клиникой. Династия. Его искренняя заинтересованность профессией привлекала меня. (Он и внешне был приятным: среднего роста, статный, сильный, при этом чуть неуклюжий. Густые непокорные тёмно-русые волосы, внимательный взгляд сквозь очки, открытая улыбка полноватых губ делали его обаятельным и вызывали доверие.) Познакомились мы с ним в баре вскоре после приезда. На следующий день Олег с двоюродным братом, с которым вместе отдыхал (тоже врачом), перебрались на наш пляж, потом присоединились к нам за обедом в шашлычной и вечером встретили на танцах. Саша нервничал:

– Сестра, ладно те, эпизодические, мелькают, а этот в постоянные метит! Отшить его?

– А кто мне мальчика найти хотел?! Оставишь сестру старой девой. Шучу. Пригласи меня на танец, и тихо уйдём!

В следующий раз Олег на пляж пришёл уже без брата и постепенно стал третьим в нашей компании. В этот дождливый день он неожиданно появился у двери в каморку.

– Как ты нас нашёл?! – удивлялся Саша, впуская промокшего незваного гостя.

– Вычислил. Проследил. Вы спите?

– Отсыпаемся, – сказала я, надевая в кровати сарафан.

– Пытаемся отоспаться, – невежливо уточнил Саша.

Но Олег не обиделся.

– Я принёс вино и окуней горячего копчения. Любите?

– Любим, – ответила я, – но есть не будем. Здесь. Иначе всё пропахнет рыбой, у нас даже раковины нет, чтобы посуду отмыть потом, тарелка одна и всего два стакана. Удобства, в том числе и вода, – на улице.

– Я заметил. А пойдёте к нам! У нас просторно и посуда есть, и вода!

– Сестра, ты, если хочешь, иди, а я всё-таки посплю. Мечтал весь год.

– Лида, соглашайся! Я один всё не съем!

Окуни манили запахом копчения. А скрытая причина предложения Олега была мне очевидна. Может, он – тот далёкий король, которого мне нагадала тётушка Поля? Я представила, что бы

она сказала в этой ситуации, и едва сдержалась от смеха, потому что отчётливо услышала её слова: «Король фартовый! Предлагает убить двух зайцев: и рыбку съесть, и...»

– Если пойду, – ответила я Олегу, – то только рыбку съесть.

– А вино?! Белое?! Сухое?! – искренне удивился он.

Стало ясно, что тётушки, подобной Полине, у Олега не было, а намерения насчёт меня, даже если и имели место, формулировались им совсем по-другому.

Дождь кончился. На улице было влажно, сыро, но тепло. В ближайшем кафе самообслуживания мы купили салат, хлеб, сок, чтобы заполнить стаканы, и съели наконец окуней, запуская их тайно разливаемым вином. Разговаривали, прыгая с одной темы на другую. Лёгкость курортных отношений располагает к откровенности и фантазии. Я пыталась определить, в каких пропорциях они содержатся в рассказах Олега. Он показался мне одновременно простодушным и здравомыслящим, уверенным и застенчивым, и ещё необыкновенно юным, хотя мы были ровесниками. Я нравилась ему. Очень. Чуть позже мы пошли к морю и целовались на безлюдном пляже. К моему приятному удивлению, делал он это мастерски и никаких попыток пойти дальше не предпринимал. Я сама спровоцировала продолжение. «Без слёз, без жизни, без любви». И без стыда. Расчётливо сжигала мосты.

К концу отдыха Саша смирился с присутствием Олега. Особое уважение вызывала его профессия.

– Но что-то он для хирурга пьёт много, – сказал Саша, когда мы перед сном делились впечатлениями дня.

– Не больше других.

– Мне кажется, больше. Хотя это же – отпуск! – брат помолчал. – Хотела бы жить в Саратове?

– Не знаю, не была там. Главное – не где жить, а с кем!

– С Олегом, например?

– Саша, брось! Курортные романы свадьбами не кончаются. Так, интрижка!

– У тебя, может, интрижка, а Олега зацепило.

– Это он тебе сказал?

– Не напрямую. Всё о тебе выспрашивал. Узнавал, не сильно ли у нас холодно на Новый год.

– Что? Приехать собирается?

– Может быть.

– Ну, это он пока воспоминания свежие. Дома всё пройдёт.

Из Хосты Олег уезжал с железнодорожного вокзала. Мы с Сашей пришли провожать. Поезд задерживался на четыре часа.

– Интересно, наш на сколько опоздает? – спросил Саша (мы отбывали на следующий день).

– Это хорошо, что задержка, – радовался Олег. – Можно ещё раз с морем попрощаться.

– Без меня, – сказал Саша. – Идите, гуляйте, я за чемоданом посмотрю. Как удачно, что кроссворд взял. Только вы недолго!

Держась за руки, мы шли по вечерней Хосте. Расставаться не хотелось. За неделю я не успела привыкнуть к его искреннему вниманию, нежности, заботе, но этого времени хватило, чтобы понять, что продолжение прежней моей жизни невозможно. Дальнейших наших встреч я, конечно, не ждала и была уверена, что и Олег ни о чём подобном не думает.

– Соскучился по дому?

– Нет.

– А по работе?

– В больницу, пожалуй, уже можно. Мыться только надоедает. Но говорят, скоро привыкну.

– Мыться?!

– Перед операцией. Мы начиная от плеч щётками все микробы смываем. Потом ещё обрабатываем для стерильности.

– У меня твоя работа трепет вызывает...

– Я... Лида... – мы стояли в тени плакучих привокзальных ив.

Олег пальцем осторожно провёл по моим губам и подбородку. Так я сама часто дотрагивалась до Серёжиного лица.

– Лида. Я приеду к тебе. Ты хочешь?

Не дожидаясь ответа, он стал целовать сначала нежно, проникновенно, как бы запоминая каждый момент, а потом отчаянно и страстно. Сердце моё сжалось от чувства благодарности и вины.

Стоя у вагона, мы обещали звонить друг другу.

– Лида, а писать я не люблю.

– Конечно. Будем узнавать все новости по телефону.

Междугородняя связь была дорогой, но Олег звонил. И писал. Присылал короткие весточки – отчёты о работе, которая только одна и помогала, по его словам, выживать вдаль от меня. Несколько раз к письмам прилагались фотографии до операции, во время и после, на которых узнать Олега можно было только по очкам, торчащим между маской и шапочкой. Я отвечала на

его письма, делясь впечатлениями дня, описывая общение с подругами, о которых рассказывала ещё в Хосте.

Вера летом с ответным визитом съездила к Игорю, своему жениху, в Севастополь. (Пока я была в Ленинграде, Игорь приезжал в Кемерово. Всех покорила весёлым нравом, игрой на гитаре и серьёзностью намерений.) Она познакомилась с родителями, понравилась им и через год планировала выйти замуж. Мою переписку с Олегом Вера одобряла и удивлялась, как, на её взгляд, похожи повороты наших судеб.

– Вот увидишь, время пройдёт быстро. От письма к письму, от звонка к звонку, так и Новый год настанет. Уж я-то знаю, – говорила она мне.

– Вера, у меня ситуация совсем другая! Никто ко мне на Новый год приезжать не собирается и о любви не говорит!

– Это дело времени. Он тебе уже почти два месяца письма пишет! Думаю, что скоро и сам придет.

– Если честно, то Олег говорит, что вышлет деньги мне на билет, а сам прилететь не может из-за графика операций. Его какой-то местный профессор взял под крыло.

– Ну, вот видишь? Обязательно поезжай!

– Зачем? Я ведь не люблю его!

– Ты бы хотела его сейчас увидеть?

– Ну да.

– Он приятен тебе?

– Да. Он нормальный. И что?

– А то, что одного этого достаточно, чтобы подумать о продолжении отношений!

Подобного же мнения придерживалась и Марина.

– Хочу тебя обрадовать – мазохизм излечим! Онегина твоего давно забыть надо! Жизнь даёт нормальный шанс! Парень без гусей и закидочков! Конкретная профессия в руках! Деньги выслать собирается! Тебе твой Кортников хоть раз оплатил что-нибудь?

– Вот ты сейчас только фамилию его произнесла, и сердце моё запрыгало.

– Лида! Как в тебе это сочетается?! Ведь ты же – умная, но при этом – полная идиотка! Ты Олегу хотя бы не отказывай! Просто поезжай в Саратов, город посмотри, развейся!

– Не хочу никого обманывать!

– А ты никого и не обманываешь! Он ведь не спрашивал тебя о любви? Да и сам в ней не признавался!

– И то верно.

Папе и маме об Олеге проговорился Саша. Потом они наблюдали мои междугородние переговоры, с интересом рассмотрели фотографии, которые я показала. После очередной телефонной просьбы Олега приехать папа сказал:

– Нечаянно услышал, что тебя в Саратов в гости зовут. Не дело это, чтобы девушка ехала. Пусть сам приезжает.

– Не может он пока. Из-за работы. Да я и не собираюсь никуда ехать.

– Работа для мужика – причина уважительная. А если ты вдруг соберёшься, могу позвонить Петру Семёновичу, остановишься у них.

Я поняла, что и родители не против продолжения моих отношений с Олегом.

К концу октября тонким покровом лёг снег и больше не таял. Приближался ноябрь. Праздничные демонстрации, которыми он начинался, были проверкой тружеников, школьников и студентов на способность выдерживать многочасовое стояние на морозе. Обычно, ожидая выхода к трибуне, народ толпился на улицах, примыкающих к площади, и в борьбе с холодом топал, хлопал, припрыгивал, плясал под частушки и песни времён революции, мигрировал к колоннам соседних предприятий, институтов и в приятельских компаниях, согревался изнутри (водочкой в основном) и снаружи в подъездах близстоящих домов. Ожидания демонстрации помнились дольше, чем короткие шествия перед представителями местной власти: успевали крикнуть «Ура!» на несколько призывов с трибуны и расходились по домам. Праздничные дни проходили быстро, а ноябрь тянулся, предательски отрываясь от осени и прибываясь к зиме (и так бесконечной в Сибири).

– А у нас в ноябре ещё тепло. Во всяком случае, снега нет. Приезжай! Мама выпытывает, какая ты. Просит фотографию, а у меня нет.

– Я тебе вышлю.

– Лучше приезжай сама!

Я решила прилететь на ноябрьские праздники. Безусловно, за свой счёт. Собиралась остановиться в семье папиного приятеля. Узнала расписание самолётов, рейс был из Новосибирска, но билеты пока не брала, ждала полочки.

В этом учебном году количество часов моей преподавательской нагрузки увеличилось, я стала куратором группы первого курса, из института приходила поздно, но всё равно опять с удовольствием согласилась помогать Митеньке в подготовке очередного представления КВН. Состав

команд обновился, Миша и Марик, с головой ушедшие во врачевание, теперь уже выступали в роли почётных консультантов и на репетиции приходили редко. Миша сделал Юле предложение, и это изменило характер наших, теперь уже редких, встреч: мы оба стали сдержаннее в проявлении своих эмоций по отношению друг к другу.

Роман Марика и Марины всё ещё длился к всеобщему удивлению (больше всех удивлялись они сами). Теперь Марик тенью за Мишей не ходил, но и с Мариной времени проводил не так уж много. По-прежнему работал на скорой, в больнице получал специализацию реаниматолога, а в свободное время часто – и это раздражало Марину – писал рассказы, которые она мне тайком давала читать, сопровождая рукопись комментариями, примерно такими:

– Вот ещё вышедшее из под пера гения в часы, оторванные от наших свиданий! Оцени! Стоило оно того?!

От чтения очередного рассказа Марика меня отвлек телефонный звонок. В этот день я пришла домой раньше обычного. Ещё утром, когда проснулась и посмотрела в окно, а потом в троллейбусе по дороге на работу я вдруг ощутила радость, обычно сопутствующую появлению Серёжи или вестей от него. Я не могла объяснить, откуда взялось это предчувствие, но весь день подсознательно стремилась поскорее оказаться в своей квартире у телефона.

– Алё. Я слушаю.

– Лида, голос твой не изменился! Как удачно, что я застал тебя дома!

– Серёжа! Господи! – Сердце запрыгало, как щенок, к которому после долгой разлуки вернулся хозяин. – Ты где?

– Здесь. Я приехал на два дня. Экспромтом! Сегодня вечером хочу собрать близких друзей. Придешь?

– Приду конечно! Разве может не прийти близкий друг?! Во сколько?

– К семи часам. В ресторан «Кузбасс».

– В «Кузбасс»?!

– Да, мы там остановились в гостинице, родители не знают, что я в городе, не стал их волновать по пустякам. Встречаемся у входа со стороны гостиницы.

Вот она – знакомая лихорадка! Всего полтора часа на сборы! Быстрее в душ! Что надеть? Как назло, юбка нарядная в стирке! Из одежды ничего нового! Хотя стоп!!! Для него же всё новое – мы не виделись восемь месяцев. В голове

ни мыслей, ни вопросов: почему не звонил? Зачем позвал? Означает ли это что-нибудь? Только одно желание – к нему! К нему! Скорее! Немедленно! Сейчас!

Ресторан находился в Центре, в старой части города на улице Весенней, и примыкал к гостинице. При желании в нём можно было разместить человек двести. Высоченные потолки делали зал гулким и неудобным. Меню здесь не менялось годами, и готовили подчас хуже, чем в столовой, но увеселительных заведений в городе было мало и народ приходил всё равно. Когда я зашла в гостиницу, Серёжа уже ждал меня у входа. Модно-элегантный, по-прежнему красивый, улыбчивый и возбуждённый, но напряжённый, со следами усталости на лице.

– Привет, привет, Лида! Вот мы и увиделись! Ты рада? – он по-дружески приобнял меня и слегка прижался губами к щеке.

– Ещё бы! Почему ты не предупредил заранее? В городе бы вывесили флаги и выставили почётный караул! Это скромность?!

Серёжа засмеялся, взгляд стал тёплым, как во времена наших первых встреч. Было очевидно, что он рад меня видеть, но пытается сдерживать проявление этой радости.

– А где остальные твои друзья?

– Скоро появится Александр, я ему позвонил утром, и он едет из Кузни. Кстати, Саша ведь тоже преподаёт в вузе.

– Мы с ним почти два года не виделись.

– А мы встречались. Он ко мне приезжал в Москву.

– А кого ты позвал ещё?

– Больше никого.

– Так мы будем втроём?

– Нет. Лида, я приехал не один. Со мной известная поэтесса, думаю, что вам будет интересно поговорить друг с другом.

– А как фамилия?

Серёжа сказал, но никаких ассоциаций она у меня не вызвала.

– Я не слышала. А имя?

– Любовь.

– Опять Люба?!

– Почему «опять»?

– Ну, в последний раз мы тоже к Любе ходили, – было очевидно, что Серёжа не мог понять, о ком я говорю, но потом вспомнил:

– Ах, Люба! Как давно это было! Та сейчас в Италии живёт.

– А эта в Москве пока?

– Лида, она известный в столице человек, простая и умная. Никогда не была в Сибири, вчера спонтанно пришла идея поехать, сели в самолёт и...

У входа показался Александр, и наш разговор прервался. Ребята обнимались, хлопали друг друга по плечам, улыбались, Серёжа сиял. Они подошли ко мне. Александр, чуть похудевший, с восхищением оглядывал меня:

– Лида! Никогда этого не говорил при Серёге, но сегодня не могу сдержаться. Ты выглядишь просто класс!

– Действительно, – вежливо подтвердил Серёжа. – Я заказал столик, пойдёмте. Люба позднее присоединится.

Нас уже ждал традиционный «Столичный» салат и водка.

– Печально, но сухого вина в ресторане вашего города не оказалось, поэтому – водка!

– «Вашего»? А твоего? – спросил Александр.

– Нет уж! Теперь он точно не мой!

– Ясно, – Александр поднял рюмку. – Ну, здравствуй, столичный гость Серёга, с приездом тебя!

– В наш город, – добавила я.

Мы выпили, и под закуску пошёл разговор. Мальчики вспоминали общих знакомых, уточняли, кто где. Александр описывал трудовые будни и сокрушался, что на их факультете студентки в меньшинстве. Я хвалила нынешние институтские команды КВН и пересказывала удачные отрывки из сценария.

– А ты сейчас чем занимаешься? – спросил Серёжу Александр.

– Работаю.

– По специальности?

Мне было заметно, что Серёже не хочется отвечать на эти вопросы.

– Точно. В школе! Учителем! «Здравствуйте, дети, я вам сейчас про физику расскажу! Для этого и в Москву приехал!» Давай не будем обсуждать эту тему! У меня всё в порядке, и со специализацией тоже.

Когда мы выпили уже половину бутылки (Серёжа лидировал), появилась Люба.

Выглядела лет на тридцать пять. Если бы я увидела её без Серёжиного предисловия, то оценила бы хорошо сидящий джинсовый костюм, стильную стрижку крашенных в пепельный цвет волос и дорогие импортные сапоги. «Ещё одна из дефицитоимущих», – подумала бы я, не обратив внимание на фигуру (среднего

роста и плотности) и лицо, потому что ничего примечательного в них не было. Но, поскольку она была с Серёжей, я попыталась обнаружить её скрытые внутренние резервы.

Люба оценивающим взглядом осмотрела нашу компанию (мальчики встали), улыбнулась и после знакомства по-королевски прямо села на стул, специально Серёжей выдвинутый для неё. Она быстро сделала выводы обо мне как о симпатичной провинциальной простушке-подружке Серёжиного приятеля (миляги) и снисходительными рассказами, преимущественно о жизни знакомых ей знаменитостей, попыталась поднять разговор за нашим столом до уровня, терпимого для себя. Никто ей не мешал, и мы успели узнать, что стихи её печатают во всех толстых журналах, что окончила МГУ, где, кстати сказать, папа работает деканом. Пол-Москвы – её друзья. Живёт Люба на улице Горького. Хорошо живёт. Повествуя, она пыталась быть демократично-весёлой, но скрыть замашки человека, привыкшего заказывать музыку, под которую должны плясать, не могла да и не собиралась. Вскоре тема исчерпала себя, и Люба в попытке быть вежливой задала несколько вопросов Александру, к месту вспомнив строчки Маяковского про город-сад Новокузнецк, но ответы до конца не дослушивала. Потом дошла очередь до меня.

– Серёжа мне говорил, что вы поэзией увлекаетесь?

– Да. Люблю стихи.

– А чьи особенно?

– Пушкина, Тютчева и Блока.

– Классика! Это всегда хорошо! А ещё? Из современных?

– Самойлов нравится Давид и Кузнецов! Юрий.

Приятно было увидеть неподдельное удивление на её лице в ответ на эти имена. Она, наверное, думала, что я Асадова назову. Результаты тестирования, а это был, несомненно, тест, Любу несколько насторожили, она решила ко мне присмотреться более внимательно. Я тоже в долгу не осталась и сделала свою проверку, взяв в союзники Александра.

– Послушай, – тихо сказала, – будь свидетелем: сейчас я произнесу в разговоре слово «амфибрахий», а Люба ответит: «Удивительно, какие слова вы знаете» – или что-то вроде этого.

Александр заговорщически улыбнулся. Через несколько минут, обсуждая тему стихосложения, прозвучало заветное слово, и тут же последовала реакция Любы:

– Надо же! Какие слова мы знаем, – причём «мы» относилось исключительно ко мне.

Серёжа, на глазах которого разыгрывалась эта скрытая борьба, по всей видимости, не ожидал от своей подруги подобной прямолинейности в поведении, было заметно, что он удивлён и пытается выровнять ситуацию рассказом анекдота.

К горячему принесли вторую бутылку водки. Пришли музыканты, и грянуло танго, звуки эхом отражались от потолка, и, хотя мы сидели от сцены вдалеке, продолжать беседу стало невозможно.

– Серёжа, пригласи даму на танец! – с иронией, но при этом достаточно властно произнесла Люба, протянув к нему руку.

Серёжа, сколько я его знала, никогда ни в одной компании категорически не танцевал. Я подозревала, что показать класс в этом деле он не мог, а просто топтаться, как все, не хотел. Наступил момент истины. Видно было, что и сейчас Серёжа был против танца, но, как бы шутя, прищёлкнул каблуком, взял Любу за руку и повёл в толпу танцующих провинциалов. Некоторое время мы с Александром наблюдали, как неумело, почти неуклюже, пытаясь скрыть своё стеснение, Серёжа раскачивает партнёршу, не всегда попадая в ритм. Не сговариваясь, одновременно Александр и я понимающе посмотрели друг на друга. Музыка ещё играла, но наши танцоры уже шли к столику – Серёжа чуть впереди, Люба за ним.

– А тебя не учили, что кавалеры должны пропускать даму вперёд? – с искусственной улыбкой поинтересовалась Люба.

Серёжа промолчал и наполнил рюмки.

– Давайте выпьем за наших прекрасных дам, – предложил Александр.

Выпили.

– А ты Андрея давно видел? – неожиданно спросил Серёжа.

Мальчики опять ударились в воспоминания. Люба молча курила. Я тихо подпевала музыкантам, откинувшись на стуле. Заиграли песню Антонова «Гляжусь в тебя, как в зеркало», Александр встал и, склонив голову, пригласил Любу. Они ушли. Тут же Серёжа сказал:

– Я в номер за сигаретами. Ты со мной?

Я хотела спросить, как на это посмотрит Люба, только начала:

– А как же... – Он не дал закончить.

– Идём! – взял за руку (все моё тело откликнулось на это прикосновение), и мы быстрым шагом вышли из ресторана.

Руку он отпустил только у двери в номер. По дороге я в нескольких предложениях рассказала о нашем с братом летнем путешествии.

– Передавай Саше привет!

– Конечно! Он будет рад.

В комнате Серёжа достал из сумки распечатанный блок сигарет Kent, но уходить не спешил, сел в кресло, закурил, спросил:

– Ты как вообще?

– Живу. Я познакомилась с мальчиком из Саратова. На море. Он детский хирург. Зовёт к себе.

– Вот как! Насовсем?

– Пока в гости. А ты?

– Возможно, поеду. А вы часом с Любой по Волге прокатиться не планировали?

Серёжа молчал.

– Надо идти, нас, должно быть, уже давно хватились.

– Ну и что! – сказал он, но всё же встал, подошёл ко мне. – Лида. Лида... Ладно, пойдём!

На полдороге мы встретились с Любой и Александром.

– Решили вас догнать, тоже курить захотелось, – веселился Александр. – Где твои фирменные?

Серёжа стал искать сигареты в карманах.

– Дай ключ! – сквозь зубы прошипела Люба.

Когда мы вернулись в ресторан, Серёжа, не смотря на протесты Любы, заказал ещё водки и без тоста опустошил две рюмки подряд. Люба тут же последовала его примеру. Я воздержалась – и так уже выпила больше обычного. Александр пригласил меня на танец, и мы издали наблюдали, как Люба, жестикулируя и наклонившись к Серёже, что-то выговаривает ему.

– Уже поздно, мне нужно домой, – сказала я, когда мы подошли к столику.

– Я провожу тебя, – тут же отозвался Александр.

– И мы прогуляемся, – объявил Серёжа.

– Там холодно, тёплых вещей у меня с собой нет, – сообщила Люба.

– Ну тогда жди меня в номере, я быстро.

– Ну уж нет! Ты пьян и никуда не пойдёшь! – взвизгнула Люба.

Александр стал уговаривать Серёжу остаться в гостинице. Я заранее знала, что это бесполезно, и молчала. Через полчаса, после пререканий и после того как Серёжа расплатился, вышли вчетвером на улицу. Морозно, скользко и ветер в лицо. Шли медленно, Люба, вцепившись

в мальчиков, пыталась держать равновесие на разъезжающихся каблуках (да и выпила она прилично, хотя меньше, чем Серёжа).

– Так мы к утру не дойдём! – сказал Александр минут через пять. – Давайте я провожу Лиду, а вы возвращайтесь.

– Конечно, – поддержала я.

– Да вообще не надо было никуда идти! Так что поворачивай, Серёжик, назад!

– На-зад! Впе-рёд! Нале-во! Напра-во! Смирно! Люба! Это тебе не армия, и ты не мой командир! Кому не хочется идти, возвращается!

– Я возвращаюсь! – Люба почти кричала.

– А я – нет! – улыбаясь, тихо сказал Серёжа.

– Ну ты и сукин сын! Раскрутил на поездку! Ностальгия его замучила! Притащил в свою тумтараканы! И я-то, дура, помчалась! Спрашивается: на какой хрен?! С друзьями он меня познакомил! На хрен они мне сдались?! Особенно эта девка твоя?!

– Заткнись!

– Что?! Я заткнись?! Да знаешь, ты кто?! Ты!.. Ты!.. Да пошёл ты на х...!

– Что ты сказала, дрянь?! – Серёжа подошёл к ней ближе и замахнулся.

Александр успел встать между ними и принялся успокаивать и Любу, и Серёжу, которые продолжали выяснять отношения. От этой неожиданной пьяной ссоры я сначала оторопела, а потом повернулась и короткой дорогой через дворы побежала домой, глотая слёзы. Я плакала от того, что хотела к Серёже, от того, что он дурак и губит свою жизнь, от того, что мне было жалко и его, и себя, и даже Любу (хотя её меньше).

Дома я быстро забежала в ванную (родители, к счастью, были в своей комнате), смыла размазанную тушь и долго стояла под горячим душем, вспоминая всё, что за вечер говорил и делал Серёжа. В кровати долго пыталась заснуть, и, когда это почти удалось, раздался междугородний телефонный звонок. Я взяла трубку.

– Добрый вечер! («Вот уж совсем не вечер», – подумала я.) Можно пригласить Лидию? – произнёс незнакомый женский голос.

– Я как раз вас слушаю.

– Очень приятно. Я Ольга Мироновна, мама Олега.

– Господи! С ним что-то случилось?!

– Нет-нет, всё в порядке! Он у друга на дне рождения, а я наконец нашла ваш номер и звоню. Лидя, мне Олег сказал, что вы собираетесь приехать к нам.

– Да, Олег приглашал меня, но приехать в Саратов я собираюсь не к вам, а к приятелям родителей.

– Это неважно, ведь всё равно вы всё время будете с Олегом. Ведь так?

– Да, конечно!

– Лидя, даже не знаю, как начать, но, пожалуйста, скажу прямо: не приезжайте! Ваше южное знакомство, назовём это так, Олегу всю жизнь ломает! Я его просто не узнаю!

– А в чём дело?

– Ну, во-первых, не знаю, говорил ли он вам, у него здесь девушка, хорошая девушка, они учатся на одном курсе! Сейчас уже не встречаются. Во-вторых, через год мы думаем переезжать в Москву, там живёт наша дочь, и Олег, конечно, поедет с нами! В-третьих, жениться ему рано, а вам замуж выходить самое время! Короче, Лидя, не обижайтесь, но не надо зря тратить деньги на поездку, у которой продолжения нет!

– У Олега другое мнение.

– Олег увлечён вами, но это ничего не значит, это просто эпизод в его жизни, и я постараюсь, чтобы он так эпизодом и остался.

– Но ведь вы меня даже не видели, не знаете меня!

– А мне этого и не надо. Я знаю Олега, знаю, где вы познакомились, и знаю, что вы не врач. Мне этого достаточно.

Я молчала.

– У Олега вы не первая и, уверена, не последняя женщина.

– Я могу передать ему ваши слова? А то он думает, что вы хотели бы меня увидеть.

– Вы, конечно, можете нас поссорить, но, ничего, мы это переживём.

– Ольга Мироновна! Я выслушала вашу просьбу, рада, что вы заботитесь о моих напрасных денежных затратах, но вообще-то у нас уже глубокая ночь, и мне завтра на работу. Всего доброго.

Я отняла трубку от уха и, прежде чем положила на рычаг, успела услышать долетевший конец фразы: «...на благоразумие».

Спасибо вам, Ольга Мироновна, за своевременный звонок! «На благоразумие?!» Она ещё и на благоразумие рассчитывает! Скажите спасибо, что мы не живём в одном городе, а то бы никогда не стать вам свекровью врача. Теперь мне понятно, почему ваш сын больше говорил о больнице, чем о доме. Я не плакала. На какой-то момент мне даже стало легче от того, что ехать

никуда не надо. Но потом навалились пустота и отчаяние. Ни в какую борьбу за Олега вступать я, конечно, не собиралась: не было ни чувств (разве что обида), ни сил. Возможно, если бы он был рядом, действительно любил меня и проявлял настойчивость, то со временем мы могли бы стать счастливой парой, но при нынешних обстоятельствах я решила сдаться без боя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уже почти год я жила без вестей от Серёжи. Всю зиму с разных сторон на меня сваливались поручения, приказы, неожиданные просьбы, угрозы и даже попытки подкупа. (Это один нерадивый студент-заочник.) Папе, которого следующим летом ожидали государственные экзамены, я помогала делать (практически выполняла сама) контрольные работы по философии и научному коммунизму.

– Эх, Лида! Если бы ты знала, как мне хочется почитать какую-нибудь человеческую книгу, а не всю эту белибердену вашу научную! Сдам экзамены и запоем читать буду! – мечтал он во время подготовки к очередному экзамену.

– Вот Надежда Константиновна порадовалась бы!

– Какая?

– Да Крупская! Была у нас простая семья – ячейка социализма, а теперь ещё изба-читальня образовалась! Мама, я и ты наконец! Но, слава Богу, хоровики не дадут тебе долго читать!

Да и у меня времени на литературу оставалось мало. На кафедре поручили разработать новый предмет, ораторское искусство, и определили наставницу, Веру Филипповну, старшего преподавателя, бывшую актрису, красивую, остроумную сорокалетнюю женщину. Оценивая события жизни, она учитывала главное – мешает ли это работе или помогает. Её умение играючи изменять обстоятельства в сторону помогающих вызывало восхищение и зависть коллег. Без наидания, в дружеской форме Вера Филипповна раскрывала мне тайны ораторского мастерства, делилась своими авторскими разработками. Постепенно я оценила преимущества этого предмета и полюбила его. Особенно мне нравилось, что со времён Демосфена и Цицерона в способах подготовки устной речи кардинальных изменений не произошло, а опытом древних ораторов пользовались и коммунисты, и капиталисты.

Под натиском Веры Филипповны, я вступила в общество «Знание» и через месяц, превозмо-

гая страх, выступала с лекциями на предприятиях и в учреждениях города, а потом и области. Люди в основном с неохотой встречали пропагандистов (но от лекций отказаться не могли, потому что принцип посещения был добровольно-принудительным: попробуй публично признайся, что тебя не волнует установка партии, например, на воспитание гармонично развитой личности! В моей практике смельчаков не было). Я учитывала настроения аудитории и старалась информацию сделать максимально полезной и интересной. Сил на это уходило много, но зато в конце выступления почти всегда слушатели искренне благодарили меня и иногда даже аплодировали.

На кафедре мы часто встречались с Митей. Теперь он готовил городскую студенческую команду для участия в новой юмористической передаче Центрального телевидения «Весёлые ребята».

– Приди посмотри свежим взглядом, оцени. У тебя же опыт в этом деле.

– Да, старею. Скоро двадцать три будет. Митя, скажи, может ли дура быть остроумной?

– Лида, не занимайся самокопанием и не напрашивайся на комплимент, подумай лучше, как назвать команду.

Поехать в Москву, а тем более мелькнуть на Центральном телевидении хотелось многим, на участие в команде был объявлен конкурс, и желающие его пройти чуть ли ни на голову вставляли, доказывая свою весёлость. Я приходила посмотреть на отборы, но редко: Вера Филипповна не отпускала надолго от себя, да и новое поколение клуба весёлых и находчивых не казалось мне таким интересным, как их предшественники.

И работа, и чтение лекций, и помощь Мите всё же не могли заглушить тоску, которая временами накатывала с такой силой, что я не знала, чем остановить её или хотя бы ослабить. Новые компании, знакомства с молодыми людьми не радовали ни ум, ни сердце.

Зато влюбился Саша, вернее, не просто влюбился (это он делал периодически), а без иронии и страха стал произносить слова «жена», «семья» и даже «свадьба»... Ещё в годы подростковых комплексов он как-то спросил:

– Сестра, я внешне как?

Мне вдруг стало понятно, что отшутиться нельзя, и я сказала честно:

– Саша, ты не красавец, но обаятельный, надёжный, и с тобой всегда интересно. Для мужчины это гораздо важнее внешности.

Сашка был среднего роста, стройным и ловким, а сейчас (физическая подготовка в училище сделала своё дело) стал крепким, с накаченным торсом и, на мой взгляд, мог понравиться любой девушке.

– Лида, меня через год отправят в географическую точку бескрайнего нашего отечества, ни я, да и никто не знает, где судьба её нарисует. Не все варианты вызывают оптимизм. Если высадят во льдах – Господи, не допусти! – я бы хотел, чтобы меня согревала боевая подруга.

– Саша, но помимо теплокровности, надеюсь, и другие качества должны присутствовать? – Когда речь зашла о будущем брата, я вдруг ощутила серьёзность предстоящего ему шага. – Выбирая жену, мне кажется, ты должен думать не столько о себе, сколько о будущих детях! О том, что она может им дать! Как воспитывать будет? Ты на службе, она в тылу.

– Ой, сестра, я так далеко не смотрю, пока хочу познакомить её с тобой и с родителями.

– Как зовут?

– Аня.

– Хорошо. Как нашу бабу Нюру, царство небесное! Ну давай приводи свою Аню в субботу в гости.

– Ты только не пугай её, она и так переживает.

Может, Аня и, правда, боялась, но виду не подавала, была скромной, весёлой, говорила мало, слушала внимательно и поддерживала беседу улыбкой, восклицаниями и вопросами к месту. Худенькая, стройная («Сестра, какие у неё ножки!!! Это!..») – Саша не находил слов. Ножки, и правда, были красивыми), брюнетка с чувственными губами и голубыми глазами. На папины провокации (а уж он дал себе волю!) типа: «Блинчики печёте на молоке или на опаре?» – она отвечала, стараясь быть честной: «Блины пока печь не умею».

Я приглядывалась к ней, к счастью, без ревности, но, наверное, всё равно предвзято: у меня, например, вызывало опасение: не станет ли скучно брату через несколько лет их совместной жизни? Аня окончила торговый техникум, а эта сфера у Саши интереса не вызывала никогда.

Мудрая наша мама приняла Аню с радостью.

– Саше жить с ней, пусть и решает!

– Вы так серьёзно обсуждаете, а я просто девушку в гости пригласил, только и всего!

Но Саша лукавил, было очевидно, что в отношениях с Аней он пошёл значительно дальше, чем с другими девушками, например, познако-

мился с её родителями (и стал ходить в само-волки).

– Сашка, ты на тещу смотри! Какая теща, такая и жена будет со временем! – подшучивал папа. – Чем она занимается?

– Слово-то какое дурацкое – «тёща»! Никакая она мне не теща!

– Это пока! Ну и что она за женщина?

– Нормальная, весёлая, простая, на тётю Полю нашу похожа. Работает заведующим ателье.

– Что ж ты сразу-то не сказал! Теперь приоденемся всей семьёй по благу.

– Не приоденемся! Ателье обувное. Больше вас знакомить ни с кем не буду! И вообще ничего больше рассказывать не буду! – заводился Саша.

– Вот! Ещё не женился, а уже от семьи откалывается! Смотри, как бы они тебя там не обули!

В отличие от меня, Саша на папины провокации поддавался легко и иногда обижался. Мы с мамой разруливали последствия их недопонимания друг друга.

– Иван! Он уже взрослый! Через год людьми командовать будет, а ты к нему, как к мальчишке!

– Тяжело в ученье, легко в бою! Не лезьте в наши отношения! Мы, мужики, сами разберёмся!

– Вы-то разберётесь, а вот кто вас обратно собирать будет?!

Подружки мои, обожавшие Сашу, непременно хотели познакомиться с Аней и составить своё мнение. Брат был не против. Я ради этого случая купила шоколадный торт «Полено» и организовала чаепитие. Аня (не хотела бы оказаться на её месте в этот вечер) испытания прошла успешно.

А вот у Марины отношения с бабушкой Марика, Софьей Павловной, не складывались. Внук, который остался без родителей, был смыслом её жизни, а его счастье – главной целью. Ох, не такую невесту представляла Софья Павловна для Марика! Не тех кровей! (Это по рассказам Марины).

– Знаешь, бабушка такая щупленькая, тихая, всё вроде одобряет, но как-то смотрит сквозь меня и вопросы не задаёт. Не знаю, чего ей надо?! – жаловалась подруга, забравшись со мной на разложенный диван и поедая ташкентский изюм без косточек (папа вчера купил на крытом рынке).

– Марика, когда приходит, кормлю здоровой пищей! Рассказы правлю! Да и вообще! Пылинки, можно сказать, сдуваю!

– Ей надо, чтобы правнуки еврейями были. А с твоими малороссийскими корнями ты никак этому не способствуешь!

– Точно! Хохол родился – еврей заплакал.

– Слушай, какая всё-таки глупость – эти условности национальные. Для меня вообще неважно, какая национальность, лишь бы, как говорится, человек был хороший!

– Интернационалистка! Нет уж! Разница есть! Мне, например, евреи нравятся. Умные, надёжные, не то что наши простофили-голодранцы пьяницы!

– Не трожь наших! А евреи тоже выпить не дураки.

– Я таких не встречала. Короче, хочу замуж за Марика!

– А мама твоя так с ним и не разговаривает?

– Лида... Ну что ты о больном! Если она со мной скоро год как не разговаривает, то с Марином... Жду, когда квартиру разменяем.

– Своя квартира – это приличное приданое! Богатая невеста. А Марик что насчёт загса говорит?

– Говорит, что рано.

– А если забеременеешь?

– Тьфу-тьфу! – Марина сплюнула через левое плечо. – Мы предохраняемся. А жениться ему бабушка не даст, пока он ординатуру не закончит.

– Ну терпи! Хотя чего терпеть-то? Любите друг друга, живёте в одном городе! Это же – счастье!

– Лида, эта твоя зацикленность на любви! Всё любовь да любовь! На одной любви далеко не уедешь! Лев Николаевич прямо сказал: «Хочешь поработать – женись!»

– Не помню у него таких слов.

– Слова, может, другие, а по сути правильно. Семья – это воз, и его должны тащить двое! И чтоб никто не сачковал! Любовь! Какой любви ты ещё ждёшь?! Тебе мало было?!

– Да! Мне было мало! Я бы с Серёжей любой воз с радостью тащила! А без любви, как у Высоцкого: «Придётся домой, там ты сидишь!» Ну, в смысле, он! Вот представь, что ты каждый день не Марику готовишь, а мужику постылому!

– Почему обязательно постылому? Просто хорошему человеку, нормальному человеку! Я не знаю, что это за штука такая – любовь. Любви, как у тебя, мне точно не надо! Я привыкла контролировать ситуацию! И тебе говорю: оглядись по сторонам.

– Да у меня уже шея устала оглядываться, а толку?! Господи! Как я хочу поговорить с Серёжей! Просто перекинуться несколькими словами!

– Всё! Завела! Если уж тебе так любви хочется, пойдём в «Пионер», там сегодня «Мужчину и женщину» показывают.

– А Марик?

– Работает. Мы с ним завтра что-нибудь придумаем.

В детском маленьком, уютном, хотя и чуть вытянутом, зале кинотеатра «Пионер» по вечерам показывали взрослые, часто старые зарубежные фильмы. Располагался он на первом этаже сталинского дома на улице Весенней, справа от гостиницы «Кузбасс». В крошечном, на одно окно, холле перед кассой висели стенды с приколотыми на них английскими булавками фотографиями актёров (в школьные годы предметом моей гордости был снимок, на котором я от актива театрального кружка вручала букет исполнителю роли молодого Ленина, Родиону Нахапетову, посетившему наш город) и бесценными выцветавшими снимками кадров из старых фильмов про войну и революцию.

Мы с Мариной заболтались и опоздали к началу, в зал проскочили, когда фильм уже начался. Каждая из нас могла пересказать наизусть диалоги этого шедевра о любви (смотрели его раз семь), но пришли опять, чтобы послушать музыку, ощутить запах моря, ароматы кофе в недостижимых французских ресторанах, короче, получить пилюлю от пессимизма и надежду на возможный чудесный поворот и в собственной судьбе (хотя финал фильма был счастливым, я плакала всё равно).

Выходя из зала, среди немногочисленных зрителей мы с радостью увидели Митеньку со стройным рыжебородым мужчиной лет тридцати, а может, больше.

– Тоже на сладенькое потянуло? – воскликнул Митя, заметив нас. – Видишь, – он обратился к своему спутнику, – я говорил тебе, что обязательно кто-нибудь из своих придёт, не пропустит. Знакомьтесь.

Мы уже стояли на улице. Мягкий снег кружил в свете фонарей.

– Это Андрей, – продолжил Митя. – Он к нам недавно переехал из Свердловска.

Мужчина, улыбаясь сквозь усы, внимательно смотрел на нас. Митя представил нас с Мариной.

– Рад познакомиться, – сказал Андрей, и это не прозвучало как формальность.

– Вас проводить? – спросил Митя – Вы идёте вместе?

– Да. Мы сегодня у меня заночуем, – ответила я.

По дороге (а шли мы по нашему с Серёжей маршруту) Марина призналась, что смотрела фильм восьмой раз.

– А вы, наверное, первый? – обратился ко мне Андрей.

– Нет. Почему вы так подумали?

– А разве вы не плакали?

– У Лиды слёзы близко, но в принципе она человек весёлый, – включился в разговор Митя.

– И находчивый? Член твоего клуба?

– Можно сказать, один из первооткрывателей.

– Андрей, чем вы занимаетесь? – поинтересовалась Марина.

– Вы хотите узнать род моей деятельности или конкретное место работы?

– Интересна любая информация.

– Андрей уникальная личность: у него два образования. Он и физик, и филолог, – ответил Митя.

При слове «физик» я непроизвольно повернулась в сторону Андрея и спросила:

– Вы занимаетесь теоретической физикой или экспериментальной?

– О! Вы улавливаете между ними разницу? В школе физику любили?

– Вот уж нет! Просто... – я замялась, подыскивая ответ.

– С волками жить – по-волчьи выть, – тихо буркнула Марина.

– Нет, физикой я уже не занимаюсь. Покончил или прикончил, – сказал Андрей с лёгкой иронией. – Хотя, возможно, буду жалеть – кормила она меня хорошо. Теперь посмотрим, как литература справится.

– Вы писатель? – заинтересовалась Марина.

– Сочувствующий. Помните из истории: коммунисты и сочувствующие им, так вот я, если говорить о писателях, сочувствующий.

– И что, за это деньги платят? – съязвила подруга.

Но Андрея это из благодушного настроения не вывело:

– Ах, если бы! Источники дохода у меня с беллетристикой, увы, не совсем связаны.

Я не дала Марине продолжить допрос, тем более, что мы уже стояли у моего дома.

– Уже пришли. Спасибо, что проводили.

– А может, ещё погуляем? – предложил Митя. – Погода, как на Новый год.

– И у Андрея борода вся в снежинках, как у Деда Мороза, – заметила я.

– Жаль, без подарков, – он пристально взглянул. – Так что? Погуляем?

– Нет, уже поздно, а у меня завтра первая пара.

– И мне рано вставать, – присоединилась Марина. – Приятно было познакомиться.

– Это взаимно, – опять улыбался Андрей.

– Сбылась твоя мечта: ты не накрашенная, не кокетничала, усилий никаких не предпринимала, а мужик только тебя и видел! – делала выводы Марина, как только мы зашли в подъезд. – Редкий случай: я почти при параде, а он не оценил.

– Да всё он оценил, котяра, видно, ещё тот! Ты просто своими вопросами и подковырками интерес его сбила. Внешне он мне шотландца напомнил. Слушай, и точно, ещё на кота похож, сытого, довольного.

– Хитрого! Повадки ловеласа! Но обаятелен, зараза! За каждой фразой – подтекст! Хотя толком мы ничего и не узнали о нём. А интонации какие! Всё-таки у умных мужиков и голоса особенные, выразительные, а уж когда низкие!.. – Я, конечно, представила Серёжин тембр. – Как ты думаешь, он женат?

– Конечно.

– Да, таких мужиков мимо не пропустят. Почему он тогда в кино без неё пошел?

– Да мало ли. Вообще-то по нему видно – бабник!

В конце марта папу положили в городскую больницу. «На профилактику», – смеялся он. Выполняя рекомендации врачей, он совсем не выпивал, бросил сигареты (хотя курил с юности), много ходил пешком, чуть похудел и, несмотря на то что седина прибавилась, выглядел помолодевшим. Корпус больницы был недалеко от набережной, и мы иногда выходили прогуляться. Зима постепенно уходила вместе со своим любимым белым цветом, снег темнел, стали ярче очертания бора на противоположном берегу. Сугробы вдоль тротуаров таяли и искрились льдинками на солнце. С Томи дул ветер, и в его свежести был намёк на приближившуюся весну. Обычно мы шли до гостиницы «Томь» мимо памятника Павшим Героям, мимо румяных старшеклассников, с серьёзным видом замерших в карауле у Вечного огня (в своё время и мы с Олей, Леной и другими активистами школы с трепетом и гордостью тоже стояли здесь), мимо воробьёв и голубей, клевавших на грязном снегу

пшено, которое для них каждый день рассыпала одинокая пенсионерка (когда старушка смотрела на прохожих, было видно, как сильно она разочарована в людях).

Мы шли медленно, разговаривали мало, глубоко дышали (если, конечно, ветер дул не со стороны Коксохимзавода), иногда на два голоса тихо пели по полкуплета из любимых песен. Наши отношения в последнее время изменились. Папины жёсткие выражения о правилах поведения приличной девушки теперь не произносились вообще. Он стал не таким прямолинейным и скорым на выводы («Взглядом не убивал, но только ранил», – шутил брат), с интересом выслушивал истории о моих похождениях с лекциями в народ, иногда даже просил у меня совета (например, какую из нескольких песен в исполнении хора выбрать для отчётного смотра), довольно улыбался и непроизвольно распрямлял плечи, когда Юрий Викторович при случае хвалил его дочь. Откровенных разговоров со мной не заводил, зато, когда приходили Марина и Вера, интересовался, скоро ли ему принесут приглашения на их свадьбы. Девочки смеялись и обещали позвать его первым. Я видела, как папе хочется, чтобы и у меня появилась личная жизнь. Но пока была только работа и вместо реальных отношений – «запойное» чтение романов (залпом от корки до корки, отвлекаясь на короткий сон).

Папа сначала попробовал отвлекать меня, почти насильно предлагая идти на свежий воздух (это в нашем-то городе!), но потом сдался.

– Ты вся в мать!

– Удивительно, но она утверждает, что я «влиятый Иван»!

Папа довольно смеялся. Теперь, когда он лежал в больнице, мне не читалось, и однажды вечером стало как-то особенно грустно, я внепланово (мама сегодня уже отнесла ему ужин) сюрпризом решила сбежать в больницу на несколько минут и просто поцеловать перед сном. Я представляла его удивление и радость, и уже от одного этого моё настроение поднялось. В палате папы не оказалось.

– К нему женщина пришла, они в коридор вышли, – сказал сосед, не отрываясь от чтения журнала «Крокодил».

У окна на лестничном пролёте спиной ко мне стояли папа и Людмила, участница хора. Они тихо разговаривали. Я и раньше встречалась с ней и другими хоровиками, навещавшими папу, и уже хотела поздороваться, но вдруг увидела, как

Людмила наклонила голову к папе на плечо, а он обнял её за талию и прижал к себе. Папа часто обнимал других женщин и даже целовал их, но делалось это прилюдно, обычно мама была рядом, не ревновала и смеялась над его любвеобильностью. (Мама была так уверена в себе, что измена мужа ей вообще в голову не приходила. Сама флиртowała при удобном случае.) Объятия, которые я увидела сейчас, были другими. За ними угадывалось полное единение, взаимопонимание, так обнимаются даже не любовники, а любящие муж и жена. Пара.

Быстро и тихо я спустилась вниз. «Господи! Папа!!! Когда это началось? Почему?! Почему я не догадывалась?! Бедная мама! Что мне теперь делать?!» – мысли путались. Хотелось, чтобы кто-то успокоил, приободрил, но вдруг поняла, что рассказать об увиденном никому не смогу, и с этим придётся разбираться одной. Я вспомнила, что ещё когда папу положили в больницу первый раз, Людмила навещала его чаще, чем другие участники хора. Я знала, что работает она в пожарной части, мужа вроде нет, есть дочь-школьница (Людмила приводила её на концерты хора).

Чем эта женщина могла понравиться папе?! Ничего особенного в ней не было: обесцвеченная блондинка с короткой стрижкой, не полная, но очень плотная фигура, лицо незапоминающееся, разве что взгляд доброжелательный и как бы ожидающий чего-то. С моей красавицей-мамой её, конечно, сравнить нельзя. Может, папу привлекла молодость Людмилы? (Разница лет на пятнадцать.) Удивительно, но негодования, обиды на папу, злости на Людмилу на душе не было. Я испытывала только растерянность и беспомощность. Присев на скамейку у своего подъезда, плакала и жалела себя.

На следующий вечер, когда мама пришла из больницы, и мы у телевизора ждали, когда начнётся фильм «Дело было в Пенькове» (один из наших любимых), я незаметно вывела разговор на тему ревности и супружеских измен.

– Я Ивана не ревновала никогда! Зато он меня всегда! Ещё с молодости!

И здесь началась история, которую родители уже не раз рассказывали нам, как мама, худенькая, похожая на Грету Гарбо, после техникума по распределению с одним чемоданом и гитарой приехала в Белово на цинковый завод. Поселилась в молодёжном общежитии и через месяц все лучшие холостые парни города не давали ей

проходу, до тех пор, пока папа не отбил (в буквальном смысле) у них охоту. В начале знакомства в городском саду на танцплощадке, сидя за ударными инструментами в оркестре, он наблюдал, как девушка его мечты танцует с кавалерами. Но постепенно танцевать Нину приглашали всё реже и реже, пока не перестали совсем.

– Последний Виктор был! Красивый! Очень мне нравился! И я ему, конечно. Мы с ним потанцевали, а на следующий день договорились встретиться, но он не пришёл. Иван его так избил, что тот за километр меня обходил потом.

– Папа всех победил! Настоящий мужчина!

– Да и те были не игрушечные.

– Но ведь сдались, не стали воевать!

– А ты попробуй с нашим отцом повоюй! Идёт направо. А в молодости вообще никого не боялся.

– А тебя?

– Он не меня боялся, а боялся, что уйду. А куда в этом городке уйдёшь? Одна, заступиться некому, мама в Кемерове.

– Так ты что, замуж не по любви вышла?

– Может, и по любви, но больше от испуга и его настойчивости.

– Но ты ведь не жалеешь, что вышла за папу?!

– Жалеть о прошлом вообще глупо. Да и не о чем жалеть! Жили весело! Всегда на виду! Вас вот вырастили. Иди, сделай громче, уже титры пошли.

После фильма мы на кухоньке пили чай и ели пирог с консервами из сайры.

– Мама, а если муж или жена изменяет, это можно простить?

– Лида, а кто сейчас не изменяет? Если бы от каждой измены семьи рушились, женатых бы вообще не осталось!

– Ну а ты бы простила?

– А мне нечего прощать. И почему тебя так волнует эта тема? Может, в твоей жизни появился женатый мужчина?

– Ну уж нет! Такой глупости я точно не сделаю.

«С меня и Серёжи хватит!», – подумала я.

Но, как оказалось, я знала себя недостаточно хорошо. Наступил невероятно тёплый май. От его изумрудной дымки, от настоявшихся запахов цветения (особенно это ощущалось поздним вечером) благодущие и доброжелательность горожан повысились настолько, что улыбались даже контролёры в трамваях. Дома

никому не сиделось. Марик забросил свои рассказы и рвался с Мариной на природу, как только выпадала возможность. До поздней ночи по бульварам города гуляли Саша с Аней (осенью они собирались пожениться). Май щедро раздавал подарки – влюблённость, флирт, новые знакомства – успевай лови! К финалу раздачи от его щедрот перепало и мне. Знакомство, правда, досталось не совсем новое, но открывшееся с неожиданной стороны. Мы стали встречаться с Андреем.

Началось с дружеских посиделок у Мити. В его комнате по-прежнему собирались любители поиска истины в споре. Учёные мужи (хотя формально учёными были только некоторые) делились своими впечатлениями от прочитанного и увиденного. Новички часто пытались оригинальничать, сыпали именами философов, поэтов, художников и по реакции на эти имена определяли единомышленников. Андрей сидел чуть в стороне, наблюдал, говорил редко, но метко, улыбался в усы, когда речи были особенно мудрёными. В третью нашу встречу он подсел ко мне ближе и тихо комментировал происходящее. Было смешно. В течение марта и апреля я неожиданно сталкивалась с Андреем то на открытом зачёте у Мити, то на репетициях КВН, то в университете, то просто на улице в центре города.

– Лидия, я ни с кем так часто случайно не встречался! Возможно, это судьба подталкивает нас?

– Нет. Видимо, ваша интеллектуальная мощь приобретает качество вездесущности.

– Ну вот! Вместо того чтобы сделать шаг навстречу, – ирония и сарказм! И всё же, Лида, рискну: давайте сходим в кино.

– Андрей, вы женатый человек.

– Ваша правда, но это не мешает мне получать удовольствие от просмотра произведения искусства в приятной компании. Уверяю, что я не собираюсь держать вас за руку и уж тем паче обнимать и лобызать в темноте кинозала.

– Ах, какое разочарование! А я так мечтала!

Мы одновременно засмеялись, а потом сходили в кино, через неделю – в музей, через день – опять в кино, и встречи наши стали регулярными.

С Андреем было легко и интересно. Общение с ним располагало к откровенности, как в поезде со случайным попутчиком. В городе он был человеком новым, ни в какие интеллектуальные группировки не входил, друзьями пока не обзавёлся, и приятелей было мало. Я, конечно, рас-

сказала ему о Серёже, хотелось услышать комментарии взрослого (на десять лет старше меня) мужчины.

– Боюсь, что объективным быть не смогу, я заинтересованная сторона. Скажу только, что мне понятно, почему он не хочет тебя отпускать.

– Да он уже давно отпустил, только вот я ещё хоть за соломинку, но держусь.

– А клин клином не пробовала?

– Была такая попытка. Не помогло.

– Наверное, кандидатура не соответствовала. Надо попробовать ещё.

– Возможно. Но пока подходящих претендентов нет.

– Малыш, а как же я? Я ведь лучше собаки?!?

– Это уж точно, ты и собаки лучше, я подозреваю, что даже и Карлсона, но ты женатый, и я уже не малыш.

– Лида, я не хочу обсуждать эту сторону своей жизни, у меня хорошая жена, но дело идёт к разводу. Мой переезд сюда – попытка сделать это более безболезненно.

– Для кого?

– Для обоих.

– А почему ты выбрал наш город?

– По нескольким причинам, но главная – мне обещали работу, которую давно хотел. Жду, а пока дурака валяю на разных подработках.

– И с девочками развлекаешься?

– Фу, как пошло! При чём здесь это?

– Прости, но ты правда производишь впечатление Дон Жуана.

– Чем?

– Ну, эти твои пристальные взгляды, улыбки, намёки.

– Это действительно так выглядит со стороны? А с кем, кроме тебя, я общаюсь подобным образом?

Я подыскивала ответ.

Он продолжил:

– Выводы твои поспешные, основаны только на собственном примере. Тебе просто так удобно, не надо задумываться, что же на самом деле происходит между мной и тобой.

– А что происходит? Мы, надеюсь, приятели! Возможно, станем друзьями.

Андрей промолчал.

Через месяц стало ясно, что на дружбе мы не остановимся. Однажды в кино он всё же взял мою руку (я её не отняла) и поцеловал ладонь. Захватывающего восторга от его прикосновений я не ощутила, но что-то встрепенулось во мне.

Осознание того, что умный, привлекательный, уверенный в себе взрослый человек всеми способами демонстрирует свою влюблённость, придавало мне уверенности и поднимало настроение. Но Андрей ждал взаимности. Я подозревала, что моя тоска по Серёже воспринималась им как вызов, ему хотелось, чтобы я наконец забыла свою «детсадовскую» (по его выражению) любовь и отдалась чувству, которое может вызвать он – опытный, страстно влюблённый мужчина.

В Андрее меня привлекало отсутствие страха перед жизнью. Он не боялся перемен, не признавал авторитетов, кроме тех, которые вызвали уважение лично у него. Общественная мораль, мнение окружающих людей не принимались им в расчёт. Его представление о порядочности было замешано на лучших образцах мировой литературы и христианских ценностях. Но в Бога Андрей не верил, и после нескольких наших жарких споров эту тему старался не поднимать. Он был так обаятелен, умён и начитан, что, не прилагая усилий, нравился многим женщинам. Чтобы понравиться мне, Андрей два месяца являл свои лучшие качества и терпеливо ждал, когда я наконец заинтересуюсь им не только как другом. И он дождался.

В один из вечеров Андрей не пришёл в условленное время и потом десять дней не звонил и не появлялся. Сначала я удивилась, через три дня заскучала, а через неделю встревожилась и даже испугалась: что с ним могло случиться? Спросила у Мити, он ничего не знал и сам Андрея давно не видел.

– Поразительно, но у меня нет ни его адреса, ни номера телефона. Он всё время объявлялся сам. Что же делать? – забеспокоился Митя.

– Андрей снял квартиру без телефона. Но где она, я тоже не знаю.

Митя решил попробовать найти адрес по своим каналам.

– Сообщи мне, если вдруг объявится! – попросил он.

Через три дня после нашего разговора Андрей объявился. Утром я шла на работу и увидела его на скамейке у своего подъезда. Сразу стало ясно, что чувства мои только дружескими назвать было нельзя.

– Куда ты пропал?! Что случилось?! Почему не звонил?! – я бросилась к нему с расспросами.

Андрей молчал, внимательно смотрел на меня, потом взял за плечи и поцеловал. Долго. И... это было упоительно приятно. (Почти год меня

никто не целовал.) На секунду он отстранился и тихо сказал

– Теперь ты!

Я прижалась губами к его щеке чуть повыше бороды, потом коснулась век, лба. Андрей замер с закрытыми глазами, потом обнял и опять хотел поцеловать, но помешала соседка баба Оля и её престарелая дворняга Жуля, семенившая после ночи на прогулку.

– Где ты был? Почему не позвонил? – повторила я вопросы.

– Уезжал в Свердловск, сначала не позвонил, потому что пришлось уехать срочно, а потом не звонил специально, дал тебе время созреть для принятия решения.

И мы опять стали целоваться.

– Ой, я же на работу опаздываю!

– Я буду ждать тебя здесь сегодня в шесть вечера. Пойдём, провожу до остановки.

В пылкой влюблённости прошло лето. Мы встречались на квартире у Андрея, а когда родители уехали в Сочи, у меня. Много гуляли, ездили на велосипедах, катались на катере по Томи. Всегда инициатором встреч был Андрей. О любви он не говорил, но она ощущалась в его предупредительности, заботе, нежности, которой подчинялись самые изысканные ласки. Андрей был страстным и сдержанным одновременно, и это сочетание особенно привлекало меня. Хотелось победить его самообладание, а когда это удавалось, то от ощущения своей власти так захватывало дух, что становилось немного страшно (мы же в ответе за тех, кого приручаем).

Осенью я вышла на работу, и выяснилось, что с кафедры отправляют четырёх преподавателей для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру Московского института культуры. Предполагалось, что поедем мы с Наташей, молодой ассистент Валерий и старший преподаватель Евгений, с уже почти готовой диссертацией. На наш институт министерство выделило всего два места. Было ясно, что одно из них явно займёт Евгений, а за второе предполагалась борьба молодёжи. Вступительные экзамены начались в конце сентября.

Андрей приуныл от этой новости и никак её не комментировал.

– Думаю, что больше месяца я там не задержусь, – успокаивала я, запивая чаем пирожное «картошка». (Мы сидели в кафетерии магазина «Лакомка».)

– Почему?

– Половая дискриминация. Валерочка шанс свой не упустит, о Евгении я вообще молчу. Впрочем, и Наташа будет биться изо всех сил.

– А ты?

– А я для массовки. По театрам похожу, по музеям. Месячная командировка в Москве! Хотя экзамены я всегда легко сдавала, вдруг, и правда, поступлю! Десять процентов из ста.

– А где остановишься?

– Сначала у знакомых, а потом найду что-нибудь ближе, институт-то в Химках.

– Жаль, но никак не могу сейчас сорваться с работы, но, может, потом получится приехать на несколько дней.

– Правда?! Зря ты мне сказал, теперь я буду надеяться, ждать! А я это ненавижу!

– Зато будешь помнить обо мне!

Я засмеялась.

– Какой эгоизм! Еду экзамены сдавать, судьба, можно сказать, решается, а у тебя мысли только о себе!

– По-твоему, я должен радоваться, что ты предпринимаешь попытку насовсем уехать из города, в котором я ещё даже поселиться нормально не успел?

– Знаешь, тебе это не понравится, но выскажу расхожую мысль: настоящее чувство разлука укрепляет.

– Очень сложно укрепить то, чего пока ещё нет. Это о твоих чувствах.

– Думаю, что и о твоих тоже. – Я помолчала. – Андрей, а ведь мы ссоримся!

– Ещё чего! Никаких ссор! Даже не надейся! Езжай в свою Москву и помни, что я тебя жду, – он усмехнулся. – Слушаю себя и удивляюсь: герой мелодрамы да и только! Никогда бы не подумал, что способен на такое!

– Видишь, как полезно со мной общаться!

– Ещё как! И поэтому предлагаю до твоего отъезда пожить у меня.

– Это исключено! Открыто жить с женатым мужчиной! Меня даже подруги не поймут, а уж родители!.. Да и осталась-то совсем немного.

Через неделю я позвонила тёте Дусе и дяде Грине и узнала, что они собираются в Пензу как раз во время моего приезда. Нужно было срочно искать другой вариант ночлега. И он нашёлся. За три дня до отъезда раздался междугородний звонок.

– Алё!

– Лида, привет! – Волна лёгкой парализации нахлынула на меня, когда я узнала голос Серё-

жи, и ни слова не смогла сказать в ответ. – Алё!
Ты слышишь меня?

- Да.
- Как твои дела?
- Идут.
- Что нового?
- Собираюсь в Москву, экзамены в аспирантуру сдавать.
- Молодец! Когда?
- Скоро. Кстати, у тебя нет знакомых, у которых можно остановиться дня на два?
- Есть. Ты можешь остановиться у меня.
- Спасибо, но это не совсем удобно.
- Для кого?
- Для всех.
- Для меня нет. Ты замуж вышла?
- Нет. Но я не одна.
- Всё тот же или другой?
- Другой.
- И он ревнив?
- Не знаю, не давала повода.
- Уверяю, что со мной этого повода тоже не будет, если только не захочешь сама.

– Я не захочу.
– Тогда записывай мой новый адрес и телефон.

- Я записала.
- А что нового у тебя?
- Приедешь – поговорим.

И опять я летела в Москву. Перед отъездом я сказала Андрею, что собираюсь остановиться у Серёжи и добавила:

- Это не обсуждается. Ни он, ни я не собираемся возобновлять наши прежние отношения.
- Самое смешное, что ты действительно в это веришь!
- Думаю, тебя это должно радовать.
- Это бред какой-то!
- Никакой не бред! Мне просто нужно где-то пожить, пока не сниму комнату в Химках.
- Но почему у него?!

– У меня других знакомых в Москве нет! Послушай, я действительно не собираюсь тебя обманывать! В своих чувствах к тебе я уверена. Но если вдруг что-то изменится, то ты узнаешь об этом первым. Я даже по пустякам стараюсь не врать, а уж в главном...

Стиснув зубы, Андрей молчал. На следующий день, прощаясь в аэропорту, он сказал, что будет писать на главпочтамт до востребования. Потом внимательно посмотрел и добавил:

– Это глупо, но я тебе верю. Возвращайся скорее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Во Внуково по телефону Серёжа сонным голосом (было раннее утро) подробно рассказал, как мне быстрее добраться. Я не догадывалась о причине, по которой Серёжа предложил мне пожить у него, не представляла его нынешнего настроения и поэтому не могла предугадать, какой будет наша встреча, но знала определённо, что дальше дружеских отношений заходить не собираюсь. Радость предчувствия свидания с Серёжей от этого меньше не становилась.

Он снимал комнату в доме, который, наверное, строили ещё до революции, недалеко от станции «Площадь Ногина». Я раньше нигде не видела такой большой коммунальной квартиры (восемь комнат по разным сторонам длинного коридора). Серёжа (всё в том же любимом мною голубом махровом халате) открыл дверь, взял сумку и провёл к себе. Избегая встречи с его взглядом, я осмотрелась. Комната мне показалась огромной, поперечная балка делила жилое пространство на две части. В каждой из них стоял диван, в середине у стены возвышался буфет светлого дерева. Впечатляла толщина полуovalных оконных проемов и высота потолка. Правый угол комнаты занимали большой письменный стол и кресло. Мебель была необычная, возможно, трофейная (я подобную видела в военных фильмах, когда показывали быт немецких офицеров), не хватало только узорчатых салфеток.

– Устала? Сейчас сделаю завтрак.

Я наконец посмотрела на Серёжу. Красивый. Лицо чуть заspanное, с лёгкой щетиной. Внимательный взгляд, улыбка, но к обычной смешливости прибавилась лёгкая ирония. (По поводу меня? Себя? Ситуации нашей встречи?)

– Ничего не надо, не беспокойся! Нас кормили в самолёте. Я бы умылась и поспала. Всю ночь вещи собирала, оставила это на последний момент. В самолёте глаз не сомкнула.

– Конечно поспишь, но всё равно сначала чай.

Серёжа вышел. Я прошла по комнате, подошла к одному из окон (они выходили на узкую проезжую улицу), присела на стул, и опять пришло ощущение, что вернулась домой.

Позавтракали глазуньей и бутербродами с сыром, обговорили план моего поиска жилья в Химках, Серёжа оставил ключи («Приходи и уходи, когда хочешь») и отбыл по своим делам. (На мой вопрос: «Ты работаешь?» ответил: «А как же? У нас, кто не работает, тот не ест!»)

В институт я прибыла после обеда. Экзамены начинались через неделю, желающих устроиться поближе и подешевле было много, а подходящих вариантов жилья значительно меньше. Мне повезло: у одной старушки через два дня освободилось за небольшую плату спальное место в однокомнатной квартире. Правда, сама старушка тоже находилась там и предполагалось, что я буду доставлять ей продукты и, по возможности, следить за чистотой.

В столовой я купила пирожки с мясом, и вечером мы их с Серёжей съели, запивая чаем. (Индийским, крупнолистным, заваренным в китайском расписном чайнике.)

– Ну, рассказывай!

– Не знаю, с чего начать... Я по-прежнему преподаю...

Здесь я описала свои трудовые будни и некоторые смешные эпизоды из лекторской практики. Закончила сомнениями по поводу своего поступления в аспирантуру.

– Не думаю, что это мой путь. Честно говоря, приехала, чтобы лишний раз в Москве побывать.

– Что, вообще шансов нет?

– Самые минимальные. Я, конечно, добросовестно буду готовиться к экзаменам, но, вероятнее всего, предпочтут взять мужиков. Вам же везде зелёный свет!

– Потому что мы умные! – Он улыбнулся.

– Не все. Таких ещё поискать надо.

– Ты нашла?

– Думаю, да.

Я коротко рассказала об Андрее. Серёжа слушал внимательно, но смотрел не на меня, а как бы сквозь, усмехнулся, когда речь зашла о причастности Андрея к физике, в конце спросил:

– Ты влюблена?

– Возможно. Мне интересно с ним.

– Он женат?

– Да. Мне везёт на женатых мужчин! Кстати, ты сейчас в каком качестве? – я усмехнулась и продолжила: – Жена его живёт в другом городе, и Андрей говорит о предстоящем разводе.

– Ну-ну. У меня был только штамп в паспорте.

– Был?

– Сейчас уже нет.

– Свобода, значит?

– Да! И уж я её не потеряю!

– А где ты работаешь?

– У меня много занятий. Некоторые из них приносят деньги. А вообще-то, удивительное совпадение: я тоже через неделю буду пытаться попасть в аспирантуру.

– Ну наконец-то действительно радостная новость! Серёжа, это ведь твоё! Ты обязательно поступишь! Потому что кто, если не ты?! Хотя бы у тебя на этот раз всё получилось!

Ночью я засыпала на одном из диванов (удобном, несмотря на его возраст), а Серёжа при свете настольной лампы что-то читал и записывал. Мы не стеснялись друг друга, общались, как брат с сестрой или давние друзья, говорили, что хотелось, а если молчали, то это не вызывало неловкости и напряжения. Эти новые отношения казались мне куда приятней прежней любовной лихорадки. Утром позавтракали бутербродами (я опять была в Серёжином халате) и вместе дошли до метро.

В институтской библиотеке я присоединилась к коллегам-соперникам, которые, обложившись книгами, пытались найти ответы на экзаменационные вопросы по специальности. До шести вечера я честно штудировала литературу (прерывалась только на обед), а в восемь была уже у Серёжи. По дороге в гастрономе купила хлеба, сыра и докторскую колбасу (без блата и очереди!).

На пороге комнаты столкнулась с выходящим молодым человеком (длинноволосым хиппи) с большой импортной сумкой в руках. Он молча пропустил меня вперёд и закрыл за собой дверь. Серёжа сидел в кресле. На столе стояла бутылка вина и две рюмки.

– У тебя был гость?

– Нет, это по делам. А вино для нас. Сухое, правда, белое.

– А у меня вместо рыбы – колбаса и сыр, – я достала продукты. – Может, что-нибудь приготовить на гарнир, а колбасу пожарить?

– Это долго. В другой раз.

Мы пили «Фетяску», сидя на диване и делясь впечатлениями дня. Я иронизировала по поводу некоторых тем диссертаций, которые сегодня штудировала в библиотеке: «Роль партии в строительстве культуры в годы третьей пятилетки»:

– Представляешь мужика, который на полном серьёзе занимается этой фигнёй? Если он искренне в это верит, то дурак, а если не верит, то циник. И подобных тем там много.

– Это способ заработать деньги. Все вертятся, как могут. О чём мы вообще говорим, когда живём в Совке?! Как здесь нормальным остаться?!

– Знаешь, когда я готовилась к лекции о Демосфене и Цицироне, читала их речи, поняла, что жить было трудно во все времена. Всегда

была власть, либо ты с ней, либо против, либо не у дел. Всегда нужно было делать выбор. Поэтому мне милее всех Сократ, правда, он плохо кончил.

– Ты ещё скажи – Диоген. Его философия как раз подходящая для совков! Всем по бочке и даже хрущёвок строить не надо! Но ты права – мужикам во все времена выживать трудно.

– Я говорила не только о мужиках! А женщины что, не человек? – я засмеялась.

– Не все! Далеко не все!

И здесь Серёжа выступил с небольшим ироничным монологом по поводу морального облика современницы. Некоторые рассказанные им эпизоды (примеры из жизни, которые вспоминались по ходу) открыли мне невообразимые стороны Серёжиной жизни.

– Современная девушка очень застенчива, – посмеиваясь, говорил он, – как легко она уступает обстоятельствам. Например, делает тебе минет на вечеринке, в комнату входит другой мужичок, пристраивается сзади. «Неловко отвлекаться на такие мелочи», – возможно, думает она и не отвлекается.

«Господи! Что же у него за жизнь такая! Этого не может быть!» – обомлела я. Но Серёжа не заметил моей реакции и продолжал в подобном тоне.

После первой бутылки мы выпили вторую, разговор становился откровеннее, Серёжа с ностальгией, но без сожаления вспоминал свои студенческие годы в Новосибирске, упомянул любовницу-аспирантку, а потом Аллу.

– А это ведь она нас познакомила! – усмехнулся он.

– Да.

– Помню.

И здесь последовало детальное Серёжино описание того, как и что я говорила, во что была одета, он вспомнил даже мой крестик на цепочке.

– Лида! Ты тогда меня просто потрясла своим напором! Могла любого смести! Как танк!

– Но сначала мы увиделись без Аллы.

– Да, в холле у входа.

Оказывается, Серёжа во всех подробностях помнил моменты нашего знакомства. Раньше он об этом не говорил. Я представила прежнего Серёжу, его взгляд внимательный, доброжелательный, живой. Сердце сжалось.

– А что сейчас Алла делает?

Под впечатлением от воспоминаний я автоматически отвечала:

– Думаю, что сидит дома с ребёнком.

– Давай сходим к ней, если я приеду, как собираюсь в ноябре, в Кемерово.

– Давай, почему бы и нет?

Спать легли поздно. После того, как выключили свет, ещё некоторое время переговаривались каждый со своего дивана.

– Знаешь, мне гадалка сказала, что я буду использовать женщин, а потом появится одна и за всех отомстит.

Преодолевая сон, я ответила:

– Не думала, что ты веришь в гадания. Помоему, это глупо! Хотя в первой части своего предсказания она угадала. В любом случае желаю тебе не встретить стерву из части второй.

Сквозь сон я услышала, как Серёжа засмеялся, а потом мне показалось или он действительно сказал:

– Возможно, я уже встретил её.

Утром я ушла рано, Серёжа ещё спал. Вечером вернулась усталая, включила телевизор (маленький, аккуратный, переносной, таких раньше не видела), к моей радости, шёл спектакль «Прошлым летом в Чулимске» с Любшиным в главной роли. Пришёл Серёжа и, не раздеваясь, предложил прогуляться.

– У меня сегодня сил нет, все в библиотеке оставила и спектакль хочу досмотреть. Я видела у Товстоногова, а здесь другая трактовка.

Серёжа удивленно улыбнулся:

– Оставайся, а я всё-таки немного пройдуся.

Когда за ним закрылась дверь, я поняла, что только что предпочла вымысел, пусть талантливо разыгранный, реальному общению с Серёжей. И призналась себе в том, что получила удовольствие от его удивления и растерянности в ответ на мой отказ. Возможно, я взрослею?!

На следующий день я переезжала на квартиру в Химки.

– Лида, ты позвони, как сдашь экзамены.

– Позвоню. Мне тоже хочется узнать о твоём поступлении в аспирантуру. Спасибо тебе, Серёжа!

– За что?

– За приют.

– Могла бы и дальше жить. Хотя, конечно, далековато. Ладно, иди, и удачи тебе!

Я протянула ему руку. Улыбаясь, Серёжа пожал её, потом сказал:

– Глупость какая!

Крепко прижал к себе и поцеловал в щеку.

– Лида-Фрида!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я вздрогнула. Это был запрещённый приём. Так Серёжа обращался ко мне всего один раз в начале знакомства! Неожиданно навернулись слёзы, но я уже спускалась по лестнице, и Серёжа их не увидел.

В аспирантуру, как я и предполагала, поступили мужчины. Первый экзамен мы все сдали на четвёрки, а второй я и Наташа – на двойки. (Предмет, историю партии, я знала хорошо, консультировала и Наташу, и Валерия. Но, очевидно, дана была установка «валить» всех лишних.) Я, неожиданно для себя, расстроилась, даже заплакала от несправедливости. Позвонила домой. Папа подбадривал меня, но чувствовалось, что это ему удаётся с трудом. Уж очень он надеялся на моё поступление. Зато радовался Андрей. После экзамена он позвонил на квартиру к бабушке, у которой я остановилась (старушка оказалась дворянских кровей, читала по-французски, нюхала табак, была любопытна, особенно в вопросах чужой личной жизни), и, узнав о результате, спросил:

- Ты плакала?
- Да. От обиды.
- Оно того не стоит. Приезжай скорее!

Когда я положила трубку, бабушка со своей койки поинтересовалась:

– Это тебе твой кавалер звонил? Тот, что писал?

Я ей давала перевести несколько строчек из письма, в которых Андрей по-французски объяснялся в любви.

– Да.
– Ох, непростой он, раз письма такие пишет! Замуж зовёт?

– Нет. Да и не хочу я.
– Это почему же? Давно пора! В мои времена тебя бы уже в старые девы записали. А хочешь, я с внуком своим познакомлю? Он у меня начальник! Правда, балбес, но неженатый пока!

– Нет, спасибо! К тому же я через день уезжаю.
– А жаль! Я к тебе присмотрелась. Ты девушка хорошая: умная, чистоту любишь, добрая. Я на месте твоего кавалера одну тебя бы не отпустила!

– Он доверяет мне.
– Не ревнивый? Это зря! Мужчина должен ревновать, страдать, беситься! И женщину свою держать при себе!

«И то правда! А меня пока удерживать некому!» – подумала я.

В день отъезда опять попыталась дозвониться до Серёжи, узнать об аспирантуре. Но, как и в предыдущие попытки, дома его не оказалось.

В октябре Саша женился. В ЗАГС я не успела (работала в этот день, ни с кем не смогла поменяться), прибежала, когда уже гости сели за столы в кафе «Встреча». Со стороны я наблюдала, как мой маленький братик Сашенька (на самом-то деле не маленький, а вполне взрослый молодой мужчина) сидит в центре с красавицей Аней, одетой в длинное струящееся белое платье и тончайшую фату, и пыталась осознать, что вся эта торжественная суэта в честь того, что Сашенька теперь глава новой собственной семьи. Муж! Было очевидно, что он влюблён, счастлив и ему отвечают взаимностью. Подвыпившие родственники со стороны невесты, а их было раза в три больше, чем с нашей, Сашу уже принимали за своего, а родители Ани откровенно радовались, что Бог послал такого зятя.

Я сидела рядом с папой, а напротив в ядовито-зелёном кримпленовом платье, облокотившись на стол, гостя со стороны невесты с хитрым любопытством поглядывала в сторону моей родни. Когда молодых вызвали на первый танец, женщина под села ко мне и елейным голосом заговорила:

– Голубки! Их в ЗАГСе называли самой красивой парой! Я – тётя Тася, соседка Ани. А вы Саше кто?

- Сестра.
- Похожи с ним. Старшая?
- Да.
- Не обидно, что младший брат первым женится?

– Он военный, ему боевая подруга нужна, а я в тылу, могу подождать.

– Ну да. Мы, женщины, всегда ждём. Некоторые всю жизнь... А ты одна? – тётя Тася неожиданно перешла на ты. – Давай я тебя со своим племянником познакомлю?

Выручил папа, пригласил на танец.

– Все мне жениха подыскивают, жалеют, что товар пропадает! – улыбаясь (с лёгкой горечью), пожаловалась я.

- Не обращай внимания!
- Переживаешь за меня?
- Внуков хочется!

– Так Аня родит – не успеешь оглянуться! А я ещё, может, попытаюсь на высшие режиссёрские курсы поступить.

– Чувствую, что не скоро нам твою свадьбу играть. И с кавалером знакомить не спешишь!

– С каким?

- С которым по вечерам пропадаешь!
- Возможно, познакомлю.

Андрей, когда я позднее передала ему этот разговор, никак не отреагировал. Молчание задело меня (хотя рассказом этим я не собиралась его подталкивать к принятию решения) и заставило задуматься: почему он часто говорит о любви и редко – о совместном будущем? Вскоре я убедилась, что знаю Андрея не так хорошо, как думала.

Как-то в субботний вечер папа с мамой ушли на юбилей к другу, мы с Андреем у нас на кухне выпивали вино, когда внезапно открылась дверь и появились родители (вернулись раньше обычного, потому что мама в новых туфлях натёрла ногу).

Вид Андрея с голым торсом сначала ввёл папу в ступор, а потом в ярость. Он, не замечая меня и моих попыток объяснить ситуацию, побелевшими губами выдавил:

– В моём доме?! Вон отсюда! И чтобы с Лидой тебя никогда рядом не было!

Андрей спокойно ответил:

– Это не вам решать! Она сама взрослая! – И пошёл одеваться.

Папа загородил ему проход:

– Была бы взрослая – не связалась бы с протестной!

Здесь вмешалась мама:

– Иван! Прекрати! Ты же ни в чём не разобрался! Зачем оскорбляешь его?

– Да что здесь разбираться?! А ты, – обратился к Андрею, – уходи, пока живой!

– Папа! Не волнуйся ты так! Я вас просто не успела познакомить!

– Зато всё остальное успела. Может, вы с ним уже поженились? Тогда почему кольцо носит только он?!

Андрей действительно обручального кольца не снимал. Я медлила с ответом.

– Это мы без вас решим! – огрызнулся Андрей.

– Да ничего ты не решишь! А ты! – папа с болью смотрел на меня, – связалась!.. Чтобы через минуту его здесь не было! – И папа ушёл в зал.

Андрей оделся и удалился, стиснув зубы. Ничего не сказал мне. Чувствовалось, что он оскорблён.

Папа со мной не разговаривал три дня, а мама тут же пришла с вопросами:

– Он женат?

– Да. Но жена живёт в другом городе, и они собираются развестись.

– И давно собираются? Сколько ты с ним?

– Месяцев пять.

– И что? Какие с его стороны действия? Ты любишь его?

– Не знаю. Но из всех он самый нормальный.

– С каких пор женатый мужчина стал нормальный?!

– Но это же пустая формальность!

– Лида, разве так ведёт себя мужчина с родителями будущей жены?! Так с ними знакомится?!

– От неожиданности всякий мог бы растеряться.

– Нет, не всякий! У порядочного нашлось бы смелости разъяснить ситуацию, а его только на грубость хватило!

Я возражала, но подсознательно с мамой была согласна. Андрею предложила некоторое время не встречаться. Он горячо стал разубеждать меня, но ничего нового не предлагал, и я убедилась в правильности своего решения.

В середине ноября приехал Серёжа. Мысль о том, что он совсем рядом, ходит по улицам города и можно просто нечаянно встретиться, пьянила и окрыляла. Когда Серёжа позвонил, мы, как в былые времена, болтали два часа. Я лежала на диване, слушала его голос и чуть ли не плакала от желания вычеркнуть из наших жизней годы его московского периода. Серёжа рассказал, что вопрос с аспирантурой у него опять не решился, что ненадолго уезжал из Москвы (место не назвал), что в Кемерове собирается оставаться неделю. Я описала Сашину свадьбу.

– Твой брат женился?! Но он же совсем мальчик!

– Мальчик! Сашка уже без пяти минут офицер! Скоро получит назначение и будет Родину защищать. Нас с тобой.

– А кто жена?

– Хорошая девочка. Аня.

– Я бы с удовольствием Сашу увидел! С ним можно встретиться?

– Почему нет?

Мы созвонились с братом, он обрадовался и пригласил в гости (после свадьбы Аня попросила Сашу до их отъезда к месту назначения пожить у её родителей). Я купила торт «Сюрприз», Серёжа заехал за мной, и мы отправились в конец Ленинского района.

«Еду в такси. И куда?! К Саше, который живёт у тещи! А полгода назад и слова такого слы-

шать не хотел. А главное, с кем еду?! С Серёжей!! Опять в Кемерово. Улыбаюсь. Шучу. Как будто и не расставались никогда. Он тоже весельчак! Всё как в странном сне!» – мысленно комментировала я происходящее. Но сердце пело, дышалось легко, будто после тюрьмы вдруг очутилась на берегу моря.

У Саши мы были на удивление долго. Тёща, Мария Константиновна, приветливо встретила нас, а когда узнала фамилию Серёжи, спросила:

– А вашу маму случайно не Валентиной Михайловной зовут?

– Да. Вы знаете её?

– Она, можно сказать, начальник мой. А вы, Серёжа, разве не в Москве живёте?

– В Москве. В гости приехал. Решил вот Сашу навестить, я его давно не видел.

Явление Серёжи вдохновило брата на импровизации, он представлял в образах, как, по его мнению, живёт столичный денди, какими могут быть его похождения, отчего мы смеялись буквально до слёз. (Больше всех Серёжа.) Аня, весёлая, милая, доброжелательная, организовала чаепитие, а потом, по предложению Серёжи, мы играли в бридж.

Возвращались поздно, до стоянки такси шли пешком. Было холодно и ветрено, как в прошлогодний Серёжин приезд. Я вспомнила ту пьяную ссору у ресторана «Кузбасс», но не стала говорить об этом Серёже и тем более спрашивать, где же сейчас Люба.

Такси не было. Мы ждали, всматривались в редко проезжающие машины, с надеждой увидеть зелёный огонёк.

– Ну вот и кончилась Сашкина жизнь! – вдруг произнёс Серёжа.

– Почему? Тебе Аня не понравилась?

– Нормальная Аня. Не в ней дело. Теперь один день от другого Саше трудно будет отличить. Рутин!

– Но он же любит её!

– А дальше что?

– Как что? Жизнь: дети, работа, поездки, праздники.

– А там, глядишь, и старость со смертью.

– А что, есть другой вариант? Много разнообразных женщин – это альтернатива?!

– Да при чём здесь бабы вообще?! Саша молодой, талантливый! И на тебе – жена, служба! Вот и всё!

– Любимая жена! Ребёнка ему родит!

– Это, конечно, хорошо, но для счастья маловато.

– Для меня так – в самый раз! Каждый день быть с любимым, что ещё надо?

– Замуж хочешь?

– Всегда хотела быть рядом с любимым мужчиной.

– И что?

– И ничего! Вон наконец-то свободная едет! – Серёжа остановил такси, мы сели на заднее сидение и всю дорогу молчали.

Когда подъехали к моему дому, Серёжа спросил:

– Ты помнишь, что обещала сходить со мной в гости к Алле?

– Да. Попробую найти её. Мы не виделись, наверно, год.

– Буду ждать вестей.

Через Веру я нашла номер телефона Аллы, она, как я и предполагала, сидела дома с двухлетним сыном, скучала и была рада общению с любым человеком, в том числе и со мной.

– Хочешь, в гости приходи, поболтаем, – предложила она в конце разговора. – Посмотришь, как мы устроились на новом месте.

Алла жила в центре города, в однокомнатной полнотражной квартире.

– А можно я приду с другом? – спросила я, коварно умолчав его имя.

– Конечно! Давай послезавтра!

Собираясь в гости, я думала о том, что странный сон продолжается. Я не пыталась доискаться до причин, по которым Серёжа непременно хотел, чтобы мы вместе увидели Аллу, не задумывалась, как она отреагирует на появление Серёжи, просто выполняла своё обещание. Перед выходом посмотрела в зеркало: хороша! (А что толку?)

У Аллы мы были недолго. Она открыла дверь и, конечно, обомлела при виде Серёжи. Минут десять не могла в себя прийти. Так растерялась, что даже не разозлилась на меня. Серёжа наслаждался её растерянностью, при этом улыбался застенчиво и был необыкновенно вежлив. Алла слегка прибавила в весе, но, на мой взгляд, это ей добавило женственности.

В комнате было уютно и чисто, по особому приятному запаху чувствовалось, что здесь живёт маленький ребёнок. Алла показала нам своего улыбочивого сына и тут же увела его к соседке: «Мальчик такой активный, не даст поговорить». Серёжа достал вино, конфеты, Алла принесла яблочный пирог, и мы сели за маленький столик. Она наконец пришла в себя, и к ней

вернулось её обычное кокетство и уверенность в собственной неотразимости. Серёжа бойко отвечал на сыплющиеся с её стороны вопросы, умудряясь давать минимум информации. Алла хихикала. Я пила вино и рассматривала свадебный альбом. Серёжа тоже взглянул на несколько фотографий.

– Красивая пара, – сказал он.

– А ты женат? – спросила Алла.

– Нет.

– А ты, Лида?

Это была месть. Алла прекрасно знала, что я не замужем.

– Я, Алла, связалась с женатым мужчиной.

– Чужую семью рушишь?!

– Ох, рушу! Скоро одни руины останутся! Такая вот я коварная стерва!

– А дети там есть?

– Детей нет.

– Ну, хоть это хорошо, – подытожила Алла.

– Лида, – обратился Серёжа, – ты не будешь против, если мы с Аллой недолго поговорим на кухне?

– Конечно, не буду. Я вообще могу оставить вас наедине, – сказала я искренне, без обиды.

– Вот этого как раз совсем не надо. Мы быстро.

Серёжа и заинтригованная Алла ушли на кухню. Удивительно, но мне даже не было любопытно, о чём шёл разговор. Минут через десять они вернулись, Серёжа с улыбкой, Алла с обычным выражением горделивого превосходства. Когда допили вино и съели пирог, мы с Серёжей ушли. По дороге визит наш не обсуждали, я поинтересовалась, как живёт Алексей.

– Очень редко общаюсь с ним.

– Почему?

– Да как-то разошлись.

– Ты знаешь, что он с Леной до сих пор не расстался?

– Мне это неинтересно.

У моего подъезда Серёжа спросил:

– У тебя какие планы на вечер?

– Пока не знаю.

– Хочешь, пойдём со мной к приятелям? Это семейная пара, они сегодня вечеринку устраивают.

– Давно уже никуда не выбиралась.

– Что? Твой друг домосед?

– Давай мы не будем это обсуждать?

– Давай. Так заезжать за тобой?

– Да.

– Будь готова к восьми.

В этот вечер я была в ударе! Красива, остроумна, оптимистична, весела без надрыва, искренне внимательна к собеседникам – даже сама себе нравилась!

Компания гудела в двухкомнатной квартире с большой кухней в новостройке на окраине города. Не помню, сколько было человек, потому что люди постоянно уходили и приходили. В большой комнате танцевали, на кухне велись разговоры (в основном о жизни за границей, о том, кто и как устроился после эмиграции, о случаях на таможне при выезде из Союза), в спальне периодически кто-то закрывался.

Сначала мы сидели на кухне, Серёжа оказался в центре внимания, многие его знали, были рады видеть и с интересом слушали рассказы об общих московских знакомых. Потом к нему подскочила изрядно подвыпившая девушка (из серии «ноги от ушей») и попыталась затащить на танец. Я наблюдала, как в первый раз вежливо, а после её настойчивости жёстко, он отказался.

Мои наблюдения были прерваны красивым брюнетом, предложившим выпить водки.

– Я бы предпочла сухое вино.

– Не знаю, осталось ли оно. Хотя одну бутылочку я припас, сейчас принесу.

Брюнета звали Валентин, он оказался хозяином квартиры. За бокалом вина я подверглась вежливо-остроумному допросу, который продолжился уже во время танца. Между нами сразу же возникла симпатия людей, получающих удовольствие от одних и тех же книг, фильмов и других радостей. Когда Валентина отвлекла миловидная женщина, как потом выяснилось, жена, мой танец продолжился с молодым человеком, знакомым по КВН. Потом музыка сменилась на более ритмичную, кажется, это была «Бони-М», и я дала жару на полную катушку, особенно, когда Серёжа вошёл в комнату. Минут пять глядя на танцующих, он курил у балконной двери, а потом подошёл ко мне:

– Я собираюсь уходить. Ты со мной или останешься здесь? Вижу, тебе нравится.

– Я конечно поеду с тобой.

Хозяева проводили нас до двери.

– Почему ты не познакомил нас с Лидой раньше? У нас оказалось много общего! – сказал Валентин, приобнимая свою жену.

Серёжа на вопрос не ответил, но вежливо поблагодарил за вечер.

– Ты когда обратно уезжаешь?

– Дня через три.
 В машине (мы остановили частника) Серёжа сказал:
 – За два с половиной года здесь ничего не изменилось.
 – Дома новые построили.
 – Да. Плодят убожество. А что тебя держит в этом городе?
 – В другом городе меня никто не ждёт. А здесь родители, друзья, работа...
 – А потенциальный муж? Почему ты его не называешь?
 – Есть причины. Но поживём – увидим. Может, ещё и назову. А тебя что в Москве держит?
 – Ну ты спросила! Это единственный город в стране, где хоть как-то можно существовать. И откуда проще уехать.
 – Ты по-прежнему хочешь за границу?
 – Я стараюсь не менять своих планов.
 Расставаясь, мы договорились созвониться, но в последующие дни Серёжа не объявлялся, а когда я набрала его номер, трубку взяла Валентина Михайловна, громко переспросила моё имя и через паузу сказала, что Серёжа уехал. Мне показалось, что он как раз в это время был рядом и захотел со мной разговаривать.

Через неделю мне неожиданно позвонила Алла:

– Скажи, как Серёжа себя чувствует?
 – В каком смысле?
 – Ну после драки!
 – Какой?! С кем?!
 – Ты что, не в курсе?! Говорят, он пьяный пришёл к Алёне Сагаповой, не знаю уж, что они там делали, но, как в анекдоте, вернулся муж, случилась драка, у Серёжи глаз подбитый и нос чуть ли не переломан! Странно, что ты ничего не знаешь!
 – А это правда или принимают желаемое за действительное?
 – Конечно, правда. Весь город обсуждает. А тебе, значит, он не позвонил?! Удивительно! Вы ведь такие друзья!
 – Не позвонил. Но в любом случае Валентина Михайловна сказала, что Серёжа уехал.
 – Да?! Странно. Ещё позавчера с ним Юра, одноклассник, по телефону разговаривал.
 – В таком случае позвони Серёже сама.
 – Я бы сделала это, но после нашего с ним разговора наедине, боюсь, это будет неловко.

Алла замолчала, ждала, что я начну интересоваться подробностями. Пауза затянулась, она не выдержала и продолжила:

– Представляешь?! Он звал меня с собой в Москву!

– И что?
 – Ну, я отказалась, сказала: «Нет, Серёженька, я замужем, у меня ребёнок!»
 – А он-то и не знал! Сюрприз для него!
 – Не сюрприз, конечно... Ой. Я должна идти, сын проснулся.

Разговор закончился.

Я обдумывала варианты: либо Алла сочиняет (как часто это делала, предполагая, что нет ни одного равнодушного к ней мужчины), либо я полная дура, либо Серёжа сумасшедший. Хотя, возможно, в каждом предположении была доля истины.

«Совсем я перестала понимать тебя, Серёжа! Чего ты действительно хочешь? Знаешь ли ты сам? Куда тебя несёт?!» – с горечью думала я.

С Андреем после двухнедельной разлуки состоялся обстоятельный разговор о скором разводе, об оформлении наших отношений, и я уже готовила примирительную встречу с родителями. Наше совместное будущее представлялось мне смутно, но тем интересней было ждать сюрпризов грядущей реальности. Однако сюрпризы начались раньше.

56

Однажды я неожиданно зашла к Андрею на кафедру в университет (одно из мест его работы), держась за руки, мы вышли в коридор, и вдруг он резко отшатнулся. Навстречу стремительно шагала высокая стройная женщина. Андрей бросился к ней со словами:

– Что случилось?!
 – Ничего. Просто приехала. Соскучилась, – женщина была напряжена, криво усмехалась. – Это она? – Кивок головы в мою сторону.
 – Давай поговорим об этом дома.

Дальше я слушать не стала, развернулась и пошла к выходу. Андрей не удерживал. Минуты через три он без пальто догнал меня на улице.

– Пстой! Она не должна была приехать! Я тебе всё объясню!

– Андрей, вернись, ты простынешь!
 – Вечером жду тебя!
 – Нет! Пожалуйста, нет! И вообще... нет! – И я изо всех сил побежала от него.

У Марины я ревела в подушку.

– Вот ты мне скажи, о чём ты сейчас плачешь? Сама же не стала слушать объяснений! Он же ни от чего не отказывался!

– Ты бы видела, как жена смотрела! Она-то разводиться не собирается! Я думала, что меж-

ду ними нет ничего, а там семья! «Давай поговорим об этом дома», – сказал он ей! «Дома!» Это их дом, хотя я там была чаще!

– Лида, ты просто причину ищешь, чтобы не жить с ним! Я так и знала, что приезд твоего короля сероглазого даром не пройдет!

– Кортников здесь ни при чём!

– При чём, при чём! Ты даже со мной, как он приехал, ни разу не созванивалась! О делах моих не спрашиваешь!

– О каких делах?! – меня вдруг осенило. – Марина! Марик предложение сделал?!

– Ага! Жди! – Марина усмехнулась. – Нет! Мне дают целевое место на театроведческое отделение в Ленинград. (Марина в результате предпринятых манипуляций нашла себе работу в отделе управления культуры.)

– Второе высшее! Это хорошо. Заочно?

– Нет, очно.

– А как же Марк?

– Ну, во-первых, туда ещё поступить надо.

– А во-вторых?

– А во-вторых, жизнь покажет! Но вообще-то у меня голова кругом!

– Что Марк говорит?

– Ничего. И меня это больше всего раздражает, – она помолчала. – Не могу понять: то ли это нерешительность, то ли безразличие?

– А когда экзамены?

– Летом конечно.

– Хорошо, есть время подготовиться. А к лету всё выяснится и с Мариком. Я тоже хочу попробовать поступить на режиссёрские курсы.

– Ну это совсем сложно! Там мужчин в основном берут! С опытом. Знаешь, я слышала, что набирают в театр к Спесивцеву, может, тебе там показаться?

– В любом случае надо ехать в Москву. Денег скопить бы!

– Это вот уже конкретное желание, а не мрихлюндия слезливая. Не есть, не пить – денежки копить! Рада, что ты оживаешь! Хватит на мужиках заикливаться!

Я действительно решила всерьёз заняться режиссурой. Подбирала материал для вступительного собеседования, с Митей мы искали каких-нибудь знакомых, которые или учились, или пытались поступить на режиссёрское отделение в московские вузы.

– Я и про Ленинград узнаю, – сказал Митя. – Следующей осенью собираюсь поступать в аспирантуру Театрального института, может, тебе туда на режиссуру попробовать?

– Может быть. Надо узнать и про Ленинград.

С Андреем я больше не виделась. От принятого решения стало чуть легче, но всё же, когда вспоминала нашу встречу втроём, сердце сжималось от стыда, сама себе казалась пошлой злодейкой-разлучницей.

Опять на балконах появились ёлки, но в этом году они не вызывали у меня обычного предчувствия праздника. Мария Константиновна пригласила нас с родителями встретить Новый год у них одной большой семьёй. Саша поддержал эту идею.

– Сестра, когда ещё мы сможем собраться все вместе? Сошлют меня куда подальше, и уже не приедешь просто так.

– Я не против. Давайте соберёмся у вас. Честно говоря, мне всё равно, где это будет.

– Что это за настроение такое? Не узнаю тебя! Это из-за Серёжи?

– Это из-за себя! Непутёвая я девочка. Куда ни ступлю – всё не путь, а скрюченная дорожка. Жил на свете человек скрюченные ножки...

– И ходил он целый век по скрюченный дорожке! – засмеялся Саша.

– Точно! Так что Серёжа здесь ни при чём.

– Мария Константиновна очень удивилась, когда увидела его у себя дома. Говорит, что мама его очень гордая! Серёжа её надежда! Не хочет, чтобы он в провинции пропадал. Объявила всем, что он женится на дочке профессора, не меньше!

– Не думаю, что Валентина Михайловна обсуждает на работе жизненные перспективы сына. И уж точно профессорская дочка – это не Серёжин размах. Разве что профессор из Сорбонны или Кембриджа. В любом случае, дай Бог ему счастья, мы, наверное, с ним теперь не скоро увидимся. Если увидимся вообще.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

– Лида, Серёжа попросил позвонить ему. Я записала номер, – этими словами встретила меня мама, когда я после работы пришла домой.

– Какой Серёжа?

Мама удивлённо смотрела.

– Кортников. А что, есть ещё какой-то?

– Почему ты решила, что это он?

– Потому что он как воспитанный человек представился, сказал: «Здравствуйте, это Сергей Кортников». Ну и так далее. Вот, – она протянула листок с цифрами, – звони!

Я не могла представить ни одной причины, по которой Серёжа хотел бы со мной поговорить,

но, конечно, набрала номер. Никто не ответил. Ближе к поздней ночи раздался междугородний телефонный звонок.

– Лида, здравствуй! Я никого не разбудил?

– Нет. Я звонила тебе.

– Я выходил, – Серёжа помолчал. – Как ты?

– Живу. Что-то случилось? Как твоё здоровье? Говорят, ты в прошлый раз захворал перед отъездом?

– Не помню такого. И вообще, кто прошлое помянет, тому глаз вон!

– Хочешь всё забыть?

– Не всё. Лида, приезжай в Москву на Новый год!

– Шутишь?

– Серьёзно.

– Не знаю, что и подумать!

– А ты не думай! Просто приезжай! Я бы выслал денег на дорогу, но сижу на мели, не без копейки, конечно, на хлеб хватает, но без икры, а иногда и без масла. Тебя же это не смутит? Помню, ты собиралась жить со мной в шалаше!

– Я тоже помню.

– Приедешь?

– Серёжа, это неожиданно, до Нового года неделя всего осталась. Работа, родители... А главное, денег надо где-то достать.

– А больше тебя ничто не держит?

– Ничто.

– Ты хочешь приехать?

– Да.

– Тогда постарайся.

– Попробую. Позвоню, если куплю билет.

Всю ночь меня лихорадило. Я пыталась понять, зачем, в каком качестве Серёжа хочет меня видеть? Почему именно на Новый год? Где взять денег? Сашина свадьба съела все накопления. Что сказать родителям? Будут ли билеты на самолёт? Я боялась загадывать, но от предчувствия счастья уже не могла лежать, ходила по комнате, вглядывалась из окна в ночное небо, улыбалась и даже легонько подпрыгнула один раз.

На следующий день я поговорила с папой, он не возражал: «Лида, как хорошо, что ты оставила этого женатика», я подумала: «Ах, папа... а ты?!.» – но продолжать грустную мысль не стала, взяла деньги в институтской кассе взаимопомощи, купила билет и позвонила Серёже.

– Я прилетаю вечером двадцать девятого.

– Умница! Жду тебя. Ты ведь помнишь, как ко мне добираться?

– Да. Я всё помню.

– Всё?!

– Во всяком случае, главное.

– И что же главное?

– Руки мыть перед едой и чистить зубы на ночь и утром.

– Тогда не забудь зубную щётку! Мыло и пасту я тебе, так уж и быть, дам!

В оставшиеся до отъезда дни я решала, что надеть, искала новые вещи, взяла на время поездки у Ани дублёнку, а ей отдала свою шубу (она была ещё как новенькая, всё-таки во Франции делали!), испекла торт «Наполеон». («Ты нам хоть кусочек отрежь!» – просил Саша, но я не стала портить вид отсечением части от целого.)

Счастливая я сидела в самолёте. Звёзды в иллюминаторе подмигивали, но мне и без того было весело. Я представляла Серёжу, сидящего в своей комнате, себя, перелетевшую через Сибирь, Урал, Нечерноземье и свалившуюся с неба с сумками (в которых тесня коробку с тортом, штабелями распластались цыплята табака, позвякивали две трёхлитровых банки с огурцами и помидорами, баночка грибной икры), к порогу любимого.

Москва перед праздником наряжалась в сверкающий пушистый снег, он оседал на редких прохожих и создавал новогоднее настроение. К Серёжиному дому я брела по мягкой тропинке, слизывала снежинки, падающие на губы, улыбалась и почти не ощущала тяжести сумок.

– Лида! Как ты это всё донесла?! Надо было сказать, я бы встретил тебя! – воскликнул Серёжа, забирая у входа в квартиру мой багаж.

– Действительно, почему я не воспользовалась случаем?! Слушай, ты ведь меня никогда не встречал!

– Это упрёк?!

– Нет, что ты! Просто факт, – я осмотрелась. – А где ёлка?

Серёжа удивлённо замер:

– Ёлка?

– Ну да! Ёлка, гирлянды, игрушки!

Он смотрел на меня и не знал, как реагировать. Потом, заметив смех в моих глазах, облегчённо вздохнул и улыбнулся:

– Шутишь?

– Да! Вот видишь, редко встречаемся и уже ни сразу друг друга понимаем!

– Снимай дублёнку, психолог! Вот твоя полка для вещей. Можешь сразу разложить.

– Нет, сначала я должна убедиться, что всё это происходит в реальности: по комнате пройду, до тебя дотронусь.

– Дотронься! Вот он я.
 – Точно! Твой лоб семи пядей.
 Я провела пальцами по лбу, носу, подбородку. Серёжа наклонился, легко поцеловал меня в щёку, глубоко вздохнул и сказал голосом Бабы Яги:

– Фу! Фу! Человечьим духом пахнет!
 – Ишь ты, носик-то твой, бабуся, человека по французским духам узнает! Ладно, давай, как в сказке: сначала банька, а еду я с собой принесла, от тебя, поди, не дождёшься!

– Лида, ты, правда, привезла продукты?
 – Некоторые. Придётся поменять последовательность: в душ схожу потом, а сейчас поздний ужин.

Удивительно, но в комнате был беспорядок (обычно Серёжа педантично следил за чистотой): на стуле валялись джинсы, на буфете стояли немытая после кофе чашка и пепельница, полная окурков, по столу были разбросаны листы бумаги. Приглядевшись, я увидела, что это рисунки с попытками изобразить человека сидящего, стоящего, отдельные части тела: ладонь, ногу. Всё это напоминало работы ученика начального класса художественной школы.

– Ты берёшь уроки живописи?
 – Нет, сам пытаюсь.
 – Здорово! У тебя хорошо получается, но с учителем дело бы пошло быстрее. Это хобби или ты решил сменить профессию?

– Ещё не знаю! Пока есть свободное время, открываю в себе неожиданные способности. Я и стихи пробую писать, потом дам почитать.

– Вот это да! А как же физика? У тебя же талант!

– Физика подождет!
 – Почему ты перестал ею заниматься? Разочаровался?

– Есть некоторые сложности. Не учителем же идти!

– А почему нет? У тебя прекрасно получалось! Я помню!

– Это тот первый урок? Нашла, о чём вспоминать!

– Серёжа, поверь мне! Ты прирождённый педагог!

– А может, я прирожденный художник?! Смотри!

Он достал небольшой лист ватмана с нарисованной мужской головой.

– Как тебе? – спросил Серёжа с видом человека, уверенного, что даёт посмотреть произведение, которое знатоки уже оценили как шедевр.

Я взглядела на рисунок: из множества корявых длинных и коротких линий, сделанных простым карандашом, из штрихов тонких, жирных и растёртых в тени на меня смотрело скукоженное лицо человека из серии «Поймать и обезвредить». Со старанием дилетанта-новичка тщательно были прорисованы все мимические морщинки, все подробности радужной оболочки глаз. Портрет вызвал во мне ужас. И дело было не в страшных поджатых узких губах, не в заострённом длинном носе и не во взгляде обречённо-преступном! Лицо ни одной чертой не напоминало Серёжу, но всё же это был он! Его автопортрет!

– Ну как? Похож? Мне все говорят, что классно! Я всё ещё смотрела на лист.

– Кто – все?

– Все, кто видел! Приятели, друг мой Пётр! Я вас завтра познакомлю. Лида, тебе что, не нравится?!

– Я уже видела его.

– Когда?! Ты не могла, я его неделю назад нарисовал. Шутишь!

– Я его видела, когда читала Оскара Уальда! Он так хорошо его описал, что в глазах стоит.

– Дориан Грей... Значит, тебе не понравился?

– Серёжа, портрет, наверное, хороший, раз так испугал меня! Но лучше бы его не было!

– Почему?!

– Не знаю, но сердцем чувствую, что не надо этому лицу оставаться здесь. Побыл немножко и хватит! А то ещё подумает, что и, правда, похож на тебя! У психологов есть такой приём: нарисуй свой страх и порви!

– Почему страх? Ты действительно считаешь, что его нужно порвать?!

– Да.

– Тогда сделай это сама!

– Знаешь, если тебе быть художником, ты нарисуешь ещё много всего, и автопортреты в том числе, а если не быть, то тем более не нужно оставлять это... даже слов подобрать не могу! Так я рву?

– Ну, если ты уверена...

Серёжа, наверное, не сомневался, что решимости моей не хватит, но, ещё раз взглянув на изображение, я передёрнулась от мерзости и порвала листок на части.

– Вот теперь мы вдвоём, а этот, – я показала на клочки, – был лишним.

Серёжа внимательно смотрел на меня.

– Невероятно! Ты сделала это! Так серьёзно отнеслась! Это же просто рисунок!

– Жалеешь? Злишься на меня?
– Да ерунда! Где обещанный ужин? – Серёжа сменил тему, но чувствовалось, что уничтожение рисунка смутило его, он был растерян.

Я достала продукты и накрыла на стол.
– Это целый пир! – оценил Серёжа. – У меня есть водка. Завтра купим шампанского на Новый год!

– А где мы будем отмечать?
– Посмотрим, с Петей решим.
– Твой друг?
– Да, лучший на данный момент.
– Чем занимается?
– Да всем! Но главное, он музыкант, собирает свою группу. Сейчас, правда, простой в делах.
– Москвич?
– С недавнего времени. Очень вкусные цыплята. Папа делал?

– Да. Там ещё есть, нужно положить в холодильник.

После ужина я мыла посуду на большой кухне. Серёжа показал, где его стол, кастрюли, сковородки, где лежат продукты, короче, познакомил с хозяйством. Это погружение в его быт мне показалось признаком начинающихся новых отношений.

– Ты обещал пасту и мыло, я хочу в душ.
– Пойдём, я всё покажу.

Мы вместе почистили зубы, а потом Серёжа ушёл, оставив мне халат.

Я стояла под тонкой струей душа (вода нагревалась через колонку) и уговаривала сама себя: «Всё как-то странно... Серёжа изменился. Держи дистанцию! Хотя бы сегодня!»

Когда я вернулась, один из диванов белел простынёй и одеялом. Свет в комнате был погашен. Серёжа стоял у окна и смотрел, как роились снежинки вокруг фонарей.

– Завораживает, – тихо сказал он.
Я прислонилась к подоконнику.
– Правда. Снег идёт, и всё в смятенье! Удивлённый пешеход, убелённое растенье! Перекрёстка поворот!

– Чьи стихи?
– Пастернак. А вот ещё: «Любить иных – тяжёлый крест, а ты прекрасна без извилин...»
– Это не о тебе. Ты и прекрасна, и умна!

Я замерла, не зная, как реагировать на эти слова, Серёжа никогда не говорил о моих внешних данных, разве что с лёгким поддразниванием, и сейчас, цитируя Пастернака, я предлагала ему возможность поимпровизировать на эту те-

му. (Сказать, например: «Извилины, наверное, тебе бы помешали прилететь ко мне», ну или что-то в этом роде.) «Ты прекрасна и умна!» – банально, как клише из пошлого романа, а главное, не обо мне! Я решила отшутиться:

– Так почему же моя жизнь – цепь дурацких поступков?!

– Видишь, ты ещё и самокритична.

Я молчала.

– Очень смешная ситуация: мужчина и женщина одни в комнате и разговаривают, вместо того чтобы...

Серёжа присел на край дивана, прислонился ко мне, обнял за талию и уткнулся лицом в живот. Я гладила его голову. И опять сбилось моё дыхание, и опять дрожь, и стало ясно, что тело ничего не забывает. Он усадил меня на колени, поцеловал умело (можно сказать, профессионально), потом отодвинулся и быстро стал раздеваться. Я сидела в халате, чуть откинувшись на подушки, и смотрела на Серёжу.

– Я тебе ещё нравлюсь? – посмеиваясь, спросил он.

– Да.

Серёжа прилёг ко мне и стал развязывать пояс.

– Ты ведь теперь девочка взрослая, покажи, чему научилась!

60

Эти слова вдавили меня в диван. Если бы их сказал не Серёжа, я бы тотчас же ушла. Что я могла ответить? «Приготовься! Сейчас ты умрёшь от оргазма!» Или: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала!» Или... Вариантов было много, но ни один из них не смог бы стереть из Серёжиной памяти, что после него в моей жизни были другие мужчины.

Я промолчала, просто прижалась сильнее и пальцами прикрыла ему рот. Он откинулся на диван и предоставил мне возможность быть хозяйкой положения.

Наверное, Серёжа действительно ждал от меня демонстрации новых умений, мне же хотелось просто прикасаться к нему. Он лежал, прекрасный, стройный, длинноногий, такой же, каким был и в первую нашу ночь. Я понимала, что не изменилось только тело, а сам Серёжа уже другой, но как не хотелось в это верить!

Когда он взял инициативу на себя, я почувствовала, что присутствую на показательном уроке, где демонстрируются приёмы, призванные обеспечить «неизъяснимы наслаждения». Но ничего подобного со мной не случилось. Се-

рёжа предлагал виртуозный секс, а я хотела, чтобы он ощутил мою любовь. И она-таки пере-силила. Серёжин профессионализм сменился нежностью, и финал стал скорее общим примирением, а не триумфом победителя.

Утром я в роли хозяйки накрыла завтрак: расстелила на краю стола белое вафельное полотенце, заварила чай, сделала бутерброды с грибной икрой и нарезала солёный огурец.

– К такому завтраку в самый раз водочки, – прокомментировал Серёжа, – но это вечером. У тебя есть какие-то планы на этот день?

– Есть. Купить обратный билет, а то у меня экзамен пятого.

– Экзамен?!

– Ну да, у студентов-то сессия.

– Мучить будешь?

– Нет, пытаю их в течение семестра. А на экзаменах пятёрки ставлю. Я ещё собираюсь сходить к Спесивцеву.

– Кто это?

– Режиссёр. Он набирает новых актёров, хочу попробоваться. Но боюсь, опоздала. Наверное, прослушивания закончились. Вот такие планы, других нет. Удивительно, в Москве бываю часто, а знакомых мало.

– Сделаем так: пойдём вместе, и билет тебе купим, и продукты к празднику, и прогуляемся.

Когда мы собирались, я распахнула халат и вдруг поняла, что стесняюсь раздеваться при Серёже. Я, конечно, преодолела эту застенчивость, надела платье в горошек с белым воротником, накрасилась, как обычно, с бравым видом повертелась перед зеркалом. Серёжа держал мою дублёнку, пока я пыталась попасть в рукава, но не коснулся меня, не приобнял (ни разу за всё утро), зато окинул взглядом и сказал:

– Лида, ты красивая женщина.

Я почувствовала себя старой и чужой.

Прогулка вышла замечательная. Без проблем я приобрела билет на второе января, запаслись «Советским» шампанским (две бутылки), потом в мясном отделе долго решали, что купить на минимум оставшихся денег, в результате пожилая продавщица в предновогоднем настроении посоветовала взять свежайший лангет из говядины. Средств хватило только на три порции. Серёжа был весел, остроумен, два раза мы слегка поцеловались в очереди, но по дороге домой я вопросами (безответными) о месте его работы, перспективах невольно разрушила создавшуюся атмосферу предпраздничной лёгкости.

В коридоре стоял запах жареной на свином сале картошки с чесноком. Соседи (лысый мужчина предпенсионного возраста и крашенная блондинка в байковом цветном халате) на кухне готовили обед. Я разместила продукты в холодильник, потом разложила оставшихся цыплят на сковороду и поставила разогревать. Женщина (она представилась Галиной) поинтересовалась, что это за блюдо, я стала объяснять, в дверь позвонили (четыре раза, так звонят к Серёже), и он пошёл открывать. Когда принесла еду в комнату, Серёжа был уже не один. Развалившись на диване, курил мужчина.

– Это Пётр, – сказал Серёжа, – я тебе о нём говорил. А это – Лида.

– Привет, Лида!

– Здравствуйте, Пётр. Сейчас будем обедать.

– Ах, как это славно! Прямо-таки деревней повеяло. «Иди, Петечка, мой руки, и обедать!» – так моя бабушка говорила. Ну так пойду ручки помою!

Петя вышел. Он был коренаст, низок ростом (чуть выше меня) и казался некрасивым. Скуластое лицо, нос с лёгкой горбинкой, глубоко посаженные тёмные глаза, но взгляд живой, острый, чувствовалось, что от его внимания мало что ускользает. Тембр голоса был приятный, низкий, но как бы чуть театральный. Пётр производил впечатление человека, слегка играющего на публику.

Я поставила тарелки с цыплятами и пошла за солёными помидорами и хлебом. Когда вернулась, Серёжа и Пётр, не дожидаясь меня, уже начали есть.

– Ах, как вкусно-то, господи! Ай да Лида! Ай да молодец! – приговаривал Пётр, утрированно причмокивая.

– Это мой папа готовил!

– Ай да папа! Ай да молодец! – повторил Пётр. – А у нас и помидорчики есть! А водочка к помидорчикам? А, Сержик?

– Сейчас будет и водка.

Серёжа достал бутылку из буфета. Водки там было меньше половины. Поставил две рюмки, разлил, а потом спохватился:

– А ты, Лида, будешь?

Сначала я хотела отказаться, но передумала.

– А то! Редкая сибирячка от водки откажется!

Выпили. Пётр сметал еду со скоростью исправного пылесоса. Успокоился только, когда кроме костей ничего не осталось.

– Хорошо было, но быстро кончилось! – Он отошёл от стола и, как бы по привычке, прилёг на диван.

Я мыла на кухне посуду, думала о том, что не таким я представляла Петю, и не могла отделаться от ощущения, что уже где-то видела его, хотя понимала, что раньше мы не встречались.

Когда вернулась в комнату, Серёжа вышел в коридор к телефону. Петя сидел в кресле и курил.

– Лидочка, ты зачем портретик-то порвала? Только прилетела, и на тебе! Уничтожила, можно сказать, шедевр начинающего гения!

Под шутливым тоном чувствовалась злость и агрессия.

– Гений всё может повторить в любой момент, если, конечно, натурщик вернётся.

– Какой натурщик?! Лида, ты даже не поняла, что он себя рисовал?!

– Разве? Я там Серёжу не узнала. А вы, Петя, сразу сходство уловили? Считаете, что Серёжа такой, как на портрете?

– А ты, Лида, штучка ещё та?! Да?!

– Петя, я, наверное, тоже перейду на ты, ты меня ставишь в тупик. Я чувствую с твоей стороны нападение, но не пойму, против чего ты борешься? Если у Серёжи талант живописца, то надо помочь ему, может, учителя найти.

– И ты вот специально прилетела для этого? Или, может, всё-таки для чего другого? Может, зачесалось у тебя там, в одном месте?!

Я оторопела. Что ответить?! Что ответить, учитывая, что он Серёжин друг?

– Нечего сказать?

– Нечего.

– А ты и не говори! Пользуйся моментом!

– Спасибо, пользуюсь с радостью. Петя, мне Серёжа сказал, что ты его друг, лучший на данный момент. И я изначально относилась к тебе как к его другу. Мне, например, хотелось узнать, какую музыку ты пишешь? Кто тексты сочиняет? И вообще, как в нашей стране можно свою группу собрать? Но, возможно, я не правильно поняла Серёжу, и он говорил не о тебе?

– Лидуха, ты кто вообще такая?! Наверное, отличницей была? Вопросы она мне задавать хотела! «Какую музыку ты пишешь?!»

– А на самом деле нужно спрашивать, сколько говна тебе приходится есть, чтобы чего-то добиться?

Вошёл Серёжа.

– Ну что, вы познакомились поближе?

– Да, мы поболтали, – с улыбкой ответил Петя. – Лида сказала нехорошее слово.

– Только слово? Вообще-то она спец по фене. Однажды был свидетелем! Теперь, навер-

ное, студентов этому учит. Правда, предмет назвала «Риторикой», – Серёжа шутил, не представляя, какой разговор только что состоялся у нас с Петечкой.

– Гармонично развитая личность, – подытожил Пётр. – Ладно, по поводу вечера всё остаётся в силе? – обратился он к Серёже.

– Да. Часам к семи придём.

– Ну, пока! До встречи, Лидия! Приятно было познакомиться.

Пётр ушел.

– Мы сегодня идём к нему в гости?

– Да.

– Он очень странный.

– Почему? Мне он кажется нормальным. Хотя многие талантливые странны.

– А он – талант? Как музыкант?

– Он вообще талант! Во всём! Если бы жил в нормальной стране, миллионами бы ворочал.

– Он тебе в чём-то помогает? Поддерживает тебя?

– Он мне?! Я ни в чьей помощи не нуждаюсь! Это скорее его надо поддерживать! Хотя сейчас у нас обоих дни не самые лучшие. Но ничего, прорвёмся! А почему ты расспрашиваешь о нём?

– Он же твой друг, и потом, я ему не понравилась.

– Не заметил.

– Он при тебе общается совсем по-другому. А мне гадости говорил.

– Не обращай внимания, он вообще баб не особо за людей держит.

– Думаю, это взаимно.

– Не скажи. У него с этим проблем нет.

– Бедные женщины. Я, конечно, видела его мало, но создалось впечатление, что он со всеми играет, и с тобой тоже. Мне кажется, он завидует тебе.

– Что за фантазии?! Всё! Оставим эту тему! Он мой друг, и это не обсуждается!

Серёжа включил телевизор (тот же маленький, переносной) и лёг на диван. Я решила немного прибраться и стереть пыль.

– Не надо ничего делать. Здесь и так нормально.

– Как скажешь.

Некоторое время мы смотрели мультфильм про приключения Снеговика, потом я сказала:

– Ты обещал показать свои стихи.

– Уж и не знаю, вдруг ты и их порвёшь? – Серёжа улыбнулся, встал, достал из письменного стола несколько листов и дал мне.

Это были, конечно, не стихи, а рифмованные истории, написанные от лица вымышленных героев. Рифмы банальные, часто нарушался размер. Наверное, поэзию Серёжа воспринимал как интеллектуальную игру, которой может научиться любой умный и знающий правила. Серёжа был уверен, что разгадал эту нехитрую премудрость и пишет не хуже, чем многие другие. Я по-настоящему расстроилась.

«Зачем он на это тратит время? Почему не занимается своим делом? Что хочет доказать? Что с ним происходит?!» Серёжа ждал моей реакции. Я решала: пощадить его самолюбие, сокрушить либо сказать правду и, возможно, обидеть его? Врать не хотелось, но и критика вряд ли принесла бы пользу. Я попыталась найти компромисс, выбрала из всего наиболее живые строчки. Они были написаны от лица отвергнутой любимым женщины:

*Мне ночью страшно без снов!
Пустую видеть тишину,
Фатальный бой глухих часов.
Но как же это объяснить ему?!*

И сказала Серёже, что он здесь он тонко чувствует женскую психологию:

– Это очень похоже на правду! Сразу чувствуется, что женщины с тобой откровенны, а ты умеешь слушать. – И я, действительно, так думала.

– А Пете это понравилось меньше других.

– А остальные он считает лучше?

– Да.

«Интересно: у Пети плохо со вкусом или он врёт специально. Но для чего? Что ему нужно от Серёжи?» – задавала я себе вопросы.

– Ладно, баловство это всё! Пора собираться! – закончил обсуждение Серёжа.

– Как мне одеться?

– Так, чтоб жарко не было. У Пети комната тёплая.

Пётр жил в Центре, в двух остановках от Серёжиного дома. В гастрономе мы купили бутылку водки, хлеб и колбасу. Шли через дворы. Опять крупными хлопьями падал снег. Дворники не успевали расчищать дорожки, и жители самостоятельно прокладывали узкие тропы, с удовольствием, как в детстве, оставляя следы на хрустящем рыхлом покрове. Я шла следом за Серёжей. Он часто курил и разговор поддерживал в состоянии некоторой рассеянности.

В коммунальной квартире на три хозяина Петя снимал комнату размером с коридорчик. В ней вплотную стояли узкий шифоньер, раскладной диван, журнальный столик, стул, и ещё оставался узкий проход, в котором два человека, не задевая друг друга, расходились с трудом.

Я сразу облюбовала угол дивана и села, поджав ноги (была одета в длинную клетчатую гофрированную юбку и тонкую водолазку), Серёжа занял стул.

Пётр поставил кассету с записью концерта Стиви Уандера (Song in The Key of Life). Через минут пять с подносом вошла худенькая невысокая женщина лет тридцати, без косметики, с собранными в хвост чёрными волосами, представилась Татьяной, Петиной соседкой, и поставила на стол рюмки и тарелки с бутербродами. Серёжа из пакета достал водку, а Петя с подоконника бутылку Рижского бальзама и коньяка. К дивану придвинули столик, и компания расселась вокруг него.

Я оказалась между Петей и Таней, чувствовала себя чужой, но смотрела на Серёжу и думала: «Пусть все немного не так, как мне представлялось, но я с Серёжей, и это реальная жизнь». В течение трёх часов все поглощали алкоголь (бутерброды съели в самом начале). Серёжа и я быстро опьянели, потом, когда откуда-то появилась ещё и настойка (я её уже не пробовала), захорошели и Пётр с Татьяной.

Разговор не складывался даже у мужчин, хотя видно было, что их взаимное приятие возрастало пропорционально выпитому. Пётр никак ко мне не обращался, но иногда внимательно смотрел. Таня в основном молчала, но всем видом демонстрировала безусловное одобрение всего, что говорили и делали Петя с Серёжей. Я пыталась ничем не выделяться из компании, но всё же сил моих выдерживать этот столичный способ скоротать вечерок хватило ненадолго. Где-то часа через два, когда Стиви запел мою любимую песню (Pastime Paradise), я, заметив свободное пространство (где раньше стоял столик), пробралась к нему (по дороге как бы нечаянно наступила Пете на обе ноги) и стала с радостью, как застоявшаяся коняга, танцевать, не заботясь о том впечатлении, которое мог произвести на окружающих мой поступок. А он произвёл: Серёжа сначала удивился, потом, заметив улыбку Петра, занервничал, разозлился и перестал обращать на меня внимание. Пётр, наоборот, не отводил возбуждённого взгляда. Таня держала

нейтралитет, но, когда музыка стала более ритмичной, протиснулась ко мне и вторую композицию мы танцевали вдвоём.

На улице все (Петя и Таня пошли нас провожать) немного отрезвели. Время близилось к ночи. В метро Серёжа и я влились в поток пассажиров, многие из которых были, как и мы, подвыпившие. В ожидании поезда я стояла недалеко от Серёжи и машинально просматривала варианты пересадок. Неожиданно появилась весёлая шумная компания девушек и юношей, один из них, высокий, озорной, чуть отстал и, глядя на меня, воскликнул:

– Я давно таких красивых не встречал! Пойдём к нам! У нас весело!

Я усмехнулась, отрицательно покачала головой, и он побежал догонять своих.

Серёжа, когда я повернулась в его сторону, с иронией сказал:

– Что ж ты не оценила предложение? Уровень твой!

Раньше подобная Серёжина реплика вызвала бы во мне слёзы обиды, а сейчас я только с горечью подумала: «Серёженька! Что с тобой?! Чем ты недоволен?! Что мне сделать, чтобы тебе было хорошо?!»

Перед сном я пошла в душ, а Серёжа стал рисовать рюмку, предварительно выпив из неё водку (из запасов на Новый год). Когда я вернулась, он спал, положив руки и голову на стол. Я постелила бельё, надела ночнушку и помогла ему перебраться на диван. Раздевать не стала, прилегла рядом и накрыла одеялом. «Совсем не верится, что завтра Новый год!» – подумала я, засыпая.

– У меня сегодня очень много дел, – сообщил Серёжа после завтрака. – Чем ты будешь заниматься?

– Попытаюсь попасть к Спесивцеву, приготовлю ужин, наведу порядок и, если успею, в парикмахерскую забегу. Мы же дома будем встречать?

– Возможно.

– С кем?

– Пока нет никакой определённости.

– А когда прояснится?

– Часам к семи.

– Серёжа, я лангеты не готовила ни разу, знаю, что мясо нужно отбить. А чем? Давай я просто сделаю говядину с луком. Это у меня должно хорошо получиться.

– Сделай как хочешь.

Серёжа ушел. С утра он периодически выбегал в коридор к телефону, со мной говорил только о самом необходимом, обсуждать прошедший вечер не стал, на моё шутливое замечание о том, что изображать наполненные рюмки лучше, чем пустые: хоть какая-то заначка остается, – вяло улыбнулся, зато неожиданно, не глядя на меня, произнёс:

– Ты утром так же хороша, как и вечером.

Это так не вязалось с тем, как он общался со мной весь вечер и утро, что на секунду от этих слов мне стало как-то тревожно.

Последний день тысяча девятьсот семьдесят девятого года был тёплым, поэтому я не замёрзла, пока искала здание театра-студии Спесивцева. Убедившись, что набор уже завершён (об этом сказал какой-то мужчина, наверное, сторож, вышедший после того, как я долго стучала в дверь), я пошла готовить новогодний ужин (пораньше, чтобы в случае неудачи был запас времени как-то выйти из положения).

Над мясом колдовала два часа. Получилось вкусно, но мало (порции четыре), даже с учётом добавленного лука. Начистила картошки, оставила в кастрюле с водой, чтобы потом отварить. Познакомилась ещё с одними соседями. Честно говоря, они были похожи на тех, которых я видела раньше, только мужчина ещё не облысел, а на женщине, тоже блондинке, халат был не цветастый, а однотонный (бордовый). Они одолжили мне лавровый лист и с радостью поделились своими наблюдениями: оказывается, женщины, посещающие Серёжу, ни с кем не здороваются и не разговаривают. А уж чтобы на кухне кто-то из них появился, так этого вообще не было. Я никак не комментировала эту информацию и постепенно перевела разговор на тему сибирских морозов. (Беспроигрышный вариант.)

В комнате навела порядок, стёрла пыль, подмела пол и пошла в парикмахерскую – в дом через дорогу. В целях экономии решила сделать не причёску, а завивку на бигуди (это было дешевле), и уже перед праздником уложить волосы самой.

К Серёже вернулась к шести часам. В комнате был только Пётр.

– Мать, как ты всё вкусно приготовила! Даже не ожидал, что у тебя такие таланты! Мы с Серёгой почти всё умяли!

Я подумала, что он шутит, но увидела на столе сковороду, в которой еды осталось на одну ложку.

– Так там же ещё гарнир предполагался, я собиралась отварить картошки!

– А нам и без гарнира понравилось, хлебушком помакали да и съели! Молодчина!

– А в Новый год что на стол поставим?!

– На ночь наедаться вообще вредно! К тому же ты говоришь, картошка ещё есть!

Я не стала продолжать эту тему, решила дожидаться Серёжу, да и Петин задор показался мне насмешливым и даже злорадным.

Из кухни Серёжа принёс чай. Посмотрел на меня и ничего не сказал. И я промолчала.

– Серж, глянь, что у Лиды стало с волосами! Кудри, как у благородной дамы.

Расстроенная скоропостижной кончиной еды, я забыла о полуфабрикатном варианте причёски, вид который был, конечно, дурацкий. Серёжа в разговор не вступил. И я вдруг почувствовала, что Петина насмешка – это ещё даже не начало того, что предстоит мне пережить в этот праздник. Неожиданно меня осенило: «Да они же уйти собираются! Без меня».

Пока друзья пили чай (мне никто не предложил), я расчесала волосы, собрала грязную посуду и унесла мыть на кухню. Я так хорошо чувствовала Серёжино настроение, что никаких вопросов задавать ему не собиралась. Ситуация мне напоминала историю о Дюймовочке, когда бедная девочка не понравилась приятелям Жука.

«Интересно, как Серёжа скажет мне об этом? Какие найдёт слова?!» Сама задавать ему вопросы я не собиралась. Зачем? И какие? «Почему ты, Серёжа, молчишь?» «Чем я обидела тебя?» «На что ты надеялся, когда звал меня к себе?» Я подозревала, что ни на один из них у Серёжи вразумительного ответа не было.

В двери я столкнулась с уходящим Петром, державшим позвякивающие бутылками пакеты. Мы молча разошлись. В комнате присела на диван. Серёжа, уже одетый в дублёнку, из буфета достал жестяную коробку папирос «Герцеговина Флор» и открытую, почти полную бутылку «Столичной». Коробку он взял с собой, водку поставил на стол, посмотрел внимательно по сторонам (но только не на меня), мол, ничего не забыл? – и вышел.

Когда я поняла, что моё предположение оказалось правильным, то от отчаяния не смогла сначала даже пошевелиться. Не плакала, только тихонько постанывала, прижав лицо к коленям. Первые четыре часа ещё прислушивалась к шагам в коридоре, надеялась, что Серёжа всё-

таки вернётся. Но слышно было только отдалённые голоса соседей. Уйти я куда не могла – ключей от квартиры и комнаты, которые дал мне Серёжа, на их обычном месте не оказалось, а оставлять дверь открытой я, конечно, не решилась. Позвонить домой можно было только по междугороднему автомату, по телефону в этой квартире кемеровские номера не набирались.

Никаких сетований по поводу собственной глупости, никаких поползновений понять происходящее у меня не было.

Я не винила ни себя, ни Серёжу! Не вскрикивала: «Какая дура! Зачем приехала?! На что надеялась?!» Потому что, когда ехала сюда, как раз и не надеялась ни на что! Разве только опять увидеть Серёжу, просто быть с ним! Вот и побывала!

Тысяча девятьсот восьмидесятый год я не встретила – он сам незаметно прокрался, когда, примостившись на коврик у буфета (почему-то только там меня трясло меньше всего), я пила мелкими глотками водку из стакана.

Не пьянела. Такой одинокой до этого я была всего один раз. Тогда меня восьмилетнюю мама вечером привезла в прокопьевскую больницу в отделение костного туберкулеза. (Мне предстояла операция на тазобедренном суставе). Место в палате (его ждали два месяца) освобождалось только утром. Чтобы не возвращаться домой, в Белово, мама договорилась, и на одну ночь меня положили в коридоре. Широком, продуваемом. Вместо кровати – каталка: высокая, узкая, прохладная и жёсткая, на неё же мама поставила сумку с моими вещами. Прямо над головой на потолке болталась тусклая лампочка в металлическом синем плафоне. Полночи я плакала от страха, одиночества, неизвестности, а потом заснула, обняв сумку, от которой пахло мамиными духами «Красный мак».

От этих воспоминаний я наконец заревела во весь голос, причитая: «Господи! Мама! Мамочка! Господи!»

Позднее, не раздеваясь и не расстилая постельное бельё, прилегла на диван и, засыпая, вспоминала, как тогда в больнице утром ко мне на костылях подошёл рыжий мальчик и положил на каталку пряник. Мальчик был старше меня на два года и звали его Пашкой. Вспомнила, как через месяц после моей операции мы бегали уже вместе по больничному парку, но из нас на костылях теперь была я, а Пашка готовился к выписке. «Лида, не переживай! Ты тоже скоро будешь ходить нормально!»

– Когда же?! Когда же уже?! – всхлипывала я на диване, окончательно уходя в сон.

Серёжа вернулся в десять утра. Усталый, бледный, почти потусторонний. Он разделся и повалился на диван, натянув одеяло с головой. Около часа я лежала, думала, где провести оставшийся день. Решила: «Пойду в Театр на Таганке!» Попастъ туда было невозможно, но я чувствовала, что в результате переживаний этой ночи во мне многое изменилось: то ли третий глаз наметился, то ли кожа стала толстой до непробиваемости, то ли сила всех оставленных в Новый год женщин вселилась в меня неведомым образом. Я не сомневалась – сегодня передо мной откроется любая дверь, так как остановить меня было невозможно.

Я посмотрела в зеркало (удивительно, но на лице следов слёз не осталось, а глаза светились ярче), сходила в душ, расфрантилась по первому классу, оставила на столе записку: «Приду поздно» – и выскочила на улицу!

В двенадцать часов заняла очередь в кассу: передо мной стояли только четыре молодых человека. Сегодня давали спектакль А. Чехова «Вишнёвый сад» в постановке А. Эфроса. Естественно, висело объявление, что все билеты проданы, и кассир периодически говорила, что мы стоим напрасно, шансов нет.

Мне всё равно идти было некуда, но и юноши не отступали. Трое из них держались вместе, а четвёртый сам по себе. Прошло два часа. Мы уже перезнакомились, выяснилось, что мальчики – студенты: трое из медицинского, а четвёртый (высокий красивый брюнет) – из высшего училища им. Баумана. Он представился Мишей и неожиданно спросил:

– Хотите, я вам пирожок куплю?

Эту идею тут же подхватили медики:

– Точно, давайте сгоняем за жратвой! А то до вечера ноги протянем!

Беяши и лимонад на некоторое время скрасили наше ожидание, но по-прежнему не появлялось никакой надежды на возможность купить билеты.

Миша неотступно находился возле меня и что-то рассказывал или задавал вопросы. Поскольку мысленно я постоянно разговаривала с Серёжей, вернее, я говорила, а Серёжа слушал, то часто отвечала Мише невпопад.

– Лида, вы, наверное, стихи пишете? – вдруг спросил Миша.

– Почему вы так решили?

– Я чувствую. Ну, так пишете?

– Редко. А вы любите стихи?

– Да! У нас в институте есть студия. Тоже пытаемся сочинять.

– Прочитайте свои!

– Однажды горная река устала скал лизать бока

И упорхнула в облака, свежа, прозрачна и легка.

А утром там, где ты живёшь, на землю выпал летний дождь.

И долго веяло потом прохладным горным ветерком!

– Здорово!

– Вам, правда, понравилось?

– Да!

– Теперь вы!

Я прочитала, потом опять он. Выяснилось, что Мише нравятся стихи Юрия Кузнецова и Давида Самойлова, и мы вспоминали любимые строчки.

– Лида, у меня сегодня с утра было предчувствие, что произойдёт что-то важное!

– И произошло?

– Да. Вы появились.

– Женщина с третьим глазом, с непробиваемым панцирем и старше вас на пять лет?! Но, если серьезно, сегодня обязательно должно произойти действительно важное, надеюсь, мы попадём на этот спектакль!

До начала было два часа. Мальчики постепенно сникли, при мне оставались сверхъестественное спокойствие и уверенность в успехе.

Через пятнадцать минут открылась служебная дверь, и показался молодой мужчина.

– Ребята, у нас накладка сегодня! Надо помочь перенести кое-что! Как вы?

– А билеты?

– Да посадим мы вас куда-нибудь!

Мальчики ринулись к двери.

– А Лида? Лида должна пойти с нами! – вскричал Миша.

– Пусть и Лида идёт! Только быстрее! Мы декорации ставить не успеваем! С этим Новым годом всё делается через... – он не договорил, но все поняли.

И вот я в театре! Не просто в фойе, а в коридорах, закутках, цехах электриков и декораторов и даже на самой сцене! Хожу, как по музею: на стенах новогодние шуточные поздравления, шаржи, стихи! Что-то вроде стенгазеты для сво-

их. Подписи под остроумными строчками: Сменов, Золотухин, Высоцкий, сам Любимов! Невероятно!

Пока ребята ставили декорации (вид на погост), я сидела в комнате для работников сцены. Периодически кто-нибудь заходил, доброжелательно здоровался и что-нибудь предлагал: чай, пряничек, кофе, конфеты. И от этого нормального человеческого отношения я с трудом сдерживала слёзы. Наконец работу закончили, и нас разместили в зале (это невероятно, но нам с Мишей достались лучшие места в центре партера).

Начался спектакль, и ко мне постепенно стала возвращаться жизнь. Это чеховское уравнение Эфрос решал совсем не так, как рекомендовала школьная программа по литературе или как делали до него другие режиссёры. Для меня главным мотивом стала история любви Лопухина (его играл Высоцкий) к Раневской (Демидова).

Я не была поклонницей Высоцкого-исполнителя. Большинство слов из песен, записанных любителями на концертах, из-за плохого качества слышать было невозможно. От надсадно-эмоционального хрипа у меня оставалось впечатление, что человек страдает, а почему? Детали ускользали. Хотя его «Кони» душу точно рвали! (Слушала на гибкой пластинке.)

Я любила Высоцкого-киноактера! В его героях, за редким исключением, угадывался тип мужчины, о котором мечтает почти каждая женщина: умный, решительный, сильный, порядочный, скрыто-чувственный, любящий женщин, но превыше всего ставящий интересы дела, как и положено мужчине. Фильм «Служили два товарища», где Высоцкий играет белого офицера, я смотрела раз пять.

И вот Высоцкий на сцене, от меня в нескольких шагах. Вышел какой-то помятый, но уже не Высоцкий, а Лопухин. И пошло действие. Как он мучился, бедный, как зависим был от этого своего чувства к Раневской (мечтающей любой ценой поскорее вернуться в Париж к любовнику), как понимал всё! Взглядом, лёгким поворотом, улыбкой, намёком на движение, интонацией почти однообразной, но такой сокровенной Высоцкий лепил образ мужчины, которого когда-то увидела и полюбила в Серёже.

Все остальные актеры в мастерстве своём Владимиру Семёновичу не уступали. На сцене уже не было вымысла, а только жизнь! Концентрация жизни!

От потрясения я тихо плакала весь спектакль. В антракте Миша купил мне коржик, но есть я не могла.

– Ты же мне потом объяснишь, отчего эти слёзы? – спросил он.

– Это займёт много времени, а у нас его с тобой нет.

– Почему?

– Я улетаю завтра.

– Утром?

– Вечером, но это неважно.

– Это важно. Во-первых, я провожу тебя сегодня домой, а, во-вторых, завтра в аэропорт.

Миша оказался редким юношей: умным, искренним, внимательным, весёлым, понимающим с полуслова.

Мы обсуждали спектакль, я пыталась объяснить концепцию режиссёрского замысла, горячилась, когда Миша возражал, смеялась, когда он утрированно замолчал и перешёл на язык жестов. За разговором не заметила, как подошли к подъезду.

– У тебя чемодан тяжёлый?

– Нет.

– Жаль. Не смогу завтра продемонстрировать свою физическую форму.

– Не надо этого делать. Ты и так не производишь впечатления человека из реальности. И провожать меня не надо.

– Я всё равно буду ждать тебя завтра здесь.

У подъезда появился Пётр. Сначала он мельком посмотрел на Мишу, а потом на меня. Узнал и молча скрылся в дверном проёме. После спектакля Петя уже не произвёл на меня такого гнетущего впечатления, но видеть его всё равно было противно.

– Тебе хочется туда идти?

– Мне хочется оказаться дома.

– Может, переночуешь у нас? Я живу с мамой, она поймёт.

– Спасибо, Миша! Правда, спасибо! Но на сегодня новых впечатлений достаточно! Уже поздно, пожалуйста, иди домой!

– Лида, во сколько тебя завтра ждать? Когда твой самолёт?

– Самолёт вечером, но я поеду раньше. В два часа.

– Я приду.

Поднимаясь по лестнице, я пыталась представить, какие Серёжа найдёт слова для меня, когда Пётр уйдёт домой. Но Петечка никуда не ушёл, остался ночевать. Они спали с Серёжей

на одном диване. Зная, что отклонений от сексуальной нормы у них не было, я поразились, на какие неудобства пошёл Серёжа, чтобы только не оставаться со мной наедине. Весь остаток вечера друзья ёрничили, посмеивались, подыгрывая друг другу. Я была спокойна и доброжелательна. (Когда Петя захотел есть, а в доме не было даже хлеба, отдала ему коржик.) Мой третий глаз ясно видел скрытую Серёжину неловкость и некоторые зачатки стыда. Даже Петечка был растерян, наверное, моё поведение не вписывалось ни в какие привычные для него рамки.

С утра я прошлась по магазинам (денег хватило только на московскую карамель, подарок из столицы) и к часу уже была у Серёжи. Петя так и не уходил. Я собирала вещи, а Серёжа с дивана наблюдал за мной. Когда застёгивала сумку, он встал, достал из ящика стола фотографию и протянул мне. На ней Серёжа сидел в компании с друзьями.

– Вот тебе моя фотокарточка. Говорят, что дарить фото к расставанию. Думаю, мы уже с тобой не увидимся никогда.

– Спасибо за снимок.

– Лида, ты поняла? Мы расстаёмся с тобой! Навсегда!

– Поняла, Серёжа. Жаль, что мало зрителей присутствует при этом. Хотя настоящий актёр готов играть и для одного, – эту фразу, как и многие другие, я придумала позже, когда летела в самолёте, а в момент прощания, проглатывая ком в горле, пожелала Серёже быть счастливым.

На улице меня ждал Миша. До самого пункта досмотра в аэропорту он развлекал меня, как мог. Я, опуская подробности, рассказала о том, как встретила этот Новый год.

– Может, Сергей болен? – предположил Миша.

– Скорее всего, лечиться нужно мне. Если бы не Таганка и не ты, я бы точно умом тронулась. Тебе между лопатками ничего не мешает?

– В каком смысле?

– В смысле, не режутся ли там крылышки?!

– Нет уж, не надейся! Я абсолютно земной, а временами даже приземлённый. А здесь, потому что это единственная возможность побыть с тобой подольше. Ты мне дашь свой адрес и телефон?

– Конечно. Звони. Пиши. Миша, у тебя по литературе пятёрка была?

– Лида! При чём здесь литература?! Ты... Я даже не думал, что такие действительно есть! И

не возражай, и ничего не говори о своём возрасте! Это смешно! И... мы скоро встретимся! Я предчувствую.

– Это, наверное, мой третий глаз к тебе переметнулся. Ну и пусть! Для хорошего человека не жалко!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Чем дальше я улетала от Москвы, тем меньше ощущала присутствие в себе сверхъестественных способностей. К моменту посадки исчезли не только третий глаз и непробиваемость, но и последние силы жить. Всякий раз, когда вспоминала очередной эпизод поездки, сердце заходило от ощущения свалившегося несчастья. Я отупела от тщетных попыток дать логическое объяснение тому, что со мной произошло, и уже не задавала вопросы: «За что?!», «Почему?!» и «Что ты делаешь с собой, Серёжа?!» Меня знобило, и очень хотелось оказаться в своей комнате.

На автобусе я доехала до своей остановки, буквально еле волоча ноги, забралась на пятый этаж, тихо открыла дверь и, сняв дублёрку и сапоги, одетая рухнула на диван под одеяло.

Я заболела. Простая простуда осложнилась пневмонией. (Наверное, потому что с температурой принимала экзамены.) Мой организм оказался умнее и в целях самосохранения решил пожертвовать физическим здоровьем, сохранив психическое. Выздоровливала медленно, но к концу зимы вошла в привычное расписание: работа, лекции, подруги, дом. Я запрещала себе вспоминать московские каникулы, но, когда приходили письма от Миши, а он писал часто, иногда не дожидаясь ответа, опять возвращалась к тем событиям и мучительно пыталась найти всемо объяснение.

Сначала, конечно, винила злобного паука Петечку. Он, по моим представлениям, присосался к Серёжиной душе и уничтожил лучшее в ней. (Кстати, во время болезни перечитывала «Бесов» Достоевского и поняла, почему мне показалось, что Петю я уже где-то видела: в моём представлении Верховенский был именно таким.)

Потом, сгорая от стыда, я решила, что сама вела себя как последняя идиотка! (Уничтожение портрета, попытки разоблачения Петра, сразу же после первого знакомства с ним, а чего стоил мой показательный сольный танец в Петинной каморке!)

Серёжу я ни в чём не винила, но понимала, что его надо спасать. Как? Не знала и от этого

мучилась. Наконец нашла правильное, как мне показалось, решение и написала ему письмо.

«Серёжа, господи, как стыдно! Уже двадцать четыре года, а всё о том же: люблю! Всё понимаю, но ничего не могу с собой поделать! Когда ты рядом, я спокойна и счастлива! С тобой я осуществляюсь как человек и как женщина!

Меня спрашивают: где гордость? Где достоинство женское? Какая гордость, какое достоинство, когда жизни без тебя нет! Мама говорит: «Из гроба выскочишь, если позовёт!»

Но ты ведь, наверное, и сам это знаешь! А пишу я, потому что боюсь за тебя! Серёжа! Что ты с собой делаешь?! Что Ты с Собой делаешь?! Тебе же Богом дано, что и не перечислить! Уж и умён, и талантлив, и красив! Что происходит с тобой? Я мало знаю о твоей жизни, но сердцем чувствую, что душа твоя мечется! Почему? Надеюсь, у тебя есть ответы на эти вопросы!...»

Письмо заканчивалось так:

«Дай Бог тебе идти своей дорогой, а тогда и я буду счастлива. Аминь».

Никогда и нигде я не употребляла этого последнего в письме слова. Почему оно пришло мне на ум? Наверное, мне казалось, что именно «аминь» должно передать всю серьёзность моей тревоги за Серёжу.

Дней через десять после отправления письма Серёжа мне позвонил. Разговор был коротким:

– Я прочитал. Если ты хочешь перебраться в Москву, то могу предложить тебе фиктивный брак со мной по минимальной цене. Две тысячи.

– Брак?! Две тысячи?!

– Да.

– А видеться мы будем?

– Возможно. Но жить отдельно.

– Это неожиданное предложение

– Обдумай и позвони, если согласна.

Серёжа ошеломил меня. «При чём здесь Москва?!» – был первый вопрос, второй: «Наверное, ему очень нужны деньги?!» Папа, который слышал наш разговор, взял меня за руку, усадил на диван и сказал: «Лида, расскажи мне всё как есть».

После возвращения из Москвы, избегая подробностей, я сказала родителям, что с Серёжей мы просто поссорились. Теперь решила, что лучше, и правда, папе узнать всё как есть.

Его реакция меня удивила. Не комментируя новогодние события, он сказал:

– Две тысячи – это большие деньги («жигули» стоят пять), но я могу их достать. Если ты

действительно хочешь уехать! Боюсь только, что обманет он!

– Папа, мне не Москва нужна, а Серёжа! А он жить со мной не собирается!

– Да и хрен с ним! Другого найдёшь. Зато прописка будет, в столице останешься!

– Менять работу, жить в коммуналке, без вас, без друзей! Ради чего? Чтобы, возможно, иногда он позволял себя видеть?!

– Чтобы в Москве закрепиться! Там другая жизнь!

– Точно. Но не моя.

– Ну, тебе решать.

Возможно, если бы это коммерческое предложение было сделано мне до Нового года и не Серёжей, я бы задумалась, потому что действительно хотела поступать на режиссёрские курсы, и мне казалось, что сделать это будет проще, проживая в столице. Но и тогда бы вряд ли согласилась: две тысячи (конечно, одолженные), папе пришлось бы отрабатывать несколько лет, не позволяя себе никаких излишеств и поездок в отпуск. А попытаться поступить на курсы можно было и не меняя прописки.

Серёже я не позвонила. И только теперь поняла, что это точно конец наших отношений. В сердце своём я чувствовала такую дыру, что удивлялась, почему, кроме меня, никто не слышит свист от сквозняка, несущегося через неё. Жила по привычке, стараясь добросовестно выполнять каждодневные обязанности.

Вечерами помогала папе готовиться к государственным экзаменам. Часто после обсуждения вопросов очередного билета, мы вели откровенные разговоры.

– Из меня человека Нина сделала. Кто я был?! Пацан без образования! Только что петь умел. А у неё характер! Её уважают буквально все! Мама хоть с кем общий язык находит! И насквозь всех видит. А я перед ней виноват! И перед Сашкой виноват! Мало ему внимания уделял! Всё работа да работа! А вот теперь он в Казахстан уедет (Сашу определили в Актюбинск), и неизвестно, когда увидимся!

Но больше всего папа переживал, что редко приезжал к своей маме.

– Почему таким дураком был?! А сейчас уже не поправишь ничего!

Я его утешала:

– Все мы, дети, такие, о родителях вспоминаем, когда жизнь прижмёт.

В один из вечеров папа вдруг сказал:

– Лида, роди нам с мамой ребёнка! Ты замуж, наверное, не скоро выйдешь! Роди, от кого хочешь, оставь нам, а сама можешь дальше учиться!

– Папа! Ты что?! Я, во-первых, своих детей не оставлю никогда, ни с кем, даже с вами, а вторых, Аня скоро родит!

– Это хорошо, но они уедут, и ты собираешься. Будем мы с матерью одни.

– А хор твой?! А хоровики... и хоровички?!

Папа пристально посмотрел на меня.

– Ты знаешь?..

– Да. Я вас видела в больнице.

– Осуждаешь?

– Нет. Просто жалко всех. Никто не виноват, но и счастья нет! Давай не будем это обсуждать!

– А мама... ты ей сказала?

– Конечно нет! Как ты мог такое подумать?!

В апреле мы узнали, что меня назначили секретарём ГЭКа у заочников.

– Да! Покажи такое в кино, я бы сказал, что сценаристы совсем заврались! – смеялся папа. – Это же надо: отец сдаёт экзамены, а дочь в комиссии!

– Папа! Ты же уникальный студент! История нашего вуза ещё не знает примера, когда бы диплом получали в сорок девять лет! Ты – первый!

– Теперь у меня переживаний в два раза больше будет!

Но всё прошло успешно, особенно экзамен по хоровому дирижированию. С трудом умещаюсь на сцене актового зала, поблёскивая кокошниками и атласными лентами на сарафанах и рубашках, стоял папин хор: аппаратчики, лаборанты, пожарные, шофёры, воспитатели детских садов... (По распоряжению директора химкомбината всех участников в этот день освободили от работы.) Папа, я знаю, накануне от переживаний заснул только под утро, но по его вдохновенному лицу, по тому, как он взглядом ободрял своих певцов, вселял в них уверенность, никто бы не заметил ни волнения, ни тем более усталости.

Никогда до этого хор не пел так профессионально. Мощно, проникновенно, до самого сердца. По протоколу ведения экзамена аплодировать не разрешалось. Я сидела рядом с председателем экзаменационной комиссии (женщиной, профессором из университета). Отзвучал хор, она поднялась, первая захлопала в ладоши, а за ней и весь зал! Взволнованный папа еле сдерживал слёзы! Зато, не стесняясь, плакали некоторые участницы и, конечно, я. В довершение

успеха в этот день стало известно, что подписан указ о присвоении папе звания заслуженного работника культуры России.

Середина лета стала временем расставаний: сначала проводили Сашу (Аня должна была приехать к нему после родов), потом Марину. Она всё-таки решила поступать в Ленинградский институт. С Мариком их отношения так и не определились:

– Сдам экзамены, там видно будет!

Вера уехала на собственную свадьбу с Игорем. Обещала к сентябрю вернуться с мужем.

Наташа, моя коллега, осенью опять собиралась в Ленинград, поступать в аспирантуру, а пока мы с ней принимали вступительные экзамены. Иногда после работы гуляли по Весенней, ходили в кафе и в гости к Мите, который тоже через месяц уезжал в Ленинград. На меня по-прежнему заглядывались молодые мужчины, и с некоторыми из них я встречалась. В моменты свиданий предугадывала поступки и ответные реплики кавалеров. При этом они были очарованы мной и уверены в собственной неотразимости. Ни о какой любви я не думала и мёрзла постоянно, потому что дыра в сердце не зарастала, и из неё сквозило пуще прежнего. А когда позвонил знакомый поэт и сказал, что умер Высоцкий, стало ещё хуже. И даже сообщение папы о том, что на конец августа он мне купил путёвку в Болгарию, сквозняк этот остановить не смогло.

«Курица не птица, Болгария не заграница», – шутили туристы в нашей группе, хотя поехать туда могли и начальники, и передовики производства, или имеющие знакомство. (Как в моём случае). Прежде, чем получить путёвку, я прошла два собеседования: в институте на бюро комсомола с присутствием парторга, где задавали вопросы о политике Болгарской коммунистической партии, о её лидерах; и в обкоме профсоюзов, там в основном давалась информация о правилах поведения советского гражданина за границей. Всё это было и смешно, и противно, но неизбежно. На общем собрании туристов меня выбрали культургом группы (соответственно, были ещё парторг и профорг).

Собрав свои лучшие наряды и упаковав чемодан, я выслушивала последние наставления папы (они с мамой в Болгарии были несколько раз).

– Все вещи покупай сразу в Софии. В других городах возможности не будет, а на море тем

более. Постарайся найти пальто, хотя это трудно, у них летом тёплые вещи редко где продают. Главное, подружиться с гидом, они всё знают и покажут.

– Не волнуйся, на месте сориентируюсь. А ты на солнце меньше лежи! И маме не давай! Это вредно! И вообще, берегите себя! (Родители уезжали через неделю в Сочи).

Ранним утром папа уложил чемодан в такси, мы обнялись, он крепко прижал меня к себе, а я его поцеловала в щёку.

– Папа, спасибо тебе ещё раз! Если бы не ты...

– Отдыхай, ни о чём не думай!

Мы летели через Москву. После Олимпиады она стала неузнаваемо безлюдной (к соревнованиям всех, кого руководство считало лишними, под разными предлогами из столицы удалили), гулкой, и в этом было что-то мистически-тревожное. Я, конечно же, думала о Серёже, гадала, где он сейчас? Понимала, что случайно встретиться шансов нет, но всё равно, как последняя дура, надеялась.

В самолёте до Софии сидела с Ксенией (молодой миниатюрной красивой женщиной, которую муж отпустил прийти в себя после болезни и безвылазного нахождения дома с двумя детьми. Мы с ней ещё в Кемерово решили держаться вместе) и болгаринном средних лет. С мужчиной – а он знал русский язык – разговорились и в процессе поделились друг с другом несколькими анекдотами. За один из них (что-то про стиральный порошок, который в СССР сложно достать) меня хотели сразу по прибытии в Софию отправить обратно, кто-то из бдительно-внимательных попутчиков тут же доложил парторгу и руководителю группы. Но потом, видимо, настроение изменилось, и о том намерении я узнала уже дома.

Болгария, конечно, была за границей! Другие люди (суровые смуглолицые женщины и красавцы-мужчины), другая архитектура, еда другая (впервые попробовала там оливковое масло), а какое разнообразие вин! (Этим я не преминула воспользоваться, как и все члены нашей группы.)

Два дня осматривали достопримечательности Софии. Я помнила папин наказ найти магазин, где продают пальто, а для этого подружиться с гидом. Им оказался стройный тридцатилетний красавец с утончёнными чертами лица, которое выражало «как вы, отдыхающие, а бабы

особенно, надоели мне!» Не я одна понимала, что гид – лучший друг туриста. Все женщины (особенно незамужние) и некоторые мужчины с подбострастием донимали Станоя (так звали гида) вопросами (часто по идиотскому поводу), на которые он снисходительно отвечал. Но мне действительно было нужно пальто, и я в первый же день приезда, выждав момент, когда Станой остался один, спросила:

– В каком магазине можно купить демисезонную верхнюю одежду?

Последовали уточняющие вопросы: что такое «демисезонная»? Что подразумевается под одеждой? Я объяснила. Тогда в быстром темпе он в течение минуты, произнося множество названий незнакомых улиц, рассказал, как пройти к этому заветному месту. В завершение спросил:

– Я понятно объяснил?

– Да.

«Попробую купить в Москве на обратном пути», – подумала я и спокойно отошла в сторону. После посещения мавзолея, где покоился Димитров (обязательная программа всех советских туристов), группе дали свободное время до ужина. Мы с Ксенией решили обойти ближайшие к отелю магазины. Неожиданно подошёл гид.

– Это вы хотели купить одежду на осень? Нам по пути, могу проводить.

Наша встреча с пальто состоялась! Оно оказалось из микровельвета, почти бархатное, бордовое, длинное, с поясом, рукав реглан – ничего подобного я раньше не носила.

– Как будто на тебя шили, – сказала Ксения.

К пальто присоединились: вельветовый пиджак, твидовая юбка-карандаш, шарфы для папы и мамы, короче, денег осталось только на самое необходимое.

Во время ужина мы с Ксенией сидели в компании руководителя группы, Николая (вероятно, после рассказанного в самолёте анекдота меня решили держать под пристальным контролем), его жены и гида. После десерта (пирожные с кремом, пропитанные коньяком) Станой неожиданно сказал:

– Лидия, вы когда-нибудь были в ночном клубе?

– Нет.

– Приглашаю сегодня пойти со мной.

– Лидия не хочет, – ответил за меня Николай. – Так ведь, Лида? – И выразительно посмотрел мне в глаза. Это не помогло.

– Я ненадолго сходила бы. Может, пойдём все вместе?

– Посещение ночного клуба не предусмотрено программой! – возразил руководитель. – Мало ли что может произойти! Мы останемся в гостинице.

– Тогда я беру Лиду под свою ответственность, – с серьёзным видом сказал Станой, – надеюсь, вы доверяете мне?

Николай не нашёл, что возразить, и мы пошли в ночной клуб, где я была, наверное, единственным представителем СССР. Мы сидели за столиком напротив круглой сцены (она же и танцплощадка), пили джин с тоником (я в первый раз и с удовольствием!) и слушали выступления местного юмориста (я ничего не понимала, как и многие иностранцы). Потом замелькали цветные огни, зазвучал голос Челентано, и началась дискотека. Мы одними из первых вышли в круг. Среди танцующих, мужчин (стройных, стильных, доброжелательных) было не меньше, чем женщин! Вернулись под утро, а через час наша группа садилась в автобус. Я до первой остановки (бассейна с минеральной водой) спала на заднем сидении.

Солнце, ракия, вино, свежие овощи и фрукты, отсутствие забот постепенно стирали с туристов нашей группы отпечатки зажатости и напряженности. Теперь уже Николай и его жена не отказывались от внеплановых развлечений, которые предлагал Станой, и ходили на них вместе со мной, Ксенией и Драго, водителем нашего автобуса.

Наконец мы приехали на Солнечный Берег! Разместились с Ксенией в номере, наплавались в море и побежали (уже опаздывали) готовиться к прощальному ужину. Утром Станой и Драго должны были везти уже других туристов по обратному маршруту в Софию.

В ресторане все напились до состояния всеобщей любви. Никто не хотел, чтобы Станой и Драго покидали нашу группу. Момент прощания откладывали, как могли. С песнями и пританцовками гурьбой пошли на пляж. Прыгали по набегавшим волнам, кто-то из мужчин пытался ходить на руках и сделать колесо. Многие женщины разделись и купались в белье. (Было темно, и видимость ограничивалась десятью метрами.)

Утром, когда мы проснулись, автобус со Станоем и новыми туристами уже уехал.

Оставшуюся неделю я и моя соседка по комнате посвятили пляжу, игре в «тысячу» вместе с Николаем и шахтёром из Ленинска, сну и разговорами «за жизнь». Ксения умела и любила слу-

шать (особенно, когда я читала стихи) и без зазудства пыталась дойти до самой сути. У меня впервые были доверительные отношения с молодой (на шесть лет старше) замужней женщиной. Её, в основном счастливые, впечатления от семейных будней, любовь к дочерям заставляли с горечью осознавать, что моя личная жизнь – череда сплошных провалов. Постепенно мы прониклись симпатией друг к другу, особенно, когда выяснилось, что обе считаем своего папу необыкновенным, талантливым, короче, самым лучшим.

Отец Ксении, известный журналист, фронтовик, к несчастью, умер год назад. Но в её рассказах он был живым, остроумным, любящим, настоящим другом. Когда я говорила о своём (вообще во время поездки заметила, что постоянно вспоминаю папу), Ксения и восторгалась, и смеялась, иногда даже сомневалась (например, в том, что папа выкинул из трамвая двух хулиганов).

– Когда приедем, я вас познакомлю, и он сам тебе расскажет! А какие папа блинчики печёт!

– Ох, что-то уже домой хочется! К девочкам своим, к мужу!

– А меня дома никто не ждёт: родители сейчас в Сочи, подруги ещё, наверное, не вернулись. Я бы здесь задержалась.

72

В последний день перед отъездом на меня навалилась такая тоска и ощущение безысходности, что ревела полдня. Причины сама не могла понять, а уж Ксения тем более, она пыталась успокаивать, но от этого слёзы лились ещё больше. Под вечер уже не плакала, но на душе было тяжело, будто завтрашний отъезд предстоял не домой, а в другую незнакомую жизнь. Ночью во сне увидела папу: он, красивый, молодой, довольный, сидел во главе большого стола в каком-то незнакомом одноэтажном доме. Кругом гостей видимо-невидимо. Все едят и выпивают. И папа тоже.

– Папа, тебе же нельзя пить! – говорю ему.

– Лида, доченька! Мне теперь всё можно!

Сон был странным, но весёлый вид папы меня ободрил, я успокоилась и стала строить планы, думать о том, как поеду на режиссёрские курсы, решила возобновить к ним подготовку и больше не откладывать попытки поступления.

В Москве (мы останавливались на сутки) я позвонила в Кемерово маминной подруге. (У неё родители оставили ключи от квартиры.)

– Лидочка, хорошо, что ты объявилась. Когда приезжаешь?

– Завтра утром.

- Лида, мама прилетает через два дня.
- Почему?! Что случилось?!
- Лида... папа умер. В Сочи. Вчера.

Самым тяжёлым оказалось по приезде из Москвы первой и одной войти в квартиру, из которой родители уехали отдыхать. Я переступила порог и почти физически ощутила, как мимо меня в открытую дверь вылетела прежняя счастливая (теперь я это поняла) жизнь. Мне казалось, что в дороге уже выплакала все слёзы, но, увидев стопку учебников, с которыми папа радостно попрощался после экзаменов, заревела с новой силой.

Мёртвым я папу не видела. Его привезли во Дворец культуры в закрытом цинковом гробу. Внезапная смерть от сердечного приступа (умер в медпункте санатория через десять минут после того, как в поликлинике сделали ЭКГ, и молоденькая врач сказала: «Ничего серьёзного. Не знаю, что вы так стонете. Боль терпимая. Можете идти в свой корпус»). И они с мамой по жаре пошли до санатория) потрясла всех, кто знал папу. Я и Саша сидели с мамой и остальными родственниками (кроме тёти Полины, она болела) у обложенного цветами гроба. Запомнилось только, что люди шли и шли, и цветов становилось всё больше и больше. Потом, позднее, уже на фотографиях увидела моих подруг, одноклассниц, коллег и студентов, участников хора: мужчины едва сдерживали слёзы, женщины рыдали.

На поминальном обеде молодой, задорный папа смотрел на меня с портрета. Оглядев собравшихся за столами, я вспомнила сон перед отъездом из Болгарии.

Вспомнила, каким радостным и довольным папа там был, и поняла, что даже после смерти он хотел утешить меня, хотел, чтобы я знала, что душе его светло.

После девяти дней родственники уехали, а Саша ещё раньше, его отпустили только на похороны. Мы остались с мамой одни. Вышли на работу. Вечерами решали, как жить дальше. Выяснилось, что на отпуск папа взял деньги взаймы, в надежде на обещанный дополнительный заработок.

– Хорошо, что мы всё потратить не успели, – сказала мама и заплакала. – Не знаю даже, как отдавать, где что брать?!

– Мама, это же не срочно! Накопим, сдадим что-нибудь в комиссионку. Я пальто своё новое продам, пиджак!

– Нет! Иван хотел, чтобы ты там обязательно что-то купила.

– Перезаймём! Выкрутимся. Мне на работе материальную помощь обещали.

– И мне.

– Вот видишь? К тому же на похоронах люди деньги давали.

– Это на сорок дней. Но, может, ещё останется.

Скоро выяснилось, что без папы мама совсем не могла вести хозяйство (все основные покупки он всегда делал сам), ходила растерянная, советовалась по малейшему поводу, последнее слово оставляла за мной и иногда даже боялась одна оставаться в квартире. Только в своём коллективе, в лаборатории, она как-то отвлекалась. Постепенно мы стали выплачивать долги (экономили на всём), и стало ясно, что ни о каком поступлении на режиссёрские курсы речи пока быть не могло.

В конце октября умерла тётя Полина. Ещё летом я приезжала к ней в больницу. Тётя старалась бодриться, но во взгляде прежнего задора не было. Вспоминали бабушку, смешные случаи из нашего с Сашей детства, о моей личной жизни молчали, но, когда я уже выходила из палаты, тётя окликнула меня и неожиданно сказала:

– Ты не тоскуй! Может, ещё немного помыкаешься, но счастья своего дождёшься!

Пока мы ехали в автобусе, я плакала, отвернувшись от мамы (чтобы лишний раз не расстраивать её).

Тётю провожали из маленькой единственной в городе церкви. Слова молитвы и тихое пение притупляли боль, напоминали о том, что жизнь вечная, в последнее время в это особенно хотелось верить.

В ноябре маму положили на обследование в больницу от химкомбината. Я осталась дома одна. Подруг рядом не было.

Марина поступила на театроведческое отделение и уехала в Ленинград. Жизнь показала, что Марик по-прежнему не способен предложить ничего конкретного, хотя грозился как-нибудь неожиданно навестить её на новом месте.

– Да куда он не придет! Бабуля не разрешит! Я теперь точно знаю. Не даст она нам пожениться! Никогда!

Марина или виду не показывала, или уже смирилась с мыслью о разрыве, но переживаний по поводу разлуки я не заметила. Возможно, теперь, когда город на Неве раскрыл ей объятия, она как человек практичный оставила Марика только в качестве запасного аэродрома?

Уехал в Ленинград и Митя. Писал там диссертацию, а к праздникам присылал на кафедру остроумные поздравления и шуточные зарисовки своей жизни в Северной столице.

С Верой мы почти не виделись: у неё началась замужняя жизнь и учёба в заочной аспирантуре Новосибирска. В редкие наши встречи рядом неотлучно находился Игорь, разнообразно одарённый, общительный, но ревнующий Веру даже к подругам. Когда я приходила к ним в гости, он становился напряжённым, да и мне было неуютно: никак не могла привыкнуть к постоянному присутствию рядом с Верой пока чужого для меня человека.

Через неделю маму перевели в областную онкологическую больницу. После обследований я пришла к её лечащему врачу, на вид усталому, безэмоциональному мужчине, лет сорока пяти, узнать о результатах.

– У неё опухоль, скорее всего, злокачественная. Мы отправили на гистологию, но по виду похоже, что рак. Нужно срочно удалять. Вы не бледнейте, это же не конец! Опухоль уберём, если другие органы не задеты, может, до старости проживёт! Паниковать не надо.

– А она знает?

– Нет. Мы пациентам не говорим. Только близким родственникам. Важно, чтобы настрой у больного был на выздоровление. Так что вы подержите свою маму.

Опять рыдала в одинокой своей квартире. Горе не вмещалось ни в сознание, ни в сердце. Отдать хотя бы часть его было некому: Сашу и Аню, пока не придут результаты гистологии, расстраивать не хотелось, Марина и Вера уехали. Рука сама набрала Серёжин номер.

– Алло! Вас уже слушают, – бодрый, вызывающе-заигрывающий тон.

– Серёжа, здравствуй!

– Здравствуй! – Молчание. – Лида?! Ты что, в Москве?

– Нет. Дома.

– Решила позвонить?! – он веселился.

– Да. Серёжа, мой папа в сентябре умер.

Небольшая пауза.

– Вот как? Что же, жаль. – Ещё пауза, и дальше прежним тоном: – Ну ничего не поделаешь! Мы все умрём когда-нибудь. Человек, к несчастью, смертен. И ты, и, – он хихикнул, – даже я. Вот такая вот закономерность, малыш!

Не помню, ответила ли я или просто положила трубку. Мне было стыдно! Мне было стыдно

перед папой так, что я сжалась в комок и застонала! Больше с Серёжей не разговаривала никогда. А через шесть лет увидела его в последний раз.

Тогда я ехала в трамвае в поликлинику химкомбината. День назад похоронили маму, и нужно было срочно отдать врачу оставшиеся от инъекций ампулы промедола. В начале лета маме сделали вторую операцию и отправили домой умирать. Наступили тяжёлые времена. День мой был расписан по минутам (это в какой-то степени притупляло боль): помимо работы (в приёмной комиссии) пять раз ставила уколы, делала уборку, вечером готовила ужин и обед на завтра, стирала и гладила бельё, укладывала спать дочек, вставала в шесть, чтобы к восьми утра приехать в поликлинику. Дорога только в один конец занимала сорок минут. Это было неудобно, но мы с мужем решили не прикреплять маму в больницу по месту жительства: не хотели, чтобы она поняла, что в родной свой коллектив уже не вернётся никогда. После первой операции мама прожила шесть лет. Ходила на работу, отдыхала в санатории, помогала воспитывать двух наших девочек. Мы переехали в полнометражную четырёхкомнатную квартиру в центре города. С мужем своим я познакомилась на новогодней вечеринке у Светланы, лаборантки нашей кафедры (умницы, модницы, студентки заочного исторического факультета). На том, чтобы пойти к ней, настояла мама.

– Обязательно соглашайся! Буду знать, что ты не одна, в компании, и в больнице веселей лежать станет!

– Вы не пожалеете! – говорила Светлана. – У нас всегда весело, и, честно говоря, Лида, там будет Григорий, товарищ мужа, мы хотим вас познакомиться. Но он старше.

– На много?

– Нет. Лет на пять.

– Надеюсь, неженатый?

– Нет, но разведён. Умный, порядочный, симпатичный, живёт в своей квартире.

– Так у него, наверное, и без меня есть с кем время проводить, с такими-то достоинствами.

– Время с кем проводить есть, а для серьёзных отношений... короче, классный мужик, может, понравится друг другу!

– А если нет?!

– Да и ладно! Это не обязательно! Будем просто веселиться! Известно же, как встретишь Новый год, так его и проведешь! (А уж мне-то как известно!)

Я встретила Новый год с Григорием. Было ощущение, что знала его всегда. В тот же вечер рассказала ему о Серёже.

– Лида, а ведь мы с тобой уже виделись!

– Когда? Где?

– В ресторане «Современник». Ты приходила туда с Кортниковым. И тоже в Новый год!

Я стала вспоминать и поняла, что тот единственный в Серёжиной компании доброжелательный, улыбающийся, подбадривающий меня человек и был Григорий!

На следующий день он пришёл ко мне домой, и с тех пор мы не расставались. (Разве что во время командировок, ненавистных из-за разлуки.)

Со своего места я смотрела в окно. Август начался дождями, и лужи не успевали высыхать. Многометровый хвост очереди из винного магазина (партия во главе с Горбачёвым боролась с пьянством в стране) упирался в одну из них. Подумала: «Хорошо, что талоны на водку (на похороны пить разрешалось), Григорий уже отоварил, спиртного должно хватить и на девять, и на сорок дней». Трамвай остановился. Из магазина вышли двое бомжеватого типа мужчин: высокий и низкий. Высокий, с длинными светлыми волосами, свисающими лоснящимися прядями, в мешковатой куртке был похож на Серёжу. Он что-то увлечённо рассказывал товарищу, размахивая руками. Мужчины перешли дорогу и встали на остановке спиной к моему окну. Трамвай тронулся, высокий обернулся, и стало очевидно, что это действительно Серёжа.

Моё сердце не дрогнуло. Не было ни удивления, ни любопытства. Только чуть позднее возникло лёгкое чувство вины за то, что не смогла помешать Серёже так разительно перемениться, а сама счастлива с мужем. Трамвай ехал дальше, я думала о том, что вечером расскажу Григорию об этой встрече, радовалась, что от него ничего не надо скрывать, не надо подделываться, притворяться и, вообще, можно оставаться такой, какая есть, и ненакрашенной, и смешной, и иногда глупости говорить, не скрывать своей любви и жить легко, как дышать, и замирать от счастья всякий раз, когда он после работы открывает ключом входную дверь.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Пока писала роман, прошло почти два года. Отдельные его главы я отсылала в разные концы мира близким мне людям. (В Москву, Нью-Йорк, Хайфу, Санкт-Петербург, в Кемерове зачитывала своим друзьям.) Многие в романе узна-

вали себя, говорили о том, что опять вернулись в молодость, вспомнили и вновь пережили события, о которых я рассказала. Все ждали, когда можно будет прочитать произведение целиком, хотели узнать, чем же оно закончится? Я предполагала, что финал будет таким:

Прошло почти тридцать лет. О том, что Серёжа умер (в возрасте моего папы), мне стало известно от Лены. Она сказала, что это случилось в каком-то южном городе, внезапно, а других подробностей не знает. Вообще о жизни Серёжи я догадывалась только по отдалённым слухам. Кто-то в самом начале перестройки встречал его беззубого на Арбате, чуть позднее я услышала, что Серёжа влюбился в юную девушку, и у него на глазах её насмерть сбила машина. Потом долгие годы новостей не было совсем, и вот последняя, страшная – от Лены. Я не могла поверить, что Серёжи больше нет на свете, плакала навзрыд, говорила: «Какой ты дурак! Почему не смог себя уберечь?! Как ты это допустил?!»

А год назад со мной и Григорием по скайпу вышел на связь Валентин (у которого мы были с Серёжей в гостях и который оказался давним приятелем моего мужа). Он теперь закоренелый житель Нью-Йорка, но в курсе всех событий, происходящих со знакомыми, разбредшимися по миру. Валентин рассказал, что Серёжа изобрёл и запатентовал новый метод изучения иностранного языка. Стал автором книги по этой теме. Поселился в Краснодаре, преподавал там английский язык в университете, лицее, на курсах повышения квалификации. Взял в жены женщину с ребёнком, она родила ему ещё троих детей: двух девочек и мальчика. Но последние годы Серёжа жил один в небольшом городке у моря (туда же переехали его родители). По официальной версии, умер от сердечного приступа в своей квартире.

После этих новостей Григорий удивлялся, как можно было оставить троих детей. Как можно было вообще выходить замуж за такого!.. И здесь он не находил слов!

А я обрадовалась, что Серёжа стал отцом, что, наверное, любил и был любим, изобрёл что-то новое! Была уверена, что детям своим он помогал. Чувство вины, которое я часто испытывала, думая о Серёже, прошло. Но стало больно от того, что душа его, по-видимому, не успокоилась, металась, мучилась, искала чего-то и не нашла.

Ежедневно молюсь теперь об её упокоении. (Раньше, после того как рассказала о Серёже на исповеди, молилась о её здравии.)

С Григорием мы вместе уже почти тридцать пять лет. Радуюсь каждому прожитому с ним дню. Опять стала писать стихи.

*Я никогда не привыкну
К тому, что ты рядом, мой.
Уходишь, я вслед окликну:
«Пораньше вернись домой!»
Я ещё не налюбуюсь
На то, как смешно пьёшь чай,
Как дразнишься, когда хмурюсь,
По-детски боишься врача.
Как с дочками ты танцуешь
Бережно, чуть дыша,
Их тайно ко всем ревнуешь.
Как бреешься не спеша.
Я никогда не устану
Слушать, как ты поёшь
Песни про атамана,
Нинку и финский нож.
Мне жаль, что не научилась
Тому, как легко живёшь –
Сдаёшься на Божью милость,
Последний теряя грош.*

Мы пережили и перестройку, и перестрелку (офис мужа взрывали и поджигали), не спали ночами, ожидая груз, в который вложили все деньги. Во время кризиса, чтобы расплатиться с долгами, бизнес продавали и опять начинали с нуля. Всем

этим, конечно, занимался Григорий, я помогала, но основным местом работы оставался институт. За эти годы поняла, что жить нужно здесь и сейчас, но делать этого пока не научилась.

В пятьдесят пять лет ушла на пенсию. Пою в церковном хоре. А в этом году состоялась первая служба в маленьком храме, который построила бригада строительной фирмы Григория. Во время литургии со своего места на клиросе я смотрела на дочерей, на то, как мой муж ведёт к причастию внука и внучку, думала о том, что в загородном доме накрывают на стол и ждут нас зятья, надеялась, что когда-нибудь они тоже придут в храм, и старательно выводила: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите!»

Вот чем я решила закончить роман. Вроде в эпилоге правду написала, как думала и чувствовала на самом деле. Но прочитала последний абзац, и в этой героине себя не узнала – всё-то у неё хорошо, всё ладится, и сама правильная, благообразная, уж точно не я.

Но финал оставляю. Может, мне когда-нибудь удастся по-настоящему стать такой? Не зацикливаться на себе, не ныть от болячек, которых с возрастом становится всё больше, не раздражаться, не черстветь, перестать сквернословить в сердцах, не унывать, не трястись от страха за родных и близких, а научиться любить их, не навязывая свою волю и действительно доверяясь Богу...

